

Институт стран СНГ

Научно-аналитический журнал

ГЕОЭКОНОМИКА ЭНЕРГЕТИКИ

№ 2 (26)

Москва

2024

СОВЕТ УЧРЕДИТЕЛЕЙ

Затулин К. Ф., специальный представитель Государственной думы РФ по вопросам миграции и гражданства, первый заместитель председателя Комитета Государственной думы РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, депутат Госдумы I, IV, V, VII созывов;

Никифоров К. В., доктор исторических наук, историк-славист, директор Института славяноведения РАН;

Тишков В. А., доктор исторических наук, профессор, историк, этнолог, социальный антрополог, действительный член РАН;

Торкунов А. В., действительный член РАН, доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор, ректор МГИМО МИД России, председатель совета директоров АО «Первый канал».

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Глазьев С. Ю., академик РАН, доктор экономических наук, профессор, советник Президента Российской Федерации, представитель Президента Российской Федерации в Национальном банковском совете;

Егоров В. Г., доктор исторических наук, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Международные отношения и геополитика транспорта» РУТ (МИИТ);

Кожокин Е. М., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России;

Кузнецов А. В., член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, директор Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН;

Ли Юнцюань, директор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук;

Симонов К. В., кандидат политических наук, доцент Финансового университета при Правительстве РФ, основатель и генеральный директор ФНЭБ;

Суварян Ю. М., академик Национальной академии наук Республики Армения, доктор экономических наук, профессор, академик-секретарь Отделения арменоведения и общественных наук.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Белогорьев А. М., заместитель главного директора по энергетическому направлению, директор Центра стратегического анализа и прогнозирования развития топливно-энергетического комплекса;

Вардомский Л. Б., доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра постсоветских исследований Института экономики РАН;

Волошин В. И., доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором энергетической политики Института экономики РАН;

Дзарасов Р. С., доктор экономических наук, заведующий кафедрой политической экономики и истории экономической науки Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова;

Жильцов С. С., доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России;

Конотопов М. В., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории ИЭ РАН;

Кришталь И. С., кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры политической экономики и истории экономической науки ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова»;

Кузнецова О. Д., доктор экономических наук, профессор кафедры истории экономических наук Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова;

Лавренов С. Я., доктор политических наук, профессор Военного университета Министерства обороны России;

Медведев Д. А., кандидат политических наук, доцент кафедры национальной безопасности РГУ нефти и газа (НИУ) им. И. М. Губкина;

Олимов М. А., доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения Таджикского национального университета;

Панова Г. С., доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой «Банки, денежное обращение и кредит» Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России;

Рахимов М. А., доктор исторических наук, профессор, Координационно-методический центр новейшей истории Узбекистана;

Тавадян А. А., доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра экономических исследований Армении;

Устюжанина Е. В., доктор экономических наук, заведующая кафедрой экономической теории Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова;

Хейфец Б. А., доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН, профессор Финансового университета при Правительстве РФ;

Чуфрин Г. И., доктор экономических наук, профессор, академик РАН, руководитель научного направления, Центр постсоветских исследований ИМЭМО РАН;

Штоль В. В., доктор политических наук, профессор, член научного совета при Совете безопасности России, член центрального правления Российской ассоциации содействия ООН, член Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Управлении Министерства юстиции Российской Федерации по Московской области.

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор – А. А. Мигранян, доктор экономических наук, профессор

Редактор – О. А. Борисова, научный сотрудник Института стран СНГ

Корректор – Т. С. Митрофаненко

Вёрстка – А. А. Горбунов

**Учредитель и издатель –
Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ)**

**Журнал «Геоэкономика энергетики»
рекомендован Высшей аттестационной комиссией (ВАК)
в Перечне ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации
на соискание учёной степени кандидата и доктора наук.**

СЛОВО РЕДАКТОРА

Мировые энергетические рынки в последние месяцы характеризуются устойчивыми трендами трансформации – переходом от перераспределения долей рыночной ниши отдельных стран к формированию новых устойчивых связей со странами периферии, которые стали замещать российские поставки энергоресурсов (точнее, опосредовать эти поставки). Лидерами данного тренда в 2024 г. продолжают оставаться Китай и Индия, при этом конкуренция между странами за более выгодные условия импорта российских энергоресурсов стала лишь первым фактором усиления их влияния на мировых энергетических рынках. Вторым фактором растущего влияния этих стран становится усиление позиций в Центрально-Азиатском регионе. Вслед за Китаем Индия стала закреплять свои позиции в странах Центральной Азии за счет расширения сотрудничества с ними по импорту энергетических ресурсов (из Казахстана и, в перспективе, Туркменистана), выстраиванию новых транспортных коридоров, формирующих связанность региона с Индией, Ираном и Пакистаном, и расширению сфер сотрудничества (саммит «С5 + Индия») в целях диверсификации поставок энергоресурсов.

Саудовская Аравия также усилила работу по формированию многовекторной экспортной политики, расширяя круг партнеров по экспорту ее энергетических ресурсов и переориентируясь на сотрудничество со странами Глобального Юга (повышая эффективность использования механизмов ОПЕК+ и участия в БРИКС).

Китай стал больше уделять внимание развитию альтернативной возобновляемой энергетики, пытаясь совершенствовать технологии передачи и сохранения ВИЭ, сопрягать ее с традиционной генерацией электроэнергии и повышать ее эффективность за счет привлечения средств различных международных кредитных институтов.

На этом фоне энергетическая политика стран Старого Света стала все более переориентироваться на идеологические цели, теряя свой прагматизм и экономическую эффективность. Особенно данный тренд прослеживается в эволюции энергетической политики Германии, которая существенно повышает риски с учетом включенности в нее политики энергетического перехода. Исследования энергетической политики стран ЕС позволяют оценить влияние изменений энергетической политики на развитие промышленного потенциала, снижения энергетической зависимости от российских поставок с переходом на более дорогие энергоресурсы, что в результате обосновывает стремление незападных стран переориентировать свою энергетическую политику.

Исследования основных тенденций эволюционирования энергетической политики стран позволяют констатировать необходимость изменения международных транспортных коридоров, способов доставки для подсанкционных экспортеров своих энергоресурсов. Что отражается не только на глобальных, но и на региональных игроках, которые возникают при пересечении двух новых глобальных МТК: Восток – Запад и Север – Юг.

С уважением,
главный редактор Мигранян А. А.

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО РЕДАКТОРА	4
ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ	
ГРОЗИН А. <i>Индия и центральноазиатский фактор перестройки энергетической и транспортной карты Евразии</i>	6
МИРОВЫЕ ТРАНСПОРТНЫЕ КОРИДОРЫ	
МАРКАРОВ А., ДАВТЯН В. <i>Платформа сотрудничества «3 + 3» и перспективы разблокирования транспортных коммуникаций на Южном Кавказе</i>	22
ИНФРАСТРУКТУРА ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ РЫНКОВ	
ОСТАНИН-ГОЛОВНЯ В., АФАНАСЬЕВ В. <i>Энергетический фактор в развитии внешней политики Саудовской Аравии на современном этапе</i>	38
СУГОНЯЕВ П. <i>Доктринальные основы энергетической политики современной Германии</i>	52
МИРОВЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ РЫНКИ ЭНЕРГОРЕСУРСОВ	
ВЫШЕГОРОДЦЕВ Д. <i>Перспективы рынков стран Центральной Азии для российских нефтяных компаний</i>	67
ЭКОЛОГИЯ И НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ	
ПРОКОФЬЕВ В. <i>Проблемы роста альтернативных источников энергии в Китае</i>	90
АКТУАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ ЭНЕРГОСЕКТОРА	
СИМОНОВ А. <i>Энергетическая (не)зависимость и страновая специализация как фактор глобальной конкурентоспособности</i>	106
ОСОБОЕ МНЕНИЕ	
МУДРОВА С., БОЛОНКИН В., ДАВЫДОВ А. <i>Воздействие некоторых факторов на ценообразование на рынке недвижимости Российских мегаполисов</i>	138
МОЛОДОЙ УЧЕНЫЙ	
ЛАЛАЯН Л. <i>Экспортный потенциал Киргизии в агропромышленном комплексе</i>	157

Андрей ГРОЗИН

ИНДИЯ И ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЙ ФАКТОР ПЕРЕСТРОЙКИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ И ТРАНСПОРТНОЙ КАРТЫ ЕВРАЗИИ

Дата поступления в редакцию: 18.04.2024.

Для цитирования: Грозин А. В., 2024. Индия и центральноазиатский фактор перестройки энергетической и транспортной карты Евразии. – Геоэкономика энергетики. № 2 (26). С. 6–21. DOI: 10.48137/26870703_2024_26_2_6

В статье анализируются предпосылки и основные направления возможных шагов Индии по расширению своего влияния в регионе Центральной Азии. Оценивается значение перспективных транспортных и энергетических проектов в Центральной Евразии для Индии как одного из ключевых и наиболее значимых потребителей энергоносителей из России и центральноазиатских государств. Отдельно рассматривается стратегия расширения индийско-узбекского сотрудничества как наиболее перспективной опорной базы для реализации геополитических и геоэкономических интересов Индии в регионе.

Продолжающиеся и углубляющиеся глобальные геоэкономические и геополитические трансформации создают широкое поле возможностей для начинающейся перестройки континентальной энергетической и транспортной систем. В этих условиях от индийского руководства требуются активные шаги в реализации своей внешней политики, чтобы не остаться в стороне от масштабных проектов освоения ключевых пространств континента, включающих в себя ресурсный и транзитный потенциал России и Центральной Азии.

Республика Индия (Бхарат Ганараджья) остается чрезвычайно значимым для стабильности и устойчивого развития Евразии в средне- и долгосрочной

ГРОЗИН Андрей Валентинович, кандидат исторических наук, заведующий отделом Средней Азии и Казахстана Института стран СНГ, старший научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук. **Адрес:** Российская Федерация, г. Химки, 141410, пр. Мельникова, д. 2/1. **E-mail:** andgrozin@yandex.ru. **SPIN-код:** 5621-8571

Ключевые слова: Индия, Нью-Дели, Центральная Азия, Узбекистан, Россия, регион, энергетика, транспорт, геополитика, геоэкономика.

перспективе государством. При этом на выработку и реализацию внешней политики Нью-Дели оказывает ситуация в энергетическом секторе страны. Индийская энергетическая политика прямо влияет не только на геоэкономическую, но и на геополитическую стратегию государства.

Очевидным является то, что заинтересованность Нью-Дели в расширении своего влияния в регионе определяется не только индийской энергетической стратегией, но и, в меньшей мере, желанием укрепить в Центральной Азии (ЦА) свои геополитические позиции. Текущая мировая ситуация способствует появлению реальных путей для реализации данных намерений: перестройка всей системы международных отношений создает новые возможности для расширения сфер влияния как исторически сложившимся, так и новым центрам силы. Развивающаяся кардинальная перестройка энергетической и транспортной систем Евразии, включая российскую стратегию «поворота на Восток» (официально заявлена на саммите АТЭС во Владивостоке в 2012 г.), объективно способствует росту вовлеченности Индии в дела центральноазиатских республик. «Центральноазиатская пятерка» для Нью-Дели одновременно является важным партнером (рынок энергоресурсов и сбыта) и связующим звеном в отношениях с Россией.

Свою существенную роль играет и фактор геополитической и геостратегической конкуренции между Индией, Китаем и Пакистаном. Активность Пекина и Исламабада в ЦА, растущий экономический вес КНР в регионе, способный в перспективе трансформироваться в значительное политическое влияние, рассматриваются индийским руководством как вызов, требующий проведения более активной политики в регионе.

Энергетическая карта Евразии и индийские интересы

Индийская экономика демонстрирует впечатляющие параметры роста: недавно министр финансов республики Нирмала Ситараман заявила, что в I квартале текущего года ВВП Индии вырастет на 8 % или даже больше. В 2023 г. индийский ВВП увеличился на 7,3 % [Скосырев, 2024]. Растущая экономика требует соответствующего энергетического обеспечения.

Энергетическая политика Индии характеризуется сложным комплексом взаимосвязанности четырех ключевых факторов:

- быстрорастущей экономикой с потребностью в надежных поставках электроэнергии, нефтепродуктов и газа [Vasudev, Dadhaniya, 2017: 334];
- растущими доходами домохозяйств с потребностью в доступном и достаточном количестве электроэнергии;
- ограниченными запасами ископаемого топлива в стране и необходимостью импортировать значительную часть природного газа, сырой нефти, а в последнее время — и угля;

– сложной экологической ситуацией (особенно в городах), что требует необходимости внедрения более чистых видов топлива, экологичных и энергосберегающих технологий.

Индия является третьей по величине страной – потребителем энергии в мире, закупки углеводородов (УВ) для удовлетворения потребностей в энергии растут, и ожидается, что к 2030 году зависимость республики от импорта энергоносителей превысит 53 % от общего энергопотребления страны [Уер, 2011]. Ожидается, что к 2050 г. доля Индии в мировом потреблении энергии может удвоиться. Согласно 14-му Национальному плану электроэнергетики (NEP14), опубликованному Центральным управлением электроэнергетики Индии (CEA), ожидается, что производство электроэнергии в стране увеличится с уровня 1492 ТВт·ч в 2022 г. до 2666 ТВт·ч в 2032 г. [Аким, 2023].

В данной связи Нью-Дели априори заинтересован в диверсификации поставщиков энергоносителей, и республики Центральной Азии перманентно интересны индийскому руководству.

В июле 2015 г. премьер-министр Нарендра Моди посетил все пять стран региона, что стало поворотным моментом в отношениях Индии и Центральной Азии. Ранее Нью-Дели продемонстрировал концептуальное изменение своих подходов к пяти постсоветским республикам Азии, выдвинув инициативу *Connect Central Asia*. Она предполагает активизацию сотрудничества в сфере экономики и безопасности, проведение регулярных встреч на высшем уровне и реализацию различных многосторонних форматов партнерства. Непосредственной целью инициативы заявлялось стремление придать новый импульс индо-центральноазиатскому сотрудничеству.

К положительным моментам демонстрируемой южноазиатским гигантом заинтересованности в партнерстве с центральноазиатскими республиками можно отнести рост взаимной торговли: с 2001 по 2013 г. внешне-торговый оборот между Индией и странами ЦА увеличился со 114,05 млн долл. до 746,32 млн долл.

Более широкий доступ к энергетическим рынкам РФ и стран ЦА одновременно значительно укрепляет индийскую энергетическую безопасность. В настоящее время ведущим партнером Индии в регионе является Казахстан. Товарооборот между странами в 2021 г. составил более 2 млрд долл. Большую часть казахстанского экспорта при этом до недавнего времени составляла сырая нефть, идущая на индийские НПЗ. После начала специальной военной операции (СВО) на Украине и беспрецедентного санкционного давления стран западного блока на Россию на индийские нефтеперерабатывающие мощности вышли значительные объемы российских жидких УВ. Очевидно, что это вызовет некоторую коррекцию текущих объемов казахстанско-индийского товарооборота.

Значительные запасы УВ Казахстана стимулируют интерес Индии к развитию двустороннего сотрудничества. Индийская нефтяная компания

ONGC Videsh Ltd стала совладельцем казахстанских месторождений Алибек-мола и Курмангазы [Каукенов, 2022]. Еще во время турне Моди по странам региона в 2015 г. с Казахстаном было подписано пять двусторонних соглашений в сфере обороны, военно-технического сотрудничества, совместного участия в миротворческих операциях ООН. Был заключен контракт на поставку урана из Казахстана в Индию, а также дан старт разведочному бурению на нефтяном месторождении Сатпаев¹.

Другой важной для индийской энергетики темой является центрально-азиатский уран (прежде всего из Узбекистана и Казахстана): Нью-Дели стремится увеличить объемы его экспорта из стран ЦА для своих АЭС. Одним из ключевых поставщиков урана в Индию является Узбекистан. Еще в 2014 г. впервые был подписан контракт на сумму 3,5 млрд долл., по которому за период с 2014 по 2018 г. в Индию было отправлено 2 тыс. т урана². В 2019 г. стороны подписали новое долгосрочное соглашение.

Помимо борьбы за расширение доступа к региональным урановым запасам региона, Индия также изучает опыт России в экспорте технологий мирного атома (и, шире, во всей энергетической сфере ЦА). В Центрально-Азиатском регионе наиболее перспективными направлениями сотрудничества РФ в области энергетики на сегодня являются два крупных проекта.

Первый — это начало практической реализации идеи газового союза России, Узбекистана и Казахстана. Узбекистан в последние годы сталкивается с серьезной нехваткой в зимний период природного газа, необходимого для генерации электроэнергии на узбекских ТЭЦ. Российская сторона с октября 2023 г. начала насыщать рынок Узбекистана газом взамен на предполагаемую согласованную политику в области координации поставок газа, прокладки новых маршрутов, а также перспективной масштабной модернизации газотранспортной системы Узбекистана.

Второй — строительство первой в ЦА атомной электростанции в Джизакской области Узбекистана при участии «Росатома».

Как представляется, Индия с большой заинтересованностью наблюдает за шагами России в указанных направлениях, что в перспективе предполагает и поиск Москвой и Нью-Дели возможностей для координации совместных шагов в сфере модернизации энергетической карты Центральной Азии. Это может способствовать синергии в области использования атомной энергии и создания и совершенствования новой континентальной трубопроводной транспортной системы.

¹ Итоги визита премьеры Моди в Центральную Азию: Индия активизирует сотрудничество со странами региона // <https://www.fergananews.com/news/23627>, дата обращения 29.03.2024.

² Узбекистан и Индия подписали контракт на 3,5 млрд долл. // <https://anhor.uz/events/uzbekistan-i-indiya-podpisali-kontrakt/>, дата обращения 25.01.2024.

Попытки наращивания политического влияния Нью-Дели в регионе

Как представляется, индийское руководство не может быть удовлетворено масштабами своего присутствия в ЦА: оно явно непропорционально экономическому и политическому весу Индии на континенте и усилиям по проникновению в Центрально-Азиатский регион, затраченным Нью-Дели за годы после провозглашения инициативы *Connect Central Asia*.

Тревогу у индийских политических и бизнес-элит вызывает то, что указанная недостаточная результативность имеет место на фоне набирающей в последнее время обороты геополитической конкуренции в ЦА. С целью защиты геоэкономических и геополитических интересов Индия усиливает дипломатические контакты в регионе, пытаясь уравновесить влияние других игроков, в первую очередь Китая [Гарбузарова, 2023: 47]. Очевидной становится востребованность новых инструментов укрепления индийских позиций в регионе.

Индия все больше стремится к институционализации отношений с центральноазиатскими республиками. Индийская сторона предпринимает целенаправленные шаги по налаживанию со странами ЦА многосторонних контактов по принципу уже действующих форматов «С5+1» с КНР, США и РФ. Это представляется оправданным с точки зрения максимизации ресурсов на уровне внешнеполитического ведомства Индии по продвижению и согласованию с центральноазиатскими коллегами различных общих проектов.

В начале 2022 г. с участием лидеров всех государств региона был проведен первый онлайн-саммит в многостороннем формате «Индия + Центральная Азия». Тогда премьер-министр Моди заявил: «Центральная Азия занимает ключевое место в индийском видении целостного и стабильного соседства» [Орлов, 2023]. В рамках саммита индийская сторона предложила создать совместные рабочие группы по Афганистану и использованию порта Чабахар.

Если первое направление выглядит в настоящее время не самым перспективным в силу многих известных объективных и субъективных ограничений, то тематика использования Чабахара смотрится для государств ЦА весьма привлекательной.

Очевидно, что руководство Индии возлагает серьезные надежды на дальнейшее использование многостороннего формата сотрудничества со странами Центральной Азии в экономической и политической областях, а также в сфере безопасности.

Немаловажным в росте интереса Индии к Центральной Азии остается и российский фактор. Углубление российско-индийского сотрудничества сопряжено со схожими оценками ключевых общемировых тенденций и региональной ситуации (в том числе в ЦА) в таких вопросах, как безопасность. Способствует сотрудничеству и совместное членство в БРИКС и ШОС.

Ситуация, складывающаяся в Евразии после начала СВО, придает новый импульс российско-индийским отношениям. Товарооборот между странами достиг 27 млрд долл. в 2022 г., при этом две страны все больше торгуют в национальных валютах. Безусловно, основной рост торговли обеспечивается за счет экспорта российских жидких УВ в Индию [Зафар, 2023: 254] и, как писала влиятельная *Hindustan Times* накануне визита в РФ (декабрь 2023 г.) главы индийского внешнеполитического ведомства Субраманьяма Джайшанкара, отношения двух стран по-прежнему развиваются в духе «особого, привилегированного стратегического партнерства, провозглашенного двумя государствами» [Скосырев, 2023].

Россия и Индия продолжают развивать проект международного транспортного коридора (МТК) Север – Юг. Часть транспортной инфраструктуры должна пройти через территории стран ЦА и включить их в процесс трансконтинентальной торговли. Главным преимуществом данного МТК перед другими маршрутами, в том числе перед морским маршрутом через Суэцкий канал, является существенное сокращение затрат времени на перевозку. Так, срок доставки грузов из Мумбаи (Индия) в Санкт-Петербург по традиционному маршруту через Суэцкий канал составляет от 30 до 45 суток, а срок отправки грузов из Мумбаи в Россию по сухопутному маршруту МТК Север – Юг может занимать от 15 до 24 дней. Доставка же грузов по восточной ветви МТК (через Казахстан и Туркменистан) сокращает срок доставки до 15–18 дней. После ввода в эксплуатацию железнодорожного участка Астара – Решт на территории Ирана время доставки грузов по МТК Север – Юг дополнительно сократится [Чушкин, 2023].

Как отмечает старший научный сотрудник Индийского совета по международным делам Аттар Зафар, в рамках проекта уже функционирует порт Чабахар с индийскими инвестициями. Порт позволяет получить доступ к морской торговле странам ЦА и, в свою очередь, открывает доступ к рынку сбыта в регионе прибрежным государствам, включая и саму Индию [Зафар, 2023: 258].

Индийские интересы в регионе не ограничиваются развитием транспортно-логистических проектов и импортом энергоресурсов. Индия также заинтересована в расширении сотрудничества и в иных областях: образовании, фармацевтике, химической и легкой промышленности, информационно-коммуникационных технологиях (ИКТ) и пр.

Некоторое «отставание» Индии в борьбе мировых центров силы за влияние в ЦА, конечно, не является фатальным, поскольку на высокий уровень отношения индийского руководства с республиками региона вышли сравнительно недавно и для роста индийского влияния в Центральной Азии сохраняется значительный потенциал. При этом в Нью-Дели, очевидно, понимают, что сегодняшняя перестройка системы международных отно-

шений требует форсированных усилий по продвижению своих интересов и концентрации этих действий на наиболее перспективных направлениях.

Узбекистан как перспективный опорный пункт региональной политики Индии

Как представляется, как такое перспективное направление в Индии начинают в последнее время рассматривать узбекско-индийское сотрудничество.

Как и в случае с другими республиками ЦА, выстраивая отношения с Республикой Узбекистан (РУз), Индия указывает на исторические связи двух народов, которые трактуются как прочная основа для углубления и роста двустороннего сотрудничества во всех сферах. Как отмечает старший научный сотрудник аналитического центра *Vivekananda Foundation* Правеш Кумар Гупта, Индию и Узбекистан связывают тесные исторические и культурные связи. В частности, по его словам, «культурные взаимодействия в бронзовом веке подтверждаются обнаружением идентичных артефактов долины Инда в культурах Окса и наоборот. Регион Центральной Азии упоминается в древнеиндийских эпосах, таких как «Махабхарата». Буддизм проник из Индии в Китай через Узбекистан и Центральную Азию»³.

Данный подход, основанный на связанности Индии с Центральной Азией с античных времен, в то же время нельзя назвать идейно-политической основой индийского присутствия в регионе. По мнению научного сотрудника Международной лаборатории исследований мирового порядка и нового регионализма НИУ ВШЭ Алексея Захарова, «идейно-политическая повестка в меньшей степени фигурирует во взаимодействии с Центральной Азией. Подчеркивается нарратив о цивилизационной близости, происходит апелляция к прошлому, к могольскому наследию. Однако идейная составляющая выступает лишь в роли подтекста о необходимости выстраивания отношений с регионом» [Альмуков, 2023]. То, что за заявлениями о культурно-исторической связанности скрываются сугубо прагматичные интересы, не является чем-то особенным. В данной связи продвижение Турции в регион является наиболее наглядной демонстрацией данной тенденции, общей для многих акторов, играющих на центральноазиатской площадке.

Положительным фактором превращения Узбекистана в потенциальную опорную базу для реализации различных индийских проектов для региона является заинтересованность Ташкента в расширении сотрудничества с Нью-Дели.

³ Взгляд из Дели: Узбекистан играет решающую роль в отношениях между Индией и Центральной Азией // <https://dunyo.info/ru/kommentarii/vzglyad-iz-deli-uzbekistan-igraet-reshayuschuyu-rol-v-otnosheniyah-mezhdu-indiye-i-sentralnoy-aziey>, дата обращения 10.01.2024.

Модернизация существующих и создание новых МТК в последние годы является фундаментом узбекской внешней политики. Приоритетом для Ташкента остается участие в международных проектах в целях обеспечения устойчивого экономического развития республики, реализации крупных транспортно-инфраструктурных проектов, способных оказать положительное воздействие на национальную экономику. В этой связи для Ташкента особенно интересны совместные проекты с Индией как государством, имеющим сеть морских портов (на своей территории и арендуемых в Иране).

Именно Ташкент приложил максимальные усилия для реализации положений Ашхабадского соглашения от 2011 г. о создании мультимодального транспортного коридора между Персидским заливом и регионом ЦА. Изначально его участниками были Туркменистан, Узбекистан, Иран и Оман. В 2016 г. состав расширился за счет Казахстана и Пакистана, а в 2018 г. – Индии, предлагающей совместно развивать порт Чабахар в ИРИ.

На расширение партнерства двух стран работает совпадение понимания ими значимости развития новых транспортных проектов. Как указывает российский эксперт Елена Гарбузарова, «отсутствие общей географической границы усложняет развитие двустороннего сотрудничества между Индией и государствами региона. Преодолеть эту проблему НьюДели стремится за счет интеграции в уже существующие транспортно-коммуникационные системы» [Гарбузарова, 2023: 47].

Однако, несмотря на наметившуюся динамику в двусторонних торгово-экономических отношениях, Индия так и не стала значимым партнером для РУз в этой сфере. Официально индийскими торговыми воротами в страны ЦА является иранский порт Бендер-Аббас, но в условиях западного санкционного давления его полномасштабное использование затруднено, что отрицательно отражается на объемах взаимной торговли. Проект же порта Чабахар еще далек от завершения и требует значительных финансовых и технологических ресурсов.

Индийские эксперты указывают на то, что в основе недостаточного развития партнерства с Узбекистаном лежит общая для связей Индии со странами ЦА проблема – отсутствие развитой взаимосвязанности, препятствующее расширению отношений. Это также оценивается как причина сравнительно низкого объема взаимной торговли.

В августе 2017 г. в ходе узбекско-индийского бизнес-форума, прошедшего в Дели, стороны договорились «в ближайшие годы» довести совместный товарооборот до 1 млрд долл.⁴. Затем, в октябре 2018 г., премьер-министр Нарендра Моди и президент РУз Шавкат Мирзиёев во время визита главы

⁴ Узбекистан и Индия доведут товарооборот до 1 млрд долларов // <https://podrobno.uz/cat/economic/uzbekistan-i-indiya-dovedut-tovarooborot-do-1-mlrd-dollarov-/>, дата обращения 04.04.2024.

Узбекистана в Индию выразили готовность увеличить объем двусторонней торговли до 1 млрд долл. в год. Этих цифр в двусторонней торговле странам достичь пока не удалось.

Узбекско-индийский товарооборот существенно ниже своего потенциала: с 2016 по январь – ноябрь 2023 г. он увеличился с 370 млн до 690 млн долл. Для сравнения: по итогам 2023 г. товарооборот Узбекистана с Татарстаном составил 370 млн долл.⁵. Хронической проблемой в отношениях двух стран остается профицитность торгового баланса. Например, по данным Центра экономических исследований и реформ Узбекистана, в 2021 г. объем двусторонней торговли составил 490 млн долл. (из них РУз импортировала на 461 млн долл., экспорт же в Индию составил всего 29 млн долл.)⁶.

Отчасти на снижение товарооборота повлияла пандемия *COVID-19* и последовавшие ограничения, но индийские эксперты указывают на крайнюю необходимость развивать и расширять торговую корзину, с которой Нью-Дели приходит в ЦА, а также всемерно развивать и улучшать транспортные связи.

Данное направление включает и тематику Афганистана, через который в настоящее время реализуется основная часть товарных потоков между Индией и регионом ЦА. По данным официальных властей в Кабуле, в 2023 г. объем торговли с РУз увеличился в шесть раз по сравнению с 2022 г., достигнув 266 млн долл. Однако, по оценкам Ташкента, объем торговли был еще выше, достигнув к ноябрю 2023 г. не менее 784 млн долл. [*Шашок*, 2024]. Очевидно, что в эти данные вошел и реэкспорт. Афганистан предлагает «центральноазиатской пятерке» множество торговых и транзитных возможностей, открывая пути на емкие рынки Южной Азии.

Ташкенту Кабул обещает доступ к транспортным и торговым маршрутам, позволяющим доставлять узбекские товары на мировой рынок через пакистанские и, в перспективе, иранские порты. В 2022 г. РУз и Индия впервые обменялись товарами по этому маршруту. В настоящее время реализуется крупный железнодорожный проект, который соединит Узбекистан, Афганистан и Пакистан.

Для Нью-Дели взаимодействие между Центральной Азией и «Галибаном»^{*} соответствует его интересам в «нормализации» Афганистана, поскольку у индийского бизнеса расширятся возможности сохранения стабильных торговых связей с Центрально-Азиатским регионом. Смягчение напряженности на афгано-центральноазиатской границе и в Афганистане в целом также имеет прямое влияние и на вопросы внутренней безопасности Индии.

⁵ По итогам 2023 года товарооборот между Узбекистаном и Татарстаном достиг \$370 млн // <https://upl.uz/economy/40716-news.html>, дата обращения 28.03.2024.

⁶ Инфографика: Объем торговли между Узбекистаном и Индией // <https://review.uz/post/infografika-ozbekiston-va-hindiston-ortasidagi-savdo-hajmi>, дата обращения 04.04.2024.

^{*} Организация запрещена в России и признана террористической.

Наряду с этим индийское руководство на самом высоком уровне ведет работу по привлечению Узбекистана к обеспечению региональной взаимосвязанности через подключение РУз к проекту «Чабахар» и МТК Север – Юг. Еще в декабре 2020 г. Ташкент и Нью-Дели провели первый двусторонний саммит высокого уровня в виртуальном формате. Мероприятие примечательно тем, что стало первым онлайн-саммитом Индии с какой-либо из центральноазиатских республик. Премьер Модии и президент Мирзиёев приняли участие в саммите и обсудили вопросы, представляющие взаимный интерес. Важной темой мероприятия было устранение барьеров в торговле и взаимосвязанности. Индийская сторона приветствовала предложение Ташкента провести трехсторонний диалог между Индией, Узбекистаном и Ираном для обсуждения совместного использования сухопутной и морской инфраструктуры порта Чабахар⁷. Это обсуждение удалось организовать в максимально быстром темпе, и лидеры Индии и Узбекистана пришли к согласию, что обе стороны должны попытаться как можно скорее заключить двусторонний инвестиционный договор для обеспечения стимулирования и защиты инвестиций в торгово-экономическое сотрудничество.

В конце 2020 г. Нью-Дели и Ташкент заключили соглашения об ускоренном начале финансирования 41 проекта в сфере здравоохранения и образования, которые будут реализовываться за счет индийских грантовых средств. Стороны также инициировали запуск ряда проектов инфраструктурного и социального развития, софинансирование которых должно осуществляться индийским Эксимбанком⁸.

Несмотря на отсутствие прямого сухопутного сообщения, стратегические связи между Индией и Узбекистаном поступательно укрепляются за счет последовательных двусторонних визитов на высшем уровне, заметной активизации процесса двусторонних переговоров, создания Узбекско-индийского делового совета и общего расширения контактов бизнес-сообществ двух стран в последние годы.

Заключение

В отношениях Индии и центральноазиатских республик сложилась необходимость преодоления имеющегося несоответствия, когда, несмотря на высокий экономический потенциал, стратегические амбиции, интенсивность прикладываемых усилий и географическую близость, Нью-Дели все еще су-

⁷ ИСМИ: Президент Ш. Мирзиёев и премьер-министр Н. Модии подвели итоги сотрудничества в 2020 г. // <https://nuz.uz/2020/12/12/ismi-prezident-sh-mirziyoev-i-premer-ministr-n-modii-podveli-itogi-sotrudnichestva-v-2020-godu/>, дата обращения 02.04.2024.

⁸ Взгляд из Дели: Узбекистан играет решающую роль в отношениях между Индией и Центральной Азией // <https://dunyo.info/ru/kommentarii/vzglyad-iz-deli-uzbekistan-igraet-reshayuschuyu-rol-v-otnosheniyah-mezhdu-indiy-i-tsentralnoy-aziey>, дата обращения 10.01.2024.

щественно отстает от иных мировых игроков на пространстве ЦА. Потенциал индийского сотрудничества со странами региона остается нереализованным в силу того, что у центральноазиатов уже есть устоявшийся круг внешнеэкономических партнеров с предложениями, устраивающими местные элиты.

При этом, все еще не являясь ведущим актором в Центральной Азии, Индия формирует условия, позволяющие ей занять более значимые позиции. К настоящему времени индийское руководство создало прочную экономическую, политическую и культурную базу, для того чтобы стать заметным центром влияния в ЦА. Сближению Индии и «центральноазиатской пятерки» способствует общность угроз безопасности, связанных с перманентной нестабильностью в Афганистане, исламистским экстремизмом и терроризмом. Движение Нью-Дели к укреплению позиций в экономике региона ЦА рассчитано на средне- и долгосрочную перспективу. Ключевой проблемой по-прежнему является неразвитость транспортных связей. По мере реализации масштабных общекоонтинентальных проектов перестройки транспортных и энергетических связей, запуска новых МТК и дальнейшего развития ИКТ эта проблема, как представляется, постепенно будет терять свою остроту. Исходя из данного видения ситуации разумной видится ориентация на геополитический и транспортный центр региона — Узбекистан.

Одновременно рост самой Индии, развитие ее взаимодействия с Россией как одной из ключевых сил переформатирования транспортно-энергетической карты Евразии являются триггером для расширения участия республик Центральной Азии в трансконтинентальном партнерстве. Сами же страны ЦА при успешной эксплуатации данного положения укрепят свои геоэкономические и геополитические позиции. Расширение индо-центральноазиатского сотрудничества отвечает и интересам России, нацеленной на диверсификацию внешнеэкономических контактов и усиление разнопланового сотрудничества в Евразии в быстро меняющейся геополитической и геоэкономической среде.

Список литературы

Гарбузарова Е., 2023. Центральноазиатская политика Индии // Россия и АТР. № 3. С. 37–51. DOI:10.24412/1026-8804-2023-3-37-51.

Зафар А., 2023. Индия и Россия в Центральной Азии: сближение позиций? // Вестник МГИМО-Университета. № 16 (2). С. 251–262 // <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-2-89-251-262>.

Vasudev L. R., Dadhaniya S., 2017. Policy formation for Renewable Energy sources // Journal of Cleaner Production. Vol. 144. P. 334–336 // <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2017.01.023>.

Уер Е., 2011. India's Widening Energy Deficit // Wall Street Journal. March 9 // <https://blogs.wsj.com/indiarealtime/2011/03/09/indias-widening-energy-deficit/>, дата обращения 25.03.2024.

Аким М., 2023. Индия снижает зависимость от углеводородов // https://www.ng.ru/energy/2023-12-11/14_8899_india.html, дата обращения: 11.12.2023.

Альмуков Т., 2023. Недооцененный игрок: Индия наращивает присутствие в Центральной Азии // <https://ia-centr.ru/experts/timur-almukov/nedootsenennyy-igrok-indiya-narashchivaet-prisutstvie-v-tsentralnoj-azii/>, дата обращения 02.12.2023.

Каукенов А., 2022. Центральная Азия и Индия: магистрали сотрудничества // <https://www.zakon.kz/mnenie/6005283-tsentralnaia-aziia-i-indiia-magistrali-sotrudnichestva.html>, дата обращения: 19.03.2024.

Орлов Д., 2023. Слоны идут на север: что нужно Индии от Центральной Азии? // <https://stanradar.com/news/full/52242-slony-idut-na-sever-chto-nuzhno-indii-ot-tsentralnoj-azii.html>, дата обращения: 07.04.2024.

Скосырев В., 2024. Индия стала самой быстрорастущей экономикой планеты. При этом разрыв между бедными и богатыми не уменьшается // https://www.ng.ru/world/2024-04-01/6_8984_india.html, дата обращения 01.04.2024.

Скосырев В., 2023. Индия отвергла давление Запада и не собирается отказываться от сотрудничества с Россией // https://www.ng.ru/world/2023-12-25/6_8911_india.html, дата обращения 25.12.2023.

Чушкин В., 2023. Развитие Международного транспортного коридора «Север – Юг» // <https://www.fondsk.ru/news/2023/03/18/razvitie-mezhdunarodnogo-transportnogo-koridora-sever-yug.html>, дата обращения 18.03.2024.

Шашок Л., 2024. «Яростные муллы» нашли подход к странам Центральной Азии. Соседи России все активнее сотрудничают с хозяевами Афганистана // https://www.ng.ru/kartblansh/2024-02-28/3_8958_kb.html, дата обращения 28.02.2024.

Взгляд из Дели: Узбекистан играет решающую роль в отношениях между Индией и Центральной Азией // <https://dunyo.info/ru/kommentarii/vzglyad-iz-deli-uzbekistan-igraet-reshayuschuyu-rol-v-otnosheniyah-mezhdu-indiei-i-tsentralnoj-aziey>, дата обращения 02.04.2024.

Инфографика: Объем торговли между Узбекистаном и Индией // <https://review.uz/post/infografika-ozbekiston-va-hindiston-ortasidagi-savdo-hajmi>, дата обращения 04.04.2024.

ИСМИ: Президент Ш. Мирзиёев и премьер-министр Н. Моди подвели итоги сотрудничества в 2020 году // <https://nuz.uz/2020/12/12/ismi-prezident-sh-mirziyoev-i-premer-ministr-n-modi-podveli-itogi-sotrudnichestva-v-2020-godu/>, дата обращения 02.04.2024.

Итоги визита премьера Моди в Центральную Азию: Индия активизирует сотрудничество со странами региона // <https://www.fergananews.com/news/23627>, дата обращения: 29.03.2024.

По итогам 2023 года товарооборот между Узбекистаном и Татарстаном достиг 370 млн долл. // <https://upl.uz/economy/40716-news.html>, дата обращения 28.03.2024.

Узбекистан и Индия доведут товарооборот до 1 млрд долларов // <https://podrobno.uz/cat/economic/uzbekistan-i-indiya-dovedut-tovarooborot-do-1-mlrd-dollarov-/>, дата обращения 04.04.2024.

Узбекистан и Индия подписали контракт на 3,5 млрд долл. // <https://anhor.uz/events/uzbekistan-i-indiya-podpisali-kontrakt/>, дата обращения: 25.01.2024.

GROZIN Andrey V., Candidate of Historical Sciences, Head of Department of Central Asia and Kazakhstan of Institute of the CIS Countries, Senior Researcher, Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences.

Address: 2/1, Melnikov Ave., Khimki, Moscow region, 141410, Russian Federation.

E-mail: andgrozin@yandex.ru

SPIN-code: 5621-8571

INDIA AND THE CENTRAL ASIAN FACTOR OF EURASIA'S ENERGY AND TRANSPORT SECTOR RESTRUCTURING

DOI: 10.48137/26870703_2024_26_2_6

Received: 18.04.2024.

For citation: *Grozin A. V.*, 2024. India and The Central Asian Factor of Restructuring the Energy and Transport Map of Eurasia. – *Geoeconomics of Energetics*. № 2 (26). P. 6–21. DOI: 10.48137/26870703_2024_26_2_6

Keywords: India, New Delhi, Central Asia, Uzbekistan, Russia, region, energy, transport, geopolitics, geoeconomics.

Abstract

The article analyzes the prerequisites and main directions of India's possible actions to expand its influence in the Central Asian region. The author assesses the importance of transport and energy projects in Central Eurasia for India, as one of the key consumers of energy resources from Russia and Central Asian states. Another spotlight of this research is the strategy for expansion of Indian-Uzbek cooperation as the most promising support base for the implementation of India's geopolitical and geo-economic interests in the region.

The ongoing and deepening global geoeconomic and geopolitical transformations are creating a wide field of opportunities for restructuring of the continental energy and transport systems. In these conditions, the Indian leadership is required to take active steps in implementing its foreign policy so as not to remain on the sidelines of large-scale projects for the development of key areas of the continent, including the resource and transit potential of Russia and Central Asia.

References

Garbuzarova E., 2023. India's Central Asian Policy // *Russia and the Pacific*. No. 3. Pp. 37–51. DOI: 10.24412/1026-8804-2023-3-37-51. (In Russ.)

Zafar A., 2023. India and Russia in Central Asia: Growing Convergence of Interests? // MGIMO Review of International Relations. No. 16 (2) Pp. 251–262 // <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-2-89-251-262>. (In Eng.)

Vasudev L. R., Dadhaniya S., 2017. Policy formation for Renewable Energy sources // Journal of Cleaner Production. Vol. 144. Pp. 334–336 // <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2017.01.023>. (In Eng.)

Yep E., 2011. India's Widening Energy Deficit // Wall Street Journal, March 9 // <https://blogs.wsj.com/indiarealtime/2011/03/09/indias-widening-energy-deficit/>, accessed 25.03.2024. (In Eng.)

Akim M., 2023. India reduces dependence on hydrocarbons // https://www.ng.ru/energy/2023-12-11/14_8899_india.html, accessed 11.12.2023. (In Russ.)

Almukov T., 2023. An underrated player: India is building up its presence in Central Asia // <https://ia-centr.ru/experts/timur-almukov/nedootsenennyy-igrok-indiya-narashchivaet-prisutstvie-v-tsentralnoy-azii/>, accessed 02.12.2023. (In Russ.)

Kaukenov A., 2022. Central Asia and India: highways of cooperation // <https://www.zakon.kz/mnenie/6005283-tsentralnaia-aziia-i-indiia-magistrali-sotrudnichestva.html>, accessed 19.03.2024. (In Russ.)

Orlov D., 2023. Elephants are heading north: What does India need from Central Asia? // <https://stanradar.com/news/full/52242-slony-idut-na-sever-chto-nuzhno-indii-ot-tsentralnoj-azii.html>, accessed 07.04.2024. (In Russ.)

Skosyrev V., 2024. India has become the fastest growing economy on the planet, While the gap between the poor and the rich is not decreasing // https://www.ng.ru/world/2024-04-01/6_8984_india.html, accessed 01.04.2024. (In Russ.)

Skosyrev V., 2023. India has rejected Western pressure and is not going to give up cooperation with Russia // https://www.ng.ru/world/2023-12-25/6_8911_india.html, accessed 25.12.2023. (In Russ.)

Chushkin V., 2023. Development of the International transport corridor «North – South» // <https://www.fondsk.ru/news/2023/03/18/razvitie-mezhdunarodnogo-transportnogo-koridora-sever-yug.html>, accessed 18.03.2024. (In Russ.)

Shashok L., 2024. «Furious Mullahs» have found an approach to the countries of Central Asia. Russia's neighbors are increasingly cooperating with the hosts of Afghanistan // https://www.ng.ru/kartblansh/2024-02-28/3_8958_kb.html, accessed 28.02.2024. (In Russ.)

A view from Delhi: Uzbekistan plays a crucial role in relations between India and Central Asia // <https://dunyo.info/ru/kommentarii/vzglyad-iz-deli-uzbekistan-igraet-reshayuschuyu-rol-v-otnosheniyah-mezhdu-indiei-i-tsentralnoy-aziey>, accessed 02.04.2024. (In Russ.)

Infographic: Volume of trade between Uzbekistan and India // <https://review.uz/post/infografika-ozbekiston-va-hindiston-ortasidagi-savdo-hajmi>, accessed 04.04.2024. (In Russ.)

ISMI: President Sh. Mirziyoyev and Prime Minister N. Modi summed up the results of cooperation in 2020 // <https://nuz.uz/2020/12/12/ismi-prezident-sh-mirziyoev-i-premer-ministr-n-modi-podveli-itogi-sotrudnichestva-v-2029-godu/>, accessed 02.04.2024. (In Russ.)

Results of Prime Minister Modi's visit to Central Asia: India intensifies cooperation with the countries of the region // <https://www.fergananews.com/news/23627>, accessed 29.03.2024. (In Russ.)

By the end of 2023, the trade turnover between Uzbekistan and Tatarstan reached \$370 million // <https://upl.uz/economy/40716-news.html>, accessed 28.03.2024. (In Russ.)

Uzbekistan and India to bring trade turnover to \$1 billion // <https://podrobno.uz/cat/economic/uzbekistan-i-indiya-dovedut-tovarooborot-do-1-mlrd-dollarov>, accessed 04.04.2024. (In Russ.)

Uzbekistan and India have signed a contract for \$3.5 billion // <https://anhor.uz/events/uzbekistan-i-indiya-podpisali-kontrakt/>, accessed 25.01.2024. (In Russ.)

Александр МАРКАРОВ
Ваге ДАВТЯН

ПЛАТФОРМА СОТРУДНИЧЕСТВА «3 + 3» И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗБЛОКИРОВАНИЯ ТРАНСПОРТНЫХ КОММУНИКАЦИЙ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

Дата поступления в редакцию: 06.05.2024.

Для цитирования: *Маркаров А. А., Давтян В. С., 2024.* Платформа сотрудничества «3 + 3» и перспективы разблокирования транспортных коммуникаций на Южном Кавказе. – *Геоэкономика энергетики.* № 2 (26). С. 22–37. DOI: 10.48137/26870703_2024_26_2_22

В статье рассмотрены проблемы и перспективы функционирования консультативной платформы «3 + 3», нацеленной на разблокирование транспортных коммуникаций на Южном Кавказе. Выявлены возможности и препятствия синхронизации транспортно-логистических интересов региональных и вне-региональных акторов. Цели и задачи инициативы «3 + 3» изучены в контексте реализации трехстороннего соглашения от 10 ноября 2020 г. о прекращении боевых действий в Нагорном Карабахе. Определены ключевые проблемы, препятствующие полноценному функционированию платформы «3 + 3» (геополитическое противостояние между Россией и Западом, противоречия между Ираном и Азербайджаном и самоисключение Грузии из данной платформы).

МАРКАРОВ Александр Александрович, доктор политических наук, профессор Ереванского государственного университета, директор Ереванского филиала Института стран СНГ. **E-mail:** amarkarov@ysu.am. **Адрес:** Республика Армения, г. Ереван, 0025, ул. Алека Манукяна, д. 1. **SPIN-код:** 9302-0149.

ДАВТЯН Ваге Самвелович, доктор политических наук, профессор Российско-Армянского университета, президент НКО «Институт энергетической безопасности». **E-mail:** vahedavtyan@yandex.ru. **Адрес:** Республика Армения, г. Ереван, 0051, ул. Овсепя Эмина, д. 123. **SPIN-код:** 7094-6199.

Ключевые слова: Южный Кавказ, разблокирование, транспорт, международные коридоры, платформа «3 + 3», «Перекресток мира».

Исследованы вопросы реализации проекта «Перекресток мира», в связи с чем дана оценка потенциалу Армении как страны, претендующей на создание регионального транспортного хаба с пересечением международных коридоров Восток – Запад и Север – Юг. Установлено, что, несмотря на кажущуюся близость с целями платформы «3 + 3», проект «Перекресток мира» имеет другую геополитическую нагрузку.

Введение

После окончания 44-дневной войны в Арцахе (Нагорном Карабахе) центральной темой южно-кавказской геополитической и экономической повестки стала проблема разблокирования региональных транспортных коммуникаций. С этой целью как региональные, так и внерегиональные акторы не раз предлагали и продолжают предлагать те или иные форматы сотрудничества, направленные на формирование новой архитектуры транспортно-логистической безопасности Южного Кавказа. Ввиду часто не совпадающих стратегических интересов этих акторов в настоящее время в регионе нет консенсуса относительно проведения согласованной транспортно-логистической политики. Пожалуй, данная проблема упирается в продолжающуюся уже почти три десятилетия конкуренцию между двумя ключевыми транспортными мегапроектами общеевразийского значения, пересекающимися на Южном Кавказе. Речь идет о международных транспортных коридорах (МТК) Восток – Запад и Север – Юг, первый из которых изначально нацелен на формирование транспортной коммуникации по направлению Европа – Кавказ – Азия в обход российских транспортных инфраструктур, второй – на обеспечение мультимодальной связи между Балтийским регионом и Индийским океаном с прямым задействованием российской транспортной сети и южнокавказских коммуникаций с выходом на Иран и Персидский залив. При локализации указанных мегапроектов в южнокавказском измерении важно оценить вопросы реализации транспортного проекта «Срединный коридор» (Центральная Азия – Азербайджан – Грузия – Турция) (МТК Восток – Запад) с оценкой перспектив его проведения через Армению, в связи с чем неизбежно сталкиваемся с проблемой формирования так называемого Зангезурского коридора. С другой стороны, рассматривая южнокавказский вектор МТК Север – Юг, необходимо должным образом оценить транспортные интересы Ирана, предлагающего с 2021 г. проект «Кавказского коридора» с целью обеспечения мультимодальной транспортной связи между Персидским заливом и Черным морем по территории Армении.

В рамках представленной статьи обратимся к формату «3 + 3» – платформы сотрудничества, нацеленной на обеспечение разблокирования транспортных коммуникаций на Южном Кавказе с учетом интересов всех региональных и внерегиональных акторов. Исследование этой инициативы

позволит наиболее объективно оценить возможность сопряжения на Южном Кавказе указанных выше МТК без нанесения урона по стратегическим интересам стран региона.

«3 + 3» как консультативная платформа

Идея создания консультативной платформы «3 + 3» (или «платформы шести») была предложена президентом Турции Р. Т. Эрдоганом в декабре 2020 г., после окончания 44-дневной войны в Нагорном Карабахе. Целью инициативы было создание такого формата стратегического диалога, в котором дальнейшая архитектура безопасности Южного Кавказа, в частности вопросы разблокирования коммуникаций, будет решаться в рамках сотрудничества между тремя региональными (Армения, Грузия, Азербайджан) и тремя внерегиональными (Россия, Турция, Иран) акторами¹.

По сути, данный формат был предложен с целью реализации «на земле» трехстороннего заявления о прекращении боевых действий в Нагорном Карабахе, подписанного 10 ноября 2020 г. президентом России В. Путиным, президентом Азербайджана И. Алиевым и премьер-министром Армении Н. Пашиняном. Согласно трехстороннему заявлению, «разблокируются все экономические и транспортные связи в регионе. Республика Армения гарантирует безопасность транспортного сообщения между западными районами Азербайджанской Республики и Нахичеванской Автономной Республикой с целью организации беспрепятственного движения граждан, транспортных средств и грузов в обоих направлениях. Контроль за транспортным сообщением осуществляют органы Пограничной службы ФСБ России. По согласованию Сторон будет обеспечено строительство новых транспортных коммуникаций, связывающих Нахичеванскую Автономную Республику с западными районами Азербайджана» [Заявление..., 2020]. О готовности реализовать данное положение было заявлено также на проведенных 26 ноября 2021 г. трехсторонних переговорах В. Путина, Н. Пашиняна и И. Алиева².

Первое заседание «3 + 3» прошло в декабре 2021 г. в Москве на уровне заместителей министров иностранных дел РФ, Азербайджана, Армении, Турции и генерального директора МИД Ирана³.

На министерском уровне встреча группы состоялась в октябре 2023 г. в Тегеране. На встрече было заявлено, что внедрение нового формата уско-

¹ Эрдоган предложил создать «платформу шести» на Южном Кавказе // <https://ria.ru/20201210/erdogan-1588641827.html>, дата обращения 25.04.2024.

² Встреча с Ильхамом Алиевым и Николом Пашиняном // <http://kremlin.ru/events/president/news/67200>, дата обращения 25.04.2024.

³ Лавров назвал формат взаимодействия «3 + 3» по Закавказью перспективным // <https://ria.ru/20231205/lavrov-1913858848.html>, дата обращения 25.04.2024.

рит разблокирование транспортных маршрутов, будет стимулировать более глубокое сотрудничество и, что самое важное, позволит решать местные вопросы без вмешательства внешних участников [Строкань, Домбицкая, 2023]. В целом исключение каких-либо внешних акторов (преимущественно стран Запада) проходило красной нитью сквозь все заседание «шестерки» – подход, который в настоящее время претерпевает серьезные изменения.

Проблемы реализации формата «3 + 3»

Несмотря на достаточно конструктивные заявления, звучащие на полях заседания «3 + 3», все же наблюдается ряд факторов, не позволяющих говорить о том, что участники инициативы близки к формированию общих подходов и принципов разблокирования. Рассмотрим по отдельности факторы, препятствующие полноценному функционированию «3 + 3».

Как на московском, так и на тегеранском заседании отсутствовала Грузия, не раз заявлявшая на официальном уровне о невозможности и бесперспективности формата «3 + 3» ввиду имеющихся в регионе и вокруг него геополитических противоречий⁴. Официальная позиция Грузии сводится к тому, что «3 + 3» следует заменить на «3» – формат, включающий в себя исключительно страны региона [Строкань, Домбицкая, 2023]. Причин тому несколько.

Во-первых, из-за нерешенности абхазской и южноосетинской проблем Тбилиси не спешит устанавливать дипломатический диалог с Москвой, следовательно, в настоящее время рассматривает нецелесообразным пребывание вместе с ней на единой стратегической платформе.

Во-вторых, взяв курс на интеграцию в евро-атлантические структуры, Грузия ограничена в выстраивании диалога не только с Россией, но и с подсанкционным Ираном.

В-третьих, как мы уже писали в нашей статье [Маркаров, Давтян, 2022], в рамках разблокирования коммуникаций в регионе рассматривается также обеспечение выхода Армении на российскую транспортную сеть по территории Азербайджана, что в целом может противоречить интересам Грузии, так как большая часть грузовых перевозок между Арменией и Россией осуществляется по Военно-Грузинской дороге – через контрольно-пропускной пункт (КПП) «Верхний Ларс». Учитывая указанные факторы, как геополитическое, так и экономическое участие Грузии в формате «3 + 3» в настоящее время представляется маловероятным. Как следствие, некоторые авторы предлагают использовать название «3 + 2» вместо «3 + 3» [Пашаева, 2023].

Обратимся к прочим обстоятельствам, препятствующим реализации инициативы.

⁴ МИД Грузии: Тбилиси не будет участвовать во встрече в формате 3+3 // <https://civil.ge/gu/archives/564994>, дата обращения 26.04.2024.

Запуск формата «3 + 3» фактически совпал со сложностями в отношениях между Ираном и Азербайджаном. Так, с конца сентября 2021 г. ирано-азербайджанские отношения начали обостряться, демонстрируя в отдельные отрезки времени высокую вероятность военного столкновения. Причина обострения, согласно заявлениям официального Тегерана, заключалась в усилении присутствия Тель-Авива в Азербайджане. «Страны нашего региона не должны позволять иностранным армиям присутствовать или вмешиваться в свои дела. Полагаться на обеспечение безопасности с их стороны – иллюзия. И те, кто страдает от этой иллюзии, скоро будут удостоены пощечины, потому что прямое или косвенное вмешательство других стран обернется катастрофой», – заявил тогда аятолла Хаменеи [*Родионов*, 2021]. В результате Анкара и Баку на границе с Ираном инициировали совместные военные учения «Нерушимое братство – 2021». Тегеран же, в свою очередь, приступил к маневрам на границе с Азербайджаном и Арменией⁵. Свои учения иранцы назвали «Покорители Хайбара» – по названию иудейского оазиса, захваченного в 629 г. мусульманами во главе с пророком Мухаммедом. Тем самым Тегеран вложил в свои военные учения своеобразную символическую компоненту – антиссионистскую борьбу. И хотя это обострение вскоре удалось преодолеть и стороны заявили о готовности обсуждать проблемы на дипломатическом уровне, все же подобное предэскалационное состояние стало важным препятствием на пути согласования модели транспортного развития Южного Кавказа между Ираном, Азербайджаном и Турцией [*Жильцов, Савичева*, 2021].

Впрочем, ключевым препятствием для формата «3 + 3» стали органически противоречащие друг другу геостратегические, в том числе транспортно-логистические, интересы, с одной стороны, Ирана, с другой – Турции и Азербайджана. Как известно, Иран открыто выступает против проекта так называемого Зангезурского коридора, предлагая Анкаре и Баку создание альтернативного маршрута – Аракского коридора (ж/д Азербайджан – Нахичевань – Турция), который будет проходить по иранскому побережью реки Аракс. Интерес Ирана здесь сводится к сохранению прямой сухопутной границы с Арменией – своего рода «бутылочного горлышка», через которое Иран планирует и дальше наращивать свое присутствие на Кавказе. К тому же Армения – единственная страна Евразийского экономического союза (ЕАЭС), имеющая сухопутную границу с Ираном. Это представляется особенно важным, учитывая наличие преференциального режима между ЕАЭС и Ираном. С другой стороны, формирование Зангезурского коридора представляется важным стратегическим риском для Ирана, который хотя и

⁵ Иран приступил к военным учениям у границы с Азербайджаном и Арменией // <https://www.aa.com.tr/ru/мир/иран-приступил-к-военным-учениям-у-границы-с-азербайджаном-и-арменией/2380227>, дата обращения 26.04.2024.

не довел противоречия с Азербайджаном до военного столкновения, однако продолжает рассматривать наличие подобной коммуникации в контексте усиления присутствия Турции в нахичеванском эксклаве Азербайджана. Предлагая проект Аракского коридора⁶, Иран фактически демонстрирует свою нацеленность на участие в турецко-азербайджанских транспортных коммуникациях с целью понижения угроз для своей национальной безопасности, которые были бы более ощутимыми в случае проложения аналогичной коммуникационной линии через юг Армении.

В целом продвигаемый Анкарой и Баку проект Зангезурского коридора вписывается в стратегию МТК Восток – Запад, в связи с чем Тегеран не раз призывал Ереван сфокусироваться на интеграции в МТК «Север – Юг» для наиболее комплексного и безопасного развития своей транспортной системы. В мае 2021 г. Тегеран выступил за налаживание железнодорожной коммуникации по маршруту Тегеран – Джульфа – Ерасх с выходом через Грузию на Черное и Средиземное моря⁷. Тем самым Тегеран продемонстрировал свои интересы в отношении мультимодального коридора Персидский залив – Черное море, пытаясь и сегодня привлечь Армению к использованию своего морского порта в Чабахаре с целью перевозки грузов по МТК Север – Юг⁸.

Среди базовых причин, препятствующих полноценному функционированию платформы «3 + 3», следует выделить противостояние России с Западом, что наиболее комплексно отображено в заявлении главы МИД РФ С. Лаврова: «Запад уже активно работает над тем, чтобы подорвать эту структуру («3 + 3». – Авт.), которая только-только стала складываться. И Запад пытается навязать трем южнокавказским республикам услуги ЕС и США. Тем самым он предъявляет свои претензии – утверждать свою гегемонию повсюду, далеко от своих границ, прямо наступая на законные интересы трех ближайших соседей Армении, Азербайджана и Грузии. Имею в виду Турцию, Иран и Россию»⁹.

Влияние противостояния между Западом и Россией на платформу «3 + 3» нашло свое отражение в реакции Москвы на прошедший в начале апреля 2024 г. в Брюсселе саммит Армения – ЕС – США [Логинов, 2024]. Отме-

⁶ Эксперт об интервью Алиева: это может быть какой-то завуалированный ультиматум (интервью с А. Арешевым) // <https://verelq.am/ru/node/139053>, дата обращения 26.04.2024.

⁷ Наличие железной дороги Иран – Нахичеван – Армения может быть очень эффективным для двух стран – глава МИД Ирана // <https://www.aysor.am/ru/news/>, дата обращения 26.04.2024.

⁸ Индия предлагает привлечь Армению к использованию иранского морского порта Чабахар для транспортировки грузов // <http://interfax.az/view/847433>, дата обращения 26.04.2024.

⁹ Москва: Запад активно работает над подрывом формата «3+3» на Южном Кавказе // <https://www.golosarmenii.am/article/174670/moskva-zapad-aktivno-rabotaet-nad-podryvom-formata-3-3-na-yuzhnom-kavkaze>, дата обращения 27.04.2024.

тим, что в результате встречи было заявлено о предоставлении Армении финансовой помощи в объеме 270 млн евро и 65 млн долл. на повышение экономической и институциональной устойчивости, укрепление энергетической и продовольственной безопасности, развитие ядерной энергетики, транспортных инфраструктур и пр. [Заявление по итогам..., 2024]. Не останавливаясь на весьма важном вопросе — насколько столь скромная сумма может способствовать развитию указанных стратегических направлений, — зафиксируем лишь, что до саммита в течение нескольких месяцев в Армении искусственно были завышены ожидания от предстоящей встречи, особенно по части предоставляемых финансовых средств.

Характерно, что на совместное заявление Еревана, ЕС и США достаточно оперативно отреагировала Москва. В распространенном 5 апреля 2024 г. заявлении МИД РФ говорится о том, что Запад нацелен на превращение Армении в инструмент реализации своих «опасных замыслов» на Южном Кавказе, добиваясь выхода республики из таких интеграционных структур, как ОДКБ и ЕАЭС, а также вывода российской военной базы и пограничников. Также МИД РФ призвало вернуться к формату «3 + 3», в рамках которого должны решаться вопросы как регионального, так и двустороннего характера в соответствии с принципом «региональной ответственности». «Призываем внешних игроков уважать данные договоренности, а власти в Ереване при выстраивании своей внешнеполитической линии — учитывать озабоченности соседних государств», — говорится в заявлении МИД РФ [Заявление МИД России..., 2024].

Таким образом, нами определены основные препятствия в функционировании консультативной платформы «3 + 3». Как видим, среди них выделяются факторы как внутрирегионального, так и макрорегионального уровня, решение которых в текущей обстановке геополитической неопределенности представляется все более затруднительным.

«Перекресток мира»

Проект «Перекресток мира» был представлен правительством Армении осенью 2023 г. Будучи во многом направленным на обеспечение беспрепятственного сообщения между Арменией, Турцией, Ираном и Азербайджаном и включая в себя строительство железных дорог, трубопроводов, линий электропередачи, а также других средств связи, проект в целом вписывается в цели, обозначенные в рамках формата «3 + 3». Вместе с тем проект располагает подчеркнутым геополитическим содержанием, не совпадающим с целями «3 + 3».

Проект предполагает создание новых инфраструктур и модернизацию существующих. В частности, Армения выразила готовность создать пять КПП дорожной инфраструктуры на границе Армении и Азербайджана —

возле Каяна, Сотка, Караунджа, Ангехакота и Ерасха, а также два КПП на границе Армении и Турции – в Ахурике и Маргаре [*Principles...*, 2024].

В рамках проекта выдвинуты следующие базовые принципы.

1. Вся инфраструктура, включая автомобильные, железнодорожные и воздушные трассы, газопроводы, линии связи и электропередачи, находится под суверенитетом и юрисдикцией стран, через которые они проходят.

2. Каждая страна посредством своих государственных институтов обеспечивает безопасность границы, таможенного контроля и всей инфраструктуры, включая транспортные средства, грузы и людей, проходящих через ее территорию.

3. Данные инфраструктуры можно использовать как для международных, так и для внутренних перевозок.

4. Все страны используют инфраструктуру на основе взаимности и равенства [*Crossroads of Peace...*, 2024].

В рамках проекта правительство Армении принимает на себя обязательство обеспечить связь между Арменией, Азербайджаном и Турцией посредством восстановления на своей территории следующих четырех железнодорожных участков: Эрнадзор – Агарак (43 км), изношенные участки железной дороги Раздана (80 км), участок от Ерасха до границы с Нахичеванью (1 км), участок железной дороги от Гюмри до границы с Турцией (6 км) [*Principles...*, 2024].

Таким образом, в рамках проекта «Перекресток мира» постулируется необходимость сопряжения на территории Армении двух указанных выше МТК, Восток – Запад и Север – Юг, с превращением республики в своего рода транспортно-логистический хаб. Согласно проекту, Грузия остается для Армении «воротами» к Черному морю. Предполагается, что при восстановлении движения поездов на ж/д Карс – Гюмри – Армавир – Ерасх – Шарур – Нахичевань будет установлена сухопутная связь между Араратской областью Армении и Нахичеванью. Также через турецкие инфраструктуры Армения может получить возможность выхода к Средиземноморью. В свою очередь, возобновление функционирования погранперехода Ерасх – Шарур может привести к возобновлению движения по линии Карс – Гюмри – Нахичевань – Мегри – Баку. В этой связи проектом предусмотрены работы по части установления транспортной связи Ордубад – Мегри. Что касается автомагистрали Север – Юг, то она на востоке может соединиться с Сотком с дальнейшим выходом на Каспийское море [*Варданян, 2023*].

Однако, несмотря на это, подобное комплексное решение транспортно-логистических проблем, учитывая сложную геополитическую обстановку в регионе и вокруг него, представляется сложнореализуемым ввиду уже сточающейся конкуренции внешних акторов за доминирование в регионе.

Характерно, что проект «Перекресток мира» был презентован Ереваном в западных институтах (в марте 2024 г. проект был представлен в Европар-

ламенте¹⁰, в январе 2024 г. — на инвестиционном форуме *Global Gateway* в Брюсселе¹¹, в январе 2024 г. — на всемирном экономическом форуме в Давосе [*Crossroads of Peace...*, 2024], что позволяет говорить о попытках понизить влияние России на формирование новой транспортной архитектуры региона. Это, в свою очередь, вступает в противоречие как с указанным выше трехсторонним заявлением от 10 ноября 2020 г. [Заявление..., 2020], так и с целями консультативной платформы «3 + 3». Параллельно с этим «Перекресток мира» был презентован в Индии¹², что в целом вписывается в индийскую геостратегию в южнокавказском направлении, учитывая активизировавшееся в последние два года сотрудничество между Нью-Дели и Ереваном в сферах как обороны, так и транспортной дипломатии. Последнее необходимо рассматривать также в контексте активной роли Индии в формировании МТК Север — Юг. Будучи одним из ключевых бенефициаров данной стратегии, Индия не раз заявляла о необходимости еще более системно интегрировать Армению в данный МТК, в том числе посредством предоставления Армении доступа к порту Чабахар, развитие которого осуществляется совместными усилиями Тегерана и Нью-Дели¹³. Исходя из подчеркнутой значимости, который придает Ереван Индии в реализации «Перекрестка мира», попытки игнорировать российский фактор представляются искусственными, ввиду того что изначально (в начале 2000-х гг.) инициатором МТК Север — Юг являлась Россия совместно с Ираном и Индией. И сегодня Россия продолжает оставаться ключевым актором в данной стратегии, что важно учитывать при планировании транспортной стратегии, включающей компоненту «Север — Юг».

Данное обстоятельство подчеркивается также Москвой. Так, демонстрируя поддержку проекту «Перекресток мира», Москва устами вице-преьера РФ Алексея Оверчука заявляет об уже начатом финансировании отдельного участка «Перекрестка» — четвертой очереди автомагистрали Север — Юг. Финансирование (150 млн долл.) осуществляется из средств Евразийского фонда стабилизации и развития (ЕФСР). Также на стадии согласования находится решение о поддержке Каджаранского тоннеля (Сюникская область Армении) объемом 200 млн долл. В целом портфель инвестиций ЕФСР в

¹⁰ В Европарламенте был представлен проект Армении «Перекресток мира» // <https://armenpress.am/rus/news/1132814.html>, дата обращения 28.04.2024.

¹¹ Армения представила проект «Перекресток мира» на форуме инвесторов *Global Gateway* // <https://armenpress.am/rus/news/1129139/>, дата обращения 28.04.2024.

¹² Заместитель министра иностранных дел Армении Мнацакан Сафарян принял участие в Форуме «Новая региональная реальность и Перекресток мира» // https://www.mfa.am/ru/press-releases/2023/12/05/Safaryan_Forum/12394, дата обращения 28.04.2024.

¹³ Дели готов работать с Ереваном в рамках МТК «Север-Юг» — посол // <https://am.sputniknews.ru/20231205/deli-gotov-rabotat-s-erevanom-v-ramkakh-mtk-sever-yug--posol-69625720.html>, дата обращения 28.04.2024.

Армении по 10 проектам составляет 533 млн долл., одновременно проекты стоимостью 300 млн долл. находятся на стадии рассмотрения¹⁴.

За реализацию «Перекрестка мира» выступает также Иран, однако с некоторыми условиями. Несмотря на в целом положительную риторику официального Тегерана относительно перспектив «Перекрестка мира», все же важно учитывать его достаточно жесткую позицию касательно установления транспортной коммуникации через юг Армении. В связи с этим официальная позиция Тегерана сводится к констатации необходимости разблокирования транспортных коммуникаций в регионе в рамках «Перекрестка мира», однако с акцентом на стратегию «Север – Юг»¹⁵.

Что касается Азербайджана и Турции, то их согласованная позиция сводится к тому, что справедливый мир на Южном Кавказе возможен лишь при установлении прямой сухопутной связи Азербайджана со своим нахичеванским эксклавом, что может создать дополнительные возможности транспортной коммуникации между Азербайджаном и Турцией. В эту же стратегию вписывается проект строительства ж/д Карс – Игдир – Нахичевань (как продолжение ж/д Баку – Тбилиси – Карс), а также строительство газопровода Игдир – Нахичевань с целью прекращения поставок иранского газа в Нахичевань. Как уже отмечалось выше, формирование подобного коридора не только создает угрозы национальной безопасности Армении (Баку и Анкара настаивают на экстерриториальном статусе коридора), но и вступает в прямое противоречие с интересами Ирана, предлагающего альтернативную коммуникацию – Аракский коридор.

Выводы

Консультативная платформа «3 + 3» призвана обеспечить разблокирование транспортных коммуникаций на Южном Кавказе с учетом интересов как региональных, так и внерегиональных акторов. Цель данной инициативы заключается в налаживании стратегического диалога между сторонами для достижения наиболее комплексного и согласованного решения по созданию новой архитектуры транспортной безопасности на Южном Кавказе. Платформа «3 + 3», по сути, призвана воплотить в жизнь положения, зафиксированные в трехстороннем соглашении от 10 ноября 2020 г. о прекращении боевых действий в Нагорном Карабахе.

Вместе с тем наблюдаемые в регионе и вокруг него сложные геополитические процессы и противоречия создают серьезные препятствия для полноцен-

¹⁴ Оверчук: РФ финансирует строительство предложенного Пашиным проекта «Перекресток мира» // <https://tass.ru/ekonomika/19548019>, дата обращения 28.04.2024.

¹⁵ Иран поддерживает реализацию программы «Перекресток мира» // <https://armenpress.am/rus/news/1130062.html>, дата обращения 28.04.2024.

ного функционирования платформы «3 + 3». Среди основных препятствий можно отметить самоисключение Грузии из данной инициативы из-за неразрешенности ряда собственных территориальных и транспортно-логистических проблем, а также ввиду евро-атлантического вектора своей внешней политики.

В качестве проблемы, препятствующей реализации «3 + 3», выделим также противоречия между Ираном и Азербайджаном, связанные, *во-первых*, с военно-политическим сотрудничеством Баку и Тель-Авива, *во-вторых*, с диаметрально противоположными позициями относительно формирования так называемого Зангезурского коридора через юг Армении.

Также важным препятствием для формата «3 + 3» выступает геополитическое противостояние между Россией и странами Запада, нацеленными на понижение роли Москвы в формировании системы безопасности на Южном Кавказе. Это, в свою очередь, отражается в разработанном правительством Армении проекте «Перекресток мира».

Проект «Перекресток мира» нацелен на формирование в Армении своего рода международного транспортного хаба, в котором будут пересекаться две транспортные мегастратегии – «Восток – Запад» и «Север – Юг» с учетом интересов Армении, Азербайджана, Грузии, Ирана и Турции. В этом смысле «Перекресток мира» вписывается в целеполагание платформы «3 + 3», однако имеет иные геополитические акценты. Если в формате «3 + 3» учитываются интересы России как ключевого бенефициара стратегии «Север – Юг», то в проекте «Перекресток мира» значение России как вне-регионального актора крайне занижено, а разблокирование коммуникаций представляется в контексте выхода Армении на транспортные сети Средиземноморья, Каспия, Ближнего Востока и Индии.

Список литературы

Варданян Т., 2023. «Перекресток мира»: светлое будущее экономики или темное разрушение? // Безопасность и вызовы. № 5. С. 81–89. DOI: 10.52174/2579-2989_2023_5-81.

Жильцов С. С., Савичева Е. М., 2021. Региональная безопасность на Южном Кавказе: энергетическая составляющая // Проблемы постсоветского пространства. № 3 (8). С. 331–340. DOI: 10.24975/2313-8920-2021-8-3-331-340.

Керимов Ш. И., 2022. Проблемы и перспективы сотрудничества «3+3» на Южном Кавказе // Экономика и управление: проблемы, решения. № 1. Т. 11 (131). С. 86–91. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2022.11.01.010.

Маркаров А. А., Давтян В. С., 2022. Транспортная геополитика на Южном Кавказе в условиях вызовов разблокирования коммуникаций // Геоэкономика энергетики. № 4 (20). С. 56–73. DOI: 10.48137/26870703_2022_20_4_56.

Логинов В., 2024. Соображения троих: США и ЕС берут Армению на короткий поводок // <https://iz.ru/1677722/valentin-loginov/soobrazheniia-troikh-ssha-i-es-berut-armeniiu-na-korotkii-povodok> , дата обращения 27.04.2024.

Пашаева Г., 2023. Консультативная региональная платформа «3+3»: взгляд из Азербайджана // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/-konsultativnaya-regionalnaya-platforma-3-3-vzglyad-iz-azerbaydzhana/>, дата обращения 26.04.2024.

Родионов Д., 2021. Отложенная война? Иран готов был бомбить Азербайджан, но не сделал этого // <https://www.ritmearia.ru/news--2021-10-21--otlozhennaja-vojna-iran-gotov-byl-bombit-azerbajdzhan-no-ne-sdelal-etogo-56971>, дата обращения 26.04.2024.

Строкань С., Домбицкая А., 2023. Как им обустроить Южный Кавказ // <https://www.kommersant.ru/doc/6296366> , дата обращения 26.04.2024.

Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации, 10 ноября 2020 г. // <http://kremlin.ru/events/president/news/64384>, дата обращения 25.04.2024.

Заявление по итогам совместной встречи высокого уровня Армения-ЕС-США в Брюсселе в поддержку устойчивости Армении // <https://armenpress.am/rus/news/1134103.html>, дата обращения 27.04.2024.

Заявление МИД России в связи со встречей высокого уровня в формате Армения – США – ЕС https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1942789/, дата обращения 28.04.2024.

Principles of «Crossroads of Peace» // https://www.primeminister.am/u_files/file/documents/The%20Crossroad%20of%20Peace-Brochure.pdf, дата обращения 28.04.2024.

Crossroads of Peace: Armenia’s call for global cooperation in an evolving world // <https://www.weforum.org/agenda/2024/01/armenia-crossroads-of-peace-global-cooperation/>, дата обращения 28.04.2024.

Армения представила проект «Перекресток мира» на форуме инвесторов Global Gateway // <https://armenpress.am/rus/news/1129139/>, дата обращения 28.04.2024.

В Европарламенте был представлен проект Армении «Перекресток мира» // <https://armenpress.am/rus/news/1132814.html>, дата обращения 28.04.2024.

Встреча с Ильхамом Алиевым и Николом Пашиняном // <http://kremlin.ru/events/president/news/67200>, дата обращения 25.04.2024.

Дели готов работать с Ереваном в рамках МТК «Север – Юг» – посол // <https://am.sputniknews.ru/20231205/deli-gotov-rabotat-s-erevanom-v-ramkakh-mtk-sever-yug--posol-69625720.html>, дата обращения 28.04.2024.

Заместитель министра иностранных дел Армении Мнацакан Сафарян принял участие в Форуме «Новая региональная реальность и Перекресток мира» // https://www.mfa.am/ru/press-releases/2023/12/05/Safaryan_Forum/12394, дата обращения 28.04.2024.

Индия предлагает привлечь Армению к использованию иранского морского порта Чабахар для транспортировки грузов // <http://interfax.az/view/847433>, дата обращения 26.04.2024.

Иран поддерживает реализацию программы «Перекресток мира» // <https://armenpress.am/gus/news/1130062.html>, дата обращения 28.04.2024.

Иран приступил к военным учениям у границы с Азербайджаном и Арменией // <https://www.aa.com.tr/gu/мир/иран-приступил-к-военным-учениям-у-границы-с-азербайджаном-и-арменией/2380227>, дата обращения 26.04.2024.

Лавров назвал формат взаимодействия «3+3» по Закавказью перспективным // <https://ria.ru/20231205/lavrov-1913858848.html>, дата обращение 25.04.2024.

МИД Грузии: Тбилиси не будет участвовать во встрече в формате 3+3 // <https://civil.ge/gu/archives/564994>, дата обращения 26.04.2024.

Москва: Запад активно работает над подрывом формата 3+3 на Южном Кавказе // <https://www.golosarmenii.am/article/174670/moskva-zapad-aktivno-rabotaet-nad-podryvom-formata-33-na-yuzhnom-kavkaze>, дата обращения 27.04.2024.

Наличие железной дороги Иран-Нахичеван-Армения может быть очень эффективным для двух стран – глава МИД Ирана // <https://www.aysor.am/gu/news/2021/05/26/>, дата обращения 26.04.2024.

Оверчук: РФ финансирует строительство предложенного Пашиняном проекта «Перекресток мира» // <https://tass.ru/ekonomika/19548019>, дата обращения 28.04.2024.

Эксперт об интервью Алиева: это может быть какой-то завуалированный ультиматум (интервью с А. Арешевым) // <https://verelq.am/gu/node/139053>, дата обращения 26.04.2024.

Эрдоган предложил создать «платформу шести» на Южном Кавказе // <https://ria.ru/20201210/erdogan-1588641827.html>, дата обращения 25.04.2024.

MARKAROV Alexander A., D. Sc. (Politics), Professor at YSU, Director of the Armenian branch of the Institute of CIS Countries

Address: 1, Alek Manukyan str., Yerevan, 0025, Republic of Armenia

E-mail: amarkarov@ysu.am

SPIN-code: 9302-0149

DAVTYAN Vahe S., D. Sc. (Politics), Professor at Russian-Armenian University, President at the Institute for Energy Security

Address: 123, Hovsep Emin str., Yerevan, 0051, Republic of Armenia

E-mail: vahedavtyan@yandex.ru

SPIN-code: 7094-6199

«3+3» COOPERATION PLATFORM AND PROSPECTS FOR UNBLOCKING TRANSPORT COMMUNICATIONS IN THE SOUTH CAUCASUS

DOI: 10.48137/26870703_2024_26_2_22

Received: 06.05.2024.

For citation: *Markarov A. A., Davtyan V. S., 2024. "3+3" Cooperation Platform and Prospects for Unblocking Transport Communications in The South Caucasus. – Geoeconomics of Energetics. № 2 (26). P. 22–37. DOI: 10.48137/26870703_2024_26_2_22*

Keywords: South Caucasus, unblocking, transport, international corridors, platform «3+3», «Crossroads of Peace».

Abstract

The article discusses the problems and prospects for the functioning of the «3+3» advisory platform, aimed at unblocking transport communications in the South Caucasus. The authors identify possibilities and obstacles to synchronizing the transport and logistics interests of regional and extra-regional actors. The goals and objectives of the «3+3» initiative are studied in the context of the implementation of the trilateral agreement of November 10, 2020 on the cessation of hostilities in Nagorno-Karabakh. The article identifies problems that impede the full functioning of the «3+3» platform (geopolitical confrontation between Russia and the West, contradictions between Iran and Azerbaijan and Georgia's self-exclusion from this platform). The authors also study implementation of the «Crossroads of Peace» project which helps assess the potential of Armenia as a country aspiring to create a regional transport hub at the intersection of the international corridors «East-West» and «North-South». It is established that, despite the apparent closeness to the goals of the «3+3» platform, the «Crossroads of Peace» project has a different geopolitical agenda.

References

Vardanyan T., 2023. «Crossroads of the World»: a bright future for the economy or a dark destruction? // Security and Challenges. No. 5. Pp. 81–89. DOI: 10.52174/2579-2989_2023_5-81. (In Russ.)

Zhiltsov S. S., Savicheva E. M., 2021. Regional Security in the South Caucasus: The Energy Factor // Post-Soviet Issues. No. 3 (8). Pp. 331–340. DOI: 10.24975/2313-8920-2021-8-3-331-340. (In Russ.)

Kerimov S. I., 2022. Problems and prospects of 3+3 cooperation in the South Caucasus. // Economics and Management: problems, solutions. No. 1. Vol. 11 (131). Pp. 86–91. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2022.11.01.010. (In Russ.)

Makarov A. A., Davtyan V. S., 2022. Transport geopolitics in the South Caucasus in the context of the challenges of unblocking communications // Geoeconomics of Energetics. No. 4 (20). Pp. 56–73. DOI: 10.48137/26870703_2022_20_4_56. (In Russ.)

Loginov V., 2024. Considerations of the three: the US and the EU are taking Armenia on a short leash // <https://iz.ru/1677722/valentin-loginov/soobrazheniia-troikh-sshai-es-berut-armeniiu-na-korotkii-povodok>, accessed 27.04.2024. (In Russ.)

Pashayeva G., 2023. Advisory regional platform «3+3»: a view from Azerbaijan // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet-konsultativnaya-regionalnaya-platforma-3-3-vzglyad-iz-azerbaydzhana/>, accessed 26.04.2024. (In Russ.)

Rodionov D., 2021. A delayed war? Iran was ready to bomb Azerbaijan, but did not do it // <https://www.ritmeurasia.ru/news--2021-10-21--otlozhennaja-vojna-iran-gotovy-byl-bombit-azerbajdzhan-no-ne-sdelal-etogo-56971>, accessed 26.04.2024. (In Russ.)

Strokan S., Dombitskaya A., 2023. How to equip the South Caucasus for them // <https://www.kommersant.ru/doc/6296366>, accessed 26.04.2024. (In Russ.)

Statement by the President of the Republic of Azerbaijan, the Prime Minister of the Republic of Armenia and the President of the Russian Federation, November 10, 2020 // <http://kremlin.ru/events/president/news/64384>, accessed 25.04.2024. (In Russ.)

Statement on the results of the Armenia-EU-USA high-level joint meeting in Brussels in support of Armenia's sustainability // <https://armenpress.am/rus/news/1134103.html>, accessed 27.04.2024. (In Russ.)

Statement by the Russian Foreign Ministry in connection with the high-level meeting in the Armenia-USA-EU format https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1942789/, accessed 28.04.2024. (In Russ.)

Principles of «Crossroads of Peace» // https://www.primeminister.am/u_files/file/documents/The%20Crossroad%20of%20Peace-Brochure.pdf, accessed 28.04.2024. (In Eng.)

Crossroads of Peace: Armenia's call for global cooperation in an evolving world // <https://www.weforum.org/agenda/2024/01/armenia-crossroads-of-peace-global-cooperation/>, accessed 28.04.2024. (In Eng.)

Armenia presented the «Crossroads of the World» project at the Global Gateway Investor Forum // <https://armenpress.am/rus/news/1129139/>, accessed 28.04.2024. (In Russ.)

Armenia's «Crossroads of the World» project was presented in the European Parliament // <https://armenpress.am/rus/news/1132814.html>, accessed 28.04.2024. (In Russ.)

Meeting with Ilham Aliyev and Nikol Pashinyan // <http://kremlin.ru/events/president/news/67200>, accessed 25.04.2024. (In Russ.)

Delhi is ready to work with Yerevan within the framework of the North–South ITC – Ambassador // <https://am.sputniknews.ru/20231205/deli-gotov-rabotat-s-erevanom-v-ramkakh-mtk-sever-yug--posol-69625720.html>, accessed 28.04.2024. (In Russ.)

Deputy Minister of Foreign Affairs of Armenia Mnatsakan Safaryan took part in the Forum «New Regional Reality and the Crossroads of the World» // https://www.mfa.am/ru/press-releases/2023/12/05/Safaryan_Forum/12394, accessed 28.04.2024. (In Russ.)

India proposes to involve Armenia in the use of the Iranian seaport of Chabahar for cargo transportation // <http://interfax.az/view/847433>, accessed 26.04.2024. (In Russ.)

Iran supports the implementation of the Crossroads of the World program // <https://armenpress.am/rus/news/1130062.html>, accessed 28.04.2024. (In Russ.)

Iran has started military exercises near the border with Azerbaijan and Armenia // <https://www.aa.com.tr/ru/мир/иран-приступил-к-военным-учениям-у-границы-с-азербайджаном-и-арменией/2380227>, accessed 26.04.2024. (In Russ.)

Lavrov called the format of cooperation «3+3» in Transcaucasia promising // <https://ria.ru/20231205/lavrov-1913858848.html>, date of issue 25.04.2024. (In Russ.)

Georgian Foreign Ministry: Tbilisi will not participate in the meeting in the format 3+3 // <https://civil.ge/ru/archives/564994>, accessed 26.04.2024. (In Russ.)

Moscow: The West is actively working to undermine the 3+3 format in the South Caucasus // <https://www.golosarmenii.am/article/174670/moskva-zapad-aktivno-rabotaet-nad-podryvom-formata-33-na-yuzhnom-kavkaze>, accessed 04/27/2024. (In Russ.)

The presence of the Iran–Nakhichevan–Armenia railway can be very effective for the two countries – Iranian Foreign Minister // <https://www.aysor.am/ru/news/2021/05/26/>, accessed 26.04.2024. (In Russ.)

Overchuk: The Russian Federation is financing the construction of the «Crossroads of the World» project proposed by Pashinyan // <https://tass.ru/ekonomika/19548019>, accessed 28.04.2024. (In Russ.)

Expert on Aliyev's interview: this may be some kind of veiled ultimatum (interview with A. Areshv) // <https://verelq.am/ru/node/139053>, accessed 26.04.2024. (In Russ.)

Erdogan proposed to create a «platform of six» in the South Caucasus // <https://ria.ru/20201210/erdogan-1588641827.html>, accessed 25.04.2024. (In Russ.)

Василий ОСТАНИН-ГОЛОВНЯ
Вячеслав АФАНАСЬЕВ

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В РАЗВИТИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ САУДОВСКОЙ АРАВИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Дата поступления в редакцию: 01.04.2024.

Для цитирования: *Останин-Головня В. Д., Афанасьев В. И., 2024. Энергетический фактор в развитии внешней политики Саудовской Аравии на современном этапе. – Геоэкономика энергетики. № 2 (26). С. 38–51. DOI: 10.48137/26870703_2024_26_2_38*

Статья посвящена анализу энергетического фактора в формировании и развитии современного внешнеполитического курса Саудовской Аравии. На протяжении десятилетий внешняя политика, равно как и вся экономическая система, королевства находится в прямой зависимости от экспорта нефтепродуктов и сырой нефти. До начала периода 2000-х гг. основными импортерами саудовских энергоносителей выступали западные государства, что непосредственно сказывалось на внешнеполитической ориентации Эр-Рияда и зачастую негативным образом сказывалось на реализации национальных интересов и стратегических задач государственного развития. Тем не менее на современном этапе наблюдается процесс формирования многовекторной внешней политики Саудовской Аравии за счет активизации торгово-экономических отношений с незападными государствами. Особое внимание при анализе данного аспекта авторы уделили основным показателям диверсификации ведущих партнеров Эр-Рияда, результатам переговорного процесса по вступлению королевства в БРИКС и развитию сотрудничества в рамках расширенного формата ОПЕК – ОПЕК+.

ОСТАНИН-ГОЛОВНЯ Василий Дмитриевич, научный сотрудник отдела Ближнего и Постсоветского Востока ИНИОН РАН. Адрес: Россия, г. Москва, 117218, ул. Кржижановского, д. 15, корп. 2. E-mail: ostanin-golovnya@yandex.ru. ORCID: 0000-0001-5937-8786. SPIN-код: 7086-1217.

АФАНАСЬЕВ Вячеслав Иванович, магистрант кафедры Международных отношений и гео-политики транспорта Российского университета транспорта (МИИТ). Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 127994, ГСП-4, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9. E-mail: afanasev.vi@bk.ru. SPIN-код: 1973-1232.

Ключевые слова: Саудовская Аравия, энергетический фактор, нефтяной фактор, американо-саудовские отношения, китайско-саудовские отношения, Saudi Aramco, БРИКС, ОПЕК.

В настоящее время Саудовская Аравия играет значительную роль в мировой политике. Несмотря на то что ее политический возраст составляет чуть более 90 лет, она является одним из ключевых элементов ближневосточной подсистемы международных отношений и претендует на лидерство на Арабском Востоке и в исламском мире. Эр-Рияд обеспечивает свое положение не только благодаря экономической мощи, основанной на нефтяном секторе, но и благодаря развитой внешней политике, которая направлена на реализацию государственно-национальных интересов как на региональном, так и на мировом уровне.

Тем не менее на этапе становления королевства, выпавшего на период правления Абд аль-Азиза ибн Абд ар-Рахмана Аль Сауда в 1932–1953 гг., Саудовская Аравия находилась в весьма шатком положении. Развитие внешней политики молодого государства затруднялось необходимостью продолжения территориальной экспансии, борьбы с оппонентами династии Саудитов, консолидации разрозненных племен, а также отсутствием стабильных институтов правления. В таких условиях основными задачами Эр-Рияда на внешнеполитическом направлении стали обеспечение целостности границ новоприобретенных территорий, признание суверенитета на международной арене и, главное, поиск источников постоянных поступлений в казну.

Поворотным моментом в истории Саудовской Аравии стало обнаружение нефти в 1933 г. Для разработки месторождений был привлечен иностранный капитал посредством заключения концессионных договоров с американской компанией *Standard Oil Company of California (SOCAL)* [Останин-Головня, 2023: 55]. Однако первые нефтяные скважины не принесли ожидаемого результата, и процесс поиска богатых месторождений продолжился. Только спустя шесть лет тяжелой работы в пустыни была создана необходимая инфраструктура для добычи и поставок сырой нефти. 1 мая 1939 г. Абд аль-Азиз ибн Абд ар-Рахман официально объявил о начале экспорта нефти из Саудовской Аравии.

Для управления активами саудовской нефтяной промышленности была создана новая компания под названием *The California Arabian Standard Oil Company (CASOC)*, переименованная в 1944 г. в *Arabian American Oil Company (Aramco)*, юридический адрес которой находился в штате Делавэр, а фактическими владельцами выступали крупнейшие игроки энергетического бизнеса США в лице *Exxon, Mobil, Chevron* и *Texaco*¹. Несмотря на то что Саудовская Аравия фактически оказалась в прямой зависимости от Вашингтона, ставшего основным экономическим донором и стратегическим партнером Эр-Рияда, подобный формат сотрудничества смог обеспечить

¹ A New Saudi Aramco Line // <https://www.nytimes.com/1991/10/14/business/a-new-saudi-aramco-line.html>, дата обращения 13.03.2024.

постоянный рост уровня добычи во второй половине XX в., что закрыло для Саудитов ключевой вопрос поиска постоянного источника финансовых поступлений².

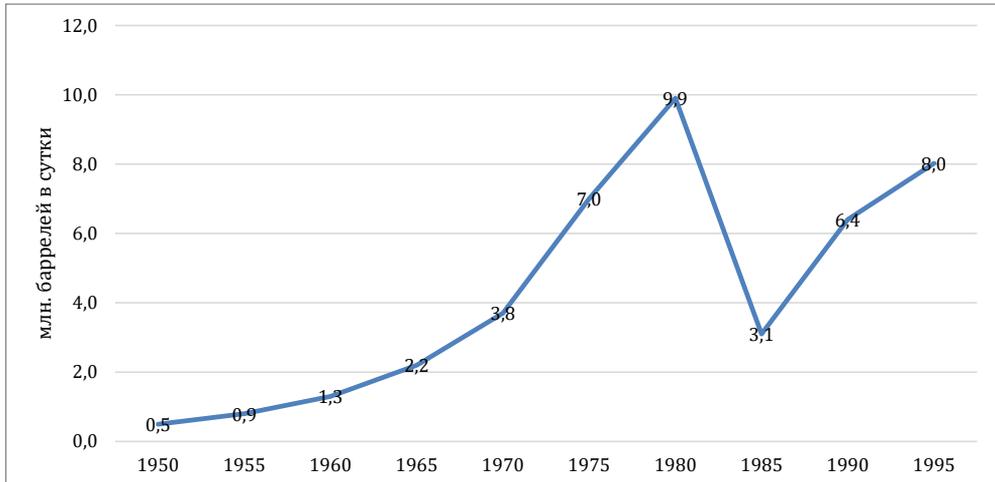


Рис. 1. История добычи нефти в Саудовской Аравии

Источник: OPEC Annual Statistical Bulletin, 1999

Эксплуатация природных богатств Саудовской Аравии американским транснациональным капиталом продолжалась до выкупа правительством королевства контрольного пакета акций компании в 1980 г., что стало результатом череды политико-экономических маневров, предпринятых Саудитами в период 1960–1970-х гг. [Уолд, 2021: 14–15]. Лишь в 1988 г. *Arabian American Oil Company* была переименована указом короля Фахда ибн Абд аль-Азиза (1982 – 2005 гг.) в функционирующую по сегодняшний день национальную мегакорпорацию – *Saudi Aramco*³.

* * *

На протяжении всего XX в. Саудовская Аравия была вынуждена двигаться в фарватере политического курса своих основных западных партнеров. В сфере безопасности Эр-Рияд полагался прежде всего на Вашингтон, в отношениях с которыми сформировалась модель «нефть в обмен на безопасность», о чем в наши дни представители саудовских элит говорят

² OPEC Annual Statistical Bulletin 1999 // https://www.opec.org/opec_web/static_files_project/media/downloads/publications/ASB1999.pdf, дата обращения 13.03.2024.

³ Our history: Driven by the curiosity to explore // <https://www.aramco.com/en/who-we-are/overview/our-history>, дата обращения 13.03.2024.

уже открыто [*Al Saud*, 2022]. Взамен доступа к крупным потребительским рынкам США, Европы и прозападных стран Азии руководство КСА было вынуждено закупать огромные партии американских вооружений, соглашаться на участие военных специалистов Вашингтона в формировании воинских подразделений и подготовке кадров вооруженных сил королевства, о чем, в частности, прямо свидетельствует история саудовской Национальной гвардии, созданием которой в 1960-х гг. занималась аффилированная с Пентагоном ЧВК *Vinnel Arabia*⁴.

Тем не менее если во время холодной войны, как минимум до 1980 г., первостепенной задачей саудовского руководства было обретение полного контроля над нефтяным комплексом страны, то по окончании биполярного периода Эр-Рияд столкнулся с проблемой диверсификации как рынков сбыта для своего черного золота, так и источников финансовых поступлений. Зависимость бюджета Саудовской Аравии от экспорта нефти хорошо демонстрирует статистика: в период 1990–2010-х гг. общая доля экспорта сырой нефти и нефтепродуктов в экспорте КСА, по данным профильной группы ОЕС при *MIT Media Lab*, составляла в среднем около 85 %⁵.

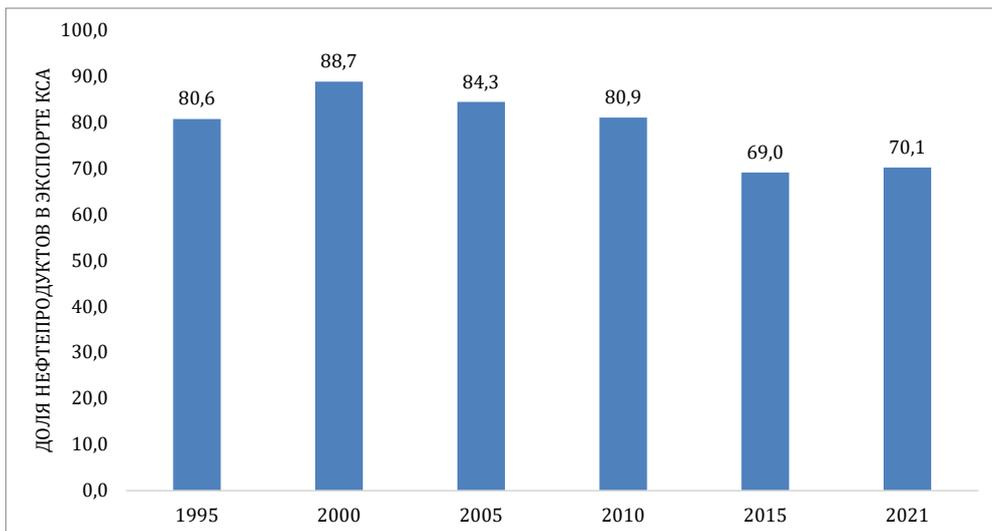


Рис. 2. Доля сырой нефти и нефтепродуктов в экспорте КСА

Источник: The Observatory of Economic Complexity. Macro Connections group at the MIT Media Lab

⁴ History of the Saudi National Guard // <https://web.archive.org/web/20140201195800/http://www.aawsat.net/2006/09/article55265322>, дата обращения 13.03.2024.

⁵ The Observatory of Economic Complexity (OEC) Macro Connections group at the MIT Media Lab // <https://oec.world/en/profile/country/sau?yearSelector1=1995>, дата обращения 13.03.2024.

Так, с 2000 г., когда доля экспорта нефти достигла пиковых 88,7 %, Эр-Рияд начал активно искать возможности для диверсификации доходов государства. Наиболее полно план реализации данной стратегической задачи по дальнейшему развитию государства сегодня отражен в программе «Видение 2030», где одним из важнейших пунктов является указание на необходимость избавления от «нефтяной иглы» и превращения *Aramco* «из нефтедобывающей компании в глобальный промышленный конгломерат»⁶.

О желании освободиться от привязанности экономики королевства к ценам на нефть говорит министр финансов Саудовской Аравии Мухаммад аль-Джадаан. Он заявил: «Хотя я бы и хотел, чтобы баррель стоил 100 или 150 долл., но мы искренне надеемся, что к 2030 г. Саудовской Аравии станет все равно, будет ли цена на нефть равна нулю»⁷. Однако реалистичность полного достижения всех целей амбициозной программы остается предметом открытой дискуссии. Исходя из приведенных выше данных становится видно, что снижение доли экспорта нефти за 15-летний период с 2000 по 2015 г. составило всего 19,7 %, а с учетом текущих региональных и мировых процессов вряд ли следует ожидать коренных изменений данной динамики. Хотя в марте 2024 г. Министерство экономики и планирования отчиталось, что в 2023 г. ненефтяной сектор (прежде всего за счет неправительственных инвестиций в строительный, транспортный и продовольственный сектора) достиг 50 % в ВВП королевства, что эквивалентно 453 млрд долл. от общего объема, 1108 млрд долл., и является «историческим рекордом для экономики страны»⁸.

Тем не менее даже при таких показателях зависимость бюджета Саудовской Аравии от доходов нефтяного сектора приводит к косвенной зависимости как от покупателей, так и от доступа к рынкам сбыта. При этом важно учитывать, что для транспортировки нефтепродуктов Эр-Рияд использует преимущественно морской транспорт, в то время как потенциал саудовских военно-морских сил весьма скромнен. На текущий момент в составе ВМФ КСА насчитывается 7 фрегатов, 4 корвета, 3 эсминца и 9 патрульных судов⁹, чего с учетом ситуации в Персидском заливе и конфликта в Йемене явно недостаточно для обеспечения безопасности морских перевозок. В совокупности данные причины вынуждали Эр-Рияд на протяжении долгого времени искать поддержки и гарантий безопасности у США. Однако

⁶ “Vision: 2030” Leadership Message // <https://www.vision2030.gov.sa/v2030/leadership-message/>, дата обращения 13.03.2024.

⁷ رفض طفنزل رعى ناك اذا ؤيدوعسلا مبات نل 2030 لولحب :ناعدجلا // <https://www.argaam.com/ar/article/articledetail/id/487224>, дата обращения 13.03.2024.

⁸ Non-oil activity in Saudi Arabia now 50% of GDP // <https://www.arabnews.com/node/2476931/business-economy>, дата обращения 13.03.2024.

⁹ World Directory of Modern Military Warships: Royal Saudi Navy (2024) // <https://www.wdmmw.org/royal-saudi-navy.php>, дата обращения 13.03.2024.

важным событием на пути укрепления суверенитета и развития многовекторной внешней политики Саудовской Аравии стал эпизод с заключением соглашения о нормализации отношений с Ираном, оглашение которого произошло в марте 2023 г. по результатам встречи Мусайеда аль-Айбана и Али Шамхани в Пекине.

* * *

Во второй половине XX в. основными импортерами саудовской нефти выступали США, Япония и страны Западной Европы. С началом XXI в. начинаются постепенные изменения в структуре экспорта Саудовской Аравии, и уже к 2010 г. среди крупнейших потребителей стали числиться Китай и Индия, в то же время государства Европейского союза сократили импорт нефти из КСА более чем в два раза, с 22 до 8 %¹⁰.

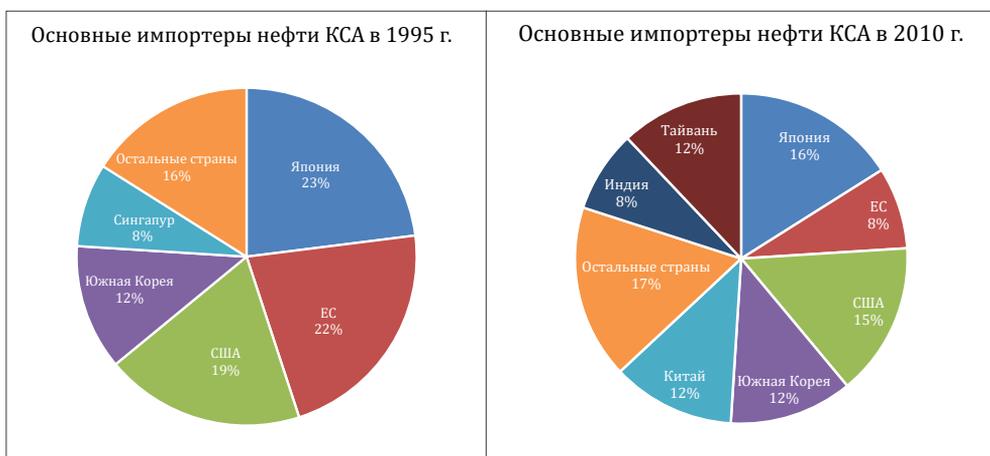


Рис. 3. Основные импортеры нефти КСА в 1995 и 2010 гг.

Источник: The Observatory of Economic Complexity. Macro Connections group at the MIT Media Lab

В целом же данная динамика свидетельствует о том, что Эр-Рияд рассматривает китайский и индийский рынки в качестве основной альтернативы ЕС. Параллельно с изменением состава основных торговых партнеров начинает меняться и внешнеполитический курс Эр-Рияда, становясь более независимым и разносторонним. Ярким примером изменений является создание в 2016 г. нового формата взаимодействия на нефтяном рынке – ОПЕК+, появившегося

¹⁰ The Observatory of Economic Complexity (OEC) Macro Connections group at the MIT Media Lab // <https://oec.world/en/profile/country/sau?yearSelector1=1995>, дата обращения 13.03.2024.

благодаря вступлению России в переговорный процесс с основными членами ОПЕК по координации сокращения добычи нефти [Юшков, Дроздова, 2020: 12].

По-настоящему революционным событием для глобального энергетического рынка можно считать начало добычи сланцевых нефти и газа. Новый технологический подход стал активно внедряться в период с 2008 по 2014 г. и привел к колоссальному изменению в экономике Соединенных Штатов Америки [Беленчук, 2016: 23].

На протяжении второй половины XX в. добыча нефти в США стабильно находилась в диапазоне 5–10 млн баррелей в сутки. С началом «сланцевой революции» 2010-х гг. начинается стремительный рост добычи, и по итогам 2022 г. в США производство составило 19,98 млн баррелей в сутки. Данный результат приводит к переосмыслению роли США на мировом рынке энергоресурсов. Из страны – импортера саудовской нефти США трансформировались в страну-конкурента и нарастили экспорт нефти с 2,3 млн баррелей в сутки в 2010 г. до 9,5 млн баррелей в сутки в 2022 г. Вторым, не менее важным изменением является то, что впервые за более чем полстолетия Вашингтон способен полностью обеспечить свое внутреннее потребление нефтересурсов за счет собственной добычи нефти [U.S. Energy Information Administration, 2022].

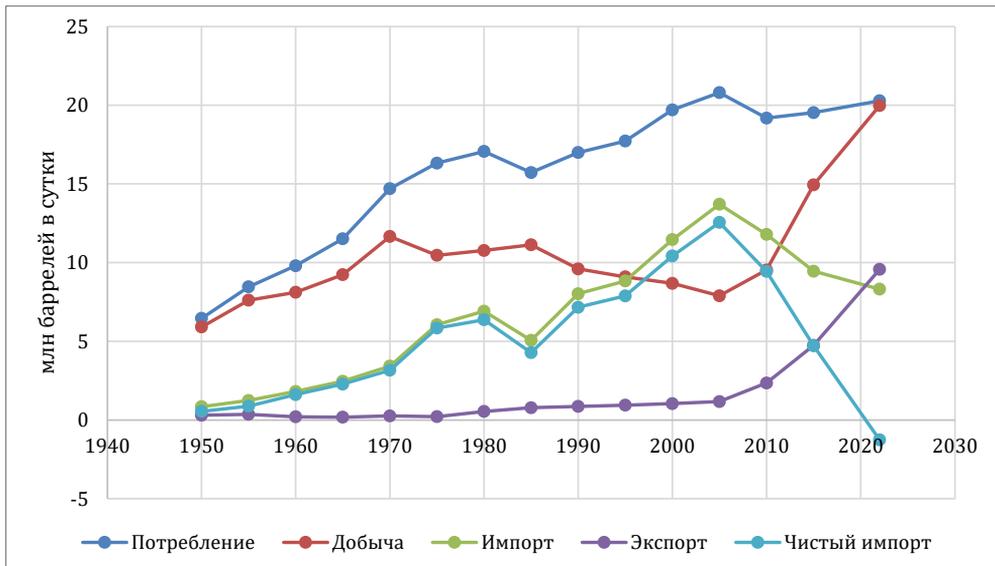


Рис. 4. Потребление, добыча, импорт и экспорт нефти США с 1950 г.

Источник: U.S. Energy Information Administration

На данном фоне изменения в дальнейших торговых отношениях США и КСА стали необратимыми. Для Вашингтона отношения с Эр-Риядом стали

нужны первоначально для оказания давления на мировые цены на нефть, но добиться этого, не являясь одним из основных импортеров саудовской нефти, проблематично и требует поиска компромиссов.

На этом фоне в 2020 г. такие штаты, как Техас, Луизиана, Северная Дакота и Аляска, обвинили Эр-Рияд в ведении экономической войны против нефтяного сектора США и разработали законопроект о немедленном выводе воинского контингента и сворачивании совместных «программ безопасности» в королевстве [Gramer, Johnson, 2020]. Конечно, подобный шаг был бы недопустим, поэтому закон так и застрял на уровне проекта. Тем не менее сигнал Эр-Риядом был получен.

Под воздействием вышеописанных факторов к концу 2021 г. для Саудовской Аравии сложилась новая экономическая реальность, в которой основным импортером нефти становятся Китайская Народная Республика и Индия. На китайский и индийский рынки теперь суммарно приходится более трети экспорта королевства. Западные государства совокупно сохранили долю около 40 %, но тенденция к сокращению сохраняется [The Observatory of Economic Complexity, 2022].



Рис. 5. Основные импортеры нефти КСА в 2021 г.

Источник: The Observatory of Economic Complexity. Macro Connections group at the MIT Media Lab

отношений с различными игроками международной арены. Прежде всего данные изменения во внешнеполитическом курсе Эр-Рияда обусловлены экономическим фактором, т. к. основой всего государственного развития КСА долгое время являлся нефтяной сектор, а ограниченный состав стран — импортеров саудовских энергоресурсов в период холодной войны привел к косвенной зависимости королевства в принятии политических решений по целому ряду направлений. Поэтому дальнейшее развитие многовекторного подхода во внешней политике Саудовской Аравии будет нацелено на диверсификацию партнеров и укрепление суверенитета с целью реализации собственных национально-государственных интересов.

Список литературы

Беленчук С., 2016. Сланцевая революция: технологический прорыв или проект? // Вестник РГГУ. Сер. «Экономика. Управление. Право». № 4. С. 23–32.

Останин-Головня В. Д., 2022. Нефтяной фактор в американо-саудовских отношениях на современном этапе // Геоэкономика энергетики. № 3 (19). С. 53–66. DOI: 10.48137/26870703_2022_19_3_53.

Уолд Э., 2021. SAUDI, INC. История о том, как Саудовская Аравия стала одним из самых влиятельных государств на геополитической карте мира / Пер. с англ. П. Миронова. М.: Альпина Паблишер. 272 с.

Юшков И. В., Дроздова Ю. Д., 2020. Сделка ОПЕК+ 2020 года: предпосылки и интересы участников // Геоэкономика энергетики. № 1 (9). С. 6–20.

Al Saud R., 2022. A New Shape for US-Saudi Relations // <https://www.politico.com/news/magazine/2022/07/14/new-us-saudi-partnership-stability-00045806>, дата обращения 13.03.2024.

Gramer R., Johnson K., 2020. How the Bottom Fell Out of the U.S.-Saudi Alliance // <https://foreignpolicy.com/2020/04/23/saudi-arabia-trump-congress-breaking-point-relationship-oil-geopolitics/>, дата обращения 13.03.2022.

“Vision: 2030” Leadership Message // <https://www.vision2030.gov.sa/v2030/leadership-message/>, дата обращения 13.03.2024.

A New Saudi Aramco Line // <https://www.nytimes.com/1991/10/14/business/a-new-saudi-aramco-line.html>, дата обращения 13.03.2024.

History of the Saudi National Guard // <https://web.archive.org/web/20140201195800/http://www.aawsat.net/2006/09/article55265322>, дата обращения 13.03.2024.

Non-oil activity in Saudi Arabia now 50 % of GDP // <https://www.arabnews.com/node/2476931/business-economy>, дата обращения 13.03.2024.

OPEC Annual Statistical Bulletin 1999 // https://www.opec.org/opec_web/static_files_project/media/downloads/publications/ASB1999.pdf, дата обращения 13.03.2024.

Our history: Driven by the curiosity to explore // <https://www.aramco.com/en/who-we-are/overview/our-history>, дата обращения 13.03.2024.

The Observatory of Economic Complexity (OEC) Macro Connections group at the MIT Media Lab // <https://oec.world/en/profile/country/sau?yearSelector1=1995>, дата обращения 13.03.2024.

U.S. Energy Information Administration. Oil imports and exports // <https://www.eia.gov/energyexplained/oil-and-petroleum-products/imports-and-exports.php>, дата обращения 13.03.2024.

World Directory of Modern Military Warships: Royal Saudi Navy (2024) // <https://www.wdmmw.org/royal-saudi-navy.php>, дата обращения 13.03.2024.

رفص طفنل ارعس ناك اذا! ةي دوعسل ا هبأت نل 2030 لول حب: ناع دجل // <https://www.argaam.com/ar/article/articledetail/id/487224>, дата обращения 13.03.2024.

س طس غأ يف ي عوطل ا طفنل ا ج اتن! ض ف خ ن اددمت ايس ورو ةي دوعسل ا -يف-طفنل ا-ج اتن ال-ي عوطل ا-ض ف خ ل ا-ددمت-ةي دوعسل ا/2023/07/03 // <https://www.alarabiya.net/aswaq/oil-and-gas>, дата обращения 13.03.2024.

OSTANIN-GOLOVNYA Vasily D., Research Assistant of Department of Middle and Post-Soviet East (Institute of Scientific Information on Social Sciences of Russian Academy of Sciences)

Address: 15, Krzhizhanovsky str., Moscow, 117218, Russian Federation.

E-mail: ostanin-golovnya@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5937-8786

SPIN-code: 7086-1217

AFANASYEV Vyacheslav I., master's student at the Department of International Relations and Geopolitics of Transport at the Russian University of Transport (MIIT).

Address: Russian Federation, Moscow, 127994, GSP-4, Moscow, st. Obraztsova, 9, building 9

E-mail: afanasev.vi@bk.ru

SPIN-код: 1973-1232

THE ENERGY FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF SAUDI ARABIA'S FOREIGN POLICY AT THE PRESENT STAGE

DOI: 10.48137/26870703_2024_26_2_38

Received: 01.04.2024.

For citation: *Ostanin-Golovnya V. D., Afanasyev V. I.*, 2024. The Energy Factor in The Development of Saudi Arabia's Foreign Policy at The Present Stage. – *Geoeconomics of Energetics*. № 2 (26). P. 38–51. DOI: 10.48137/26870703_2024_26_2_38

Keywords: Saudi Arabia, energy factor, oil factor, US-Saudi relations, Chinese-Saudi relations, Saudi Aramco, BRICS, OPEC.

Abstract

The article is devoted to the analysis of the energy factor in the formation and development of the modern foreign policy of Saudi Arabia. For decades, the foreign policy, as well as the entire economic system, of the kingdom has been directly dependent on the export of petroleum products and crude oil. Until the beginning of the 2000s western states were the main importers of Saudi energy resources, which directly affected Riyadh's foreign policy orientation and often had a negative impact on the implementation of national interests and strategic objectives of state development. However, at the present stage, there is a process of formation of a multi-vector foreign policy of Saudi Arabia due to the intensification of trade and economic relations with non-Western states. When analyzing this aspect, the authors paid special attention to the main indicators of diversification of Riyadh's leading partners, the results of the negotiation process on the kingdom's accession to BRICS and the development of cooperation within the expanded OPEC format – OPEC+.

References

Belenchuk S., 2016. Shale revolution: technological breakthrough or project? // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series Economics. Control. Right. No. 4. Pp. 23–32. (In Russ.)

Ostanin-Golovnya V. D., 2022. The oil factor in US-Saudi relations at the present stage // Geoeconomics of Energetics. No. 3 (19). Pp. 53–66. DOI: 10.48137/26870703_2022_19_3_53. (In Russ.)

Wald, E., 2021. SAUDI, INC. The story of how Saudi Arabia became one of the most influential states on the geopolitical map of the world / Per. from English P. Mironova. M.: Alpina Publisher. P. 272. (In Russ.)

Yushkov I. V., Drozdova Yu. D., 2020. OPEC+ deal 2020: prerequisites and interests of participants // Geoeconomics of Energetics. No. 1 (9). Pp. 6–20. (In Russ.)

Al Saud R., 2022. A New Shape for US-Saudi Relations // <https://www.politico.com/news/magazine/2022/07/14/new-us-saudi-partnership-stability-00045806>, accessed 13.03.2024. (In Eng.)

Gramer R., Johnson K., 2020. How the Bottom Fell Out of the U.S.-Saudi Alliance // <https://foreignpolicy.com/2020/04/23/saudi-arabia-trump-congress-breaking-point-relationship-oil-geopolitics/>, accessed 13.03.2022. (In Eng.)

A New Saudi Aramco Line // <https://www.nytimes.com/1991/10/14/business/a-new-saudi-aramco-line.html>, accessed 13.03.2024. (In Eng.)

History of the Saudi National Guard // <https://web.archive.org/web/20140201195800/http://www.aawsat.net/2006/09/article55265322>, accessed 13.03.2024. (In Eng.)

Non-oil activity in Saudi Arabia now 50 % of GDP // <https://www.arabnews.com/node/2476931/business-economy>, accessed 13.03.2024. (In Eng.)

OPEC Annual Statistical Bulletin 1999 // https://www.opec.org/opec_web/static_files_project/media/downloads/publications/ASB1999.pdf, accessed 13.03.2024. (In Eng.)

Our history: Driven by the curiosity to explore // <https://www.aramco.com/en/who-we-are/overview/our-history>, accessed 13.03.2024. (In Eng.)

The Observatory of Economic Complexity (OEC) Macro Connections group at the MIT Media Lab // <https://oec.world/en/profile/country/sau?yearSelector1=1995>, accessed 13.03.2024. (In Eng.)

U.S. Energy Information Administration. Oil imports and exports // <https://www.eia.gov/energyexplained/oil-and-petroleum-products/imports-and-exports.php>, accessed 13.03.2024. (In Eng.)

“Vision: 2030” Leadership Message // <https://www.vision2030.gov.sa/v2030/leadership-message/>, accessed 13.03.2024. (In Eng.)

World Directory of Modern Military Warships: Royal Saudi Navy (2024) // <https://www.wdmmw.org/royal-saudi-navy.php>, accessed 13.03.2024. (In Eng.)

رفص طفنل ارعس ناك اذا! ةيدوعسلل مبات نل 2030 لولحب :ناعدجلل
<https://www.argaam.com/ar/article/articledetail/id/487224>, дата обращения 13.03.2024.

س طس غأ يف ي عوطل ا طفنل ا ج اتن! ضفخ ن اددمت ايس ورو ةيدوعسلل
<https://www.alarabiya.net/aswaq/oil-and-gas/2023/07/03/> ا ةيدوعسلل- اددمت- ةيدوعسلل/03/07/2023
-يف-طفنل-ا-جاتن-ال-ي-عوطل-ا-ضفخ-ل-اددمت-ةيدوعسلل/03/07/2023, дата обращения 13.03.2024.

Павел СУГОНЯЕВ

ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ

Дата поступления в редакцию: 25.05.2024

Для цитирования: *Сугоняев П. М.*, 2024. Доктринальные основы энергетической политики современной Германии. – *Геоэкономика энергетики*. № 2 (26). С. 52–82. DOI: 10.48137/26870703_2024_26_2_52

ФРГ многие десятилетия плодотворно сотрудничала сначала с Советским Союзом, а затем и с Россией в сфере энергетики. Как следствие этого сотрудничества были выполнены серьезные инфраструктурные проекты, связавшие нитками газо- и нефтепроводов оба государства, объем поставленного сырья также до недавнего времени оставался внушительным. Обе стороны выигрывали от этого сотрудничества, пока ФРГ с 2014 года не включилась в противостоянии с Россией, а уже после начала СВО в 2022 г. не оборвала все контакты с нашей страной в этой сфере. В статье рассмотрены эволюция энергетической политики ФРГ с момента ее основания, ее основные черты и особенности, объем сотрудничества с Россией. Кроме того, изучены доктринальные основы современной энергетической политики Германии на основе анализа официальных документов этого государства. В статье были использованы отечественные и зарубежные научные труды и статьи, тексты официальных документов ФРГ, а также материалы периодических изданий по выбранной теме. В ходе анализа эволюции энергетической политики ФРГ были сделаны следующие выводы: она изменялась под влиянием научно-технического развития, гибко реагировала на возникающие вызовы, а в ее основе лежал прагматизм. Однако анализ современных доктринальных установок показал, что Германия не суверенна в проведении своей внешней и энерге-

СУГОНЯЕВ Павел Максимович, аспирант Московского государственного лингвистического университета. Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 125993, ул. Тверская, д. 11. E-mail: sugonyaevpavel@gmail.com. SPIN-код: 6698-0923. ORCID: 0009-0007-3127-5911.

Ключевые слова: внешняя политика, возобновляемые источники энергии, Германия, доктринальные установки, официальные документы, Россия, сотрудничество, энергетическая политика, энергетический переход.

тической политики, место прагматизма заняла идеология, спорная политика энергетического перехода будет продолжена при нынешней коалиции, а его модель будет даже предложена на экспорт.

Введение

В современном мире успешное проведение энергетической политики является основой экономической деятельности государства. Поскольку энергия требуется не только для экономики, но и для населения, устойчивое энергоснабжение становится важнейшей задачей государства. Германия, являясь на сегодняшний день государством с мощной промышленностью, ориентированной на производство и экспорт энергоемких промышленных товаров с высокой добавочной стоимостью, имеющей для этого крайне скудную ресурсную базу и находящейся в зависимости от поставок из-за рубежа на 60 % (прежде всего по нефти и газу) [Седых, 2009:51], является интересным объектом для исследования.

Установки, определяющие энергетическую политику, излагаются в официальных документах ФРГ. Следовательно, их изучение позволяет понять специфику энергетической политики Германии, ее приоритеты и характеристики [Белозеров, 2009: 245–247].

Понятие энергетической политики

Обращает на себя внимание то, что изучением энергетической политики Германии в России занимаются преимущественно ученые-экономисты. Соответственно, целью подобных исследований становится зачастую изучение энергетической политики и энергетического сотрудничества Германии в контексте экономической или внешнеэкономической политики, изучается объем взаимной торговли и экономическое значение энергетического перехода. При этом незатронутыми остаются властные отношения, внешнеполитическое и геополитическое значение действий Германии в области энергетики.

Вообще, существует несколько определений энергетической политики государства. В одном из них эта политика характеризуется как «комплекс правительственных мер, нацеленных на долгосрочную стабилизацию внутреннего энергетического рынка и обеспечение эффективности функционирования национальной экономики в условиях нестабильности мировых цен на энергетические ресурсы» или же «деятельность государства, направленная на регулирование системы добычи, переработки, распределения и использования энергии» [Лещенко, 2013: 48–49]. Для государств с развитой добычей энергоресурсов и большими их запасами более подходит второе утверждение, тогда как государствам с ограниченными запасами энерго-

ресурсов, таким как ФРГ, жизненно важен импорт энергоресурсов при колебаниях мировых цен на основные энергетические ресурсы.

Эволюция энергетической политики ФРГ

С середины прошлого века энергетическая политика Германии претерпела значительные изменения. Благодаря значительным запасам каменного и бурого угля, а также строительству гидроэлектростанций в первой половине XX в. ФРГ спокойно могла обеспечить себя энергией [Грановская, 1930: 226–241]. Учитывая важность угля [Meyer-Renschhausen, 1977: 127–153], масштаб разрушений после Второй мировой войны, а также начало холодной войны, европейскими государствами в 1951 г. был подписан Парижский договор об учреждении Европейского объединения угля и стали. Документ предусматривал учреждение контроля над угольной и сталелитейной промышленностью подписавших государств-членов со стороны наднационального органа и позволял установить выгодные для участников цены на уголь и открыть общий рынок сбыта. Договор стал первым шагом к европейской интеграции [Стрельникова, 2020: 164].

Однако с развитием научного прогресса нефть становилась все более привлекательной для получения энергии, в связи с чем многие западные государства, среди них и ФРГ, стали импортировать нефть из арабских государств Ближнего Востока. В Германии как раз происходило «экономическое чудо», в связи с чем непрерывно росло потребление энергии, но, как и в прочих западных экономиках, происходил перегрев в результате послевоенного роста, на этом фоне арабскими нефтяными монархиями 17 октября 1973 г. было объявлено нефтяное эмбарго в связи с поддержкой Западом Израиля. За скачком цен на нефть произошел рост инфляции, в Германии озаботились развитием альтернативных энергетических источников [Макаров, Чушилкин, 2021: 41–48]. До энергетического кризиса понятие «энергетическая стратегия» не употреблялось вовсе, однако уже в 1974 г. в ФРГ появилась первая энергетическая программа, в которой энергетической отрасли был дан особый статус (использование не только рыночных способов) и были выделены важнейшие ее постулаты: 1) диверсификация структуры энергобаланса; 2) диверсификация поставщиков энергоносителей; 3) надежность энергоснабжения по доступным ценам рыночным способом; 4) энергоэффективность [Седых, 2011б: 11–12].

Это послужило толчком для развития в Германии атомной энергетики, исследований в области возобновляемых источников энергии (ВИЭ), достижения большей энергоэффективности, а также роста поставок природного газа сначала из Норвегии, а затем и из СССР [Седых, 2011а: 61–62]. В 1974 г. в рамках энергетической программы был принят так называемый закон об угольном пфенниге, т. е. был введен специальный налог для доти-

рования немецкой угледобычи ради устойчивого снабжения отечественным углем [Сумин, 2017: 129–158]. В 1976 г. в Белой книге безопасности ФРГ и развития бундесвера снабжение энергией и ресурсами также было закреплено в качестве условия безопасности Германии¹. С незначительными правками в 1977 и 1981 гг. данная энергетическая программа определила основные направления энергетического комплекса ФРГ.

Отдельно стоит отметить, что параллельно ФРГ свою энергетическую политику проводила ГДР, сделавшая упор на бурый уголь и атомную энергетику [Die Energiepolitik der DDR..., 1988: 9–45] в силу больших залежей первого и с учетом наличия запасов урана и поддержки атомной программы ГДР со стороны Советского Союза. После поглощения ГДР федеративная республика закрыла все атомные станции, построенные по советским технологиям, и снизила использование линггита в энергетике. Таким образом, на энергетическую интеграцию территории бывшей ГДР также были затрачены немалые ресурсы.

К 1970 г. наравне со строительством немецких АЭС было заключено энергетическое соглашение между ФРГ и СССР, переросшее со временем в известный московский договор «газ за трубы» [Смирнов, 2013: 17–18]. Поставки сначала советских, а затем и российских газа и нефти [Печищева, 2019а] по строящимся газо- и нефтепроводам непрерывно наращивались, достигнув своего максимума в период нахождения Ангелы Меркель на посту германского федерального канцлера [Westphal, 2020: 406–423].

Что касается ядерной энергетики, то если до начала энергетического кризиса темпы ввода новых атомных станций считались умеренными, то уже после него была сделана ставка на форсированное развитие атомной энергии, поддержанное почти всеми партиями. Однако все поменялось после аварии на Чернобыльской АЭС в 1986 г., когда к «Зеленым» в призыве отказаться от атомной энергии присоединились и социал-демократы. Итогом консолидированной позиции противников развития ядерной энергетики стал отказ от строительства АЭС, последняя атомная станция Германии была построена в 1989 г. Уже в 2001 г. красно-зеленая коалиция во главе с федеральным канцлером Г. Шредером установила предельный срок эксплуатации действующих АЭС 32 года, однако правительство следующей «большой коалиции» из ХДС/ХСС и СДПГ продлило этот срок до 40 лет [Седых, 2010: 51–52]. Дискуссии о сохранении атомной энергетики в стране продолжались, усиливаясь с ростом мировых цен на природный газ. Завершению атомной программы ФРГ способствовала авария на АЭС «Фукусима» в 2011 г. 11 марта произошла катастрофа в технически развитой Японии, а уже к 30 июня отказ от атомной энергетики к 2022 г. был законо-

¹ Weißbuch 1975/1976 zur Sicherheit der Bundesrepublik Deutschland und zur Entwicklung der Bundeswehr. Bonn, 08.01.76, 224 S.

дательно закреплена в бундестаге². Данная мера легла на благодатную почву, поскольку немецкие активисты довольно продолжительное время боролись против атомной программы Германии, и к их аргументам, помимо проблемы хранения радиоактивных отходов ядерной промышленности, добавился высокий риск эксплуатации атомных станций [Rucht, 1980: 74–97]. В апреле 2023 г. была отключена от сети последняя атомная электростанция ФРГ³.

Важным фактором, определяющим энергетическую политику ФРГ, являются предписания Европейского союза. В 1990-е годы началась либерализация энергетического рынка ЕС, то есть сокращение национальной регуляции на энергетических рынках, что вошло в противоречие с политикой Германии эпохи Г. Шредера, нацеленной на газовое сотрудничество с Россией, большее внимание инициативам ЕС было оказано в период правления А. Меркель, публично усомнившейся в надежности поставок газа из России [Лещенко, 2013: 50–54]. Одновременно с этим начиная с заключения Киотского протокола 1997 года Германия берет на себя обязательства по сокращению выбросов углерода в атмосферу [Васильева, 2019: 120–121]. Это привело к интенсификации развития ВИЭ. При этом нарративы Европейского союза о проведении политического курса, учитывающего необходимость энергоперехода, в ходе дальнейших событий не только не были пересмотрены, но и обрели большую общественную поддержку, сохраняющуюся и в настоящее время [Прохоренко, 2022: 92–93].

Что касается правовой регламентации ВИЭ, то первый закон в Германии «О подаче электроэнергии из возобновляемых источников энергии» был принят в 1991 г. В 2000 г. данный нормативный акт сменил закон «О возобновляемых источниках энергии» (*EEG*), на котором основывается Концепция энергетического поворота 2010 г. [Печищева, 2019б]. Данные концепции основаны на государственной поддержке развития ВИЭ ради достижения как можно большей доли возобновляемой энергии в энергобалансе ФРГ [Козаева, 2016: 235].

На современном этапе уклон в развитие исключительно ВИЭ ведет к нарушению так называемого треугольника целей энергетической политики, состоящего из надежности снабжения, экологичности и экономической эффективности [Deutsche Sicherheitspolitik, 2014: 217–218]. Активно наращиваются усилия для достижения второй цели, зачастую в ущерб двум остальным. Так, государство все больше вовлекается в регуляции на рынке энергии, энергоснабжение становится все менее надежным, подверженным измене-

² Фукусима и отказ Германии от атомной энергии: 10 лет спустя // <https://germania-online.diplo.de/ru-dz-ru/wirtschaft/Energie/-/2448202>, дата обращения 14.05.2024.

³ Deutschland ist aus der Atomkraft ausgestiegen // <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2023-04/atomkraftwerk-akw-akw-ausstieg-neckarwestheim-isar-2-emsland>, дата обращения 14.05.2024.

ниям погоды и времени суток, осуществляется постоянное вмешательство в работу электросетей, стоимость электроэнергии для конечного потребителя с вводом все новых мощностей ВИЭ растет, линии электропередач не успевают за все большим производством возобновляемой энергии (прежде всего ветровой на севере Германии, что делает сложной ее переброску на юг страны, к промышленным предприятиям), а также постоянным давлением США на Германию в вопросе газоснабжения (удорожание газа вследствие отказа от трубопроводного российского в пользу сжиженного американского). Все это показывает, что немецкая политика в области энергетики не имеет концепции и слишком дорогостояща [Kompe, 2019: 98–106].

Таким образом, можно констатировать, что немецкая энергетическая политика на разных этапах развития ФРГ претерпевала значительные изменения, прежде всего благодаря развитию науки и техники во второй половине XX в., что делало возможным использовать иные виды энергоносителей. Кроме того, энергетическая стратегия Германии показала свою пластичность и высокую скорость реакции в моменты отказа от ядерной энергии, а также расчет на прагматизм в развитии газовых отношений с Россией. В дальнейшем, однако, Германия отошла от прагматичного взаимодействия с окружающим миром и сосредоточилась на сложнодостижимой цели — энергетическом переходе, способным в теории превратить Германию в экспортера энергии и технологий при одновременном идеологически обоснованном разрыве с Россией, что принесло серьезные экономические последствия для немецкого государства.

Энергетическое содержание доктринальных документов ФРГ

Особого внимания заслуживает изучение действующих официальных документов ФРГ, что позволит установить доктринальные установки, определяющие энергетическую политику современной Германии. Все они являются продуктом немецкой стратегической культуры, которая в силу исторического опыта поражений в мировых войнах отошла от идей экспансионизма и милитаризма, однако в силу нахождения в западном лагере активно воспринимает себя частью коллективного Запада [Белозеров, 2022: 15–16]. Как в период состояния двух мировых систем ФРГ как часть коллективного Запада противостояла социалистическому блоку, так и теперь, на новом витке напряженности между Россией и Западом, Германия решительно выступила против нашей страны.

Ярким маркером этого стал выход вместо привычного формата «Белых книг» Стратегии национальной безопасности Германии⁴. В ней в разделе

⁴ Integrierte Sicherheit für Deutschland // <https://www.nationalesicherheitsstrategie.de/>, дата обращения 14.04.2024.

«Комплексная безопасность Германии» говорится об экономике Германии: «Наша экономика построена на основанном на правилах доступе к рынкам, сырью, технологиям, финансовому и человеческому капиталу», и планируется сократить одностороннюю зависимость от снабжения ресурсами и энергией в стратегически важных сферах⁵. Затем упоминается важность серьезного сокращения выбросов углерода и достижение зеленой трансформации посредством чистой энергии и снижения зависимости⁶.

Кроме того, важнейший немецкий документ в сфере безопасности позволяет комплексно оценить доктринальные основы современной энергетической политики Германии. Ведь начало проведения Россией специальной военной операции напрямую повлияло на выход оборонных документов одновременно как в Германии, так и в Европе, в нем имеются ссылки на прочие немецкие документы [Белозеров, 2023: 166–177].

Так, в предыдущем стратегическом документе по безопасности ФРГ, «Белой книге политики безопасности и будущего бундесвера», представленном Министерством обороны в 2016 году, говорится об обеспечении безопасности снабжения ресурсами и энергией Германии в качестве стратегического приоритета, что аргументируется большой зависимостью экспортно ориентированной экономики ФРГ от ресурсов и маршрутов поставок. В достижении этой безопасности большую роль играют партнеры по НАТО и ЕС⁷.

Помимо вопросов обеспечения бесперебойного энергоснабжения, в немецких доктринальных документах получила развитие концепция устойчивого развития. Стратегия устойчивого развития Германии от 2021 г.⁸ основана на «Повестке дня 2030» от ООН⁹, в которой были перечислены 17 глобальных целей устойчивого развития (достижение экономического роста без нанесения вреда окружающей среде). В документе перечислены цели как для Германии с 2002 г., так и для всей Европы. На основании ряда индикаторов будет контролироваться прогресс достижения перечисленных целей на всех уровнях.

В 2016 г. федеральным правительством был принят План по защите климата до 2050 г.¹⁰. Целью трансформации признается достижение к середине

⁵ Ibid, S. 15.

⁶ Ibid, S. 16.

⁷ Bundesministerium der Verteidigung. Das Wei buch 2016 // <https://www.bmvg.de/de/themen/dossiers/weissbuch>, дата обращения 12.05.2021.

⁸ Die Bundesregierung. Deutsche Nachhaltigkeitsstrategie // <https://www.bundesregierung.de/breg-de/themen/nachhaltigkeitspolitik/deutsche-nachhaltigkeitsstrategie-318846>, дата обращения 12.05.2021.

⁹ Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development // <https://sdgs.un.org/2030agenda>, дата обращения 17.03.2022.

¹⁰ Die Bundesregierung. Klimaschutzplan 2050 // <https://www.bmwk.de/Redaktion/DE/Publikationen/Industrie/klimaschutzplan-2050.pdf?blob=publicationFile&v=1>, дата обращения 14.05.2024.

века углеродной нейтральности экономики и общества. При этом отмечается, что Парижское соглашение по климату планирует достижение углеродной нейтральности во второй половине века, так что взятые на себя ЕС обязательства по сокращению выбросов на величину от 80 до 95 % позволят раньше времени выйти на запланированные показатели. За отправную точку был взят уровень 1990 г., ФРГ должна сократить свои выбросы на 55 % к 2030 г. и на 70 % к 2040 г. В качестве мер избраны введение дальнейших мер по энергоэффективности, дальнейшее развитие ВИЭ, лучшее взаимодействие различных секторов экономики (при помощи электроавтомобилей), исследования и развитие.

Для достижения энергетических целей были также разработаны специальные отраслевые стратегии, как, например, Национальная водородная стратегия¹¹. Федеральное правительство уделяет огромное внимание развитию водородных технологий, так как планирует с его помощью решить одну из основных проблем энергоперехода – проблему хранения энергии. Планируется, что в часы без пиковых нагрузок ВИЭ будут производить так называемый зеленый водород – экологически чистый энергоноситель, получаемый из воды при помощи зеленого электричества от ВИЭ. ФРГ планирует как производить его внутри, так и импортировать из-за рубежа. На данный момент, однако, данный вид топлива остается крайне дорогим.

В проекте Национальной водной стратегии от сентября 2023 г. много говорится про энергию и энергетическую политику будущего¹². Цель как будущей водной, так и энергетической политики будет заключаться в создании замкнутого энергетического, водного и ресурсного цикла в целях устойчивого развития. В будущем планируется более интенсивное, но при этом бережное использование водных ресурсов.

Даже в специализированных региональных стратегических документах возможно найти проявления энергетической политики. В Основных направлениях немецкой арктической политики¹³ 2019 г. Министерства иностранных дел указано в разделе, посвященном устойчивому развитию, что для Германии огромное значение имеет снабжение ресурсами и энерго-ресурсами из региона.

¹¹ Bundesministerium für Wirtschaft und Klimaschutz. Die nationale Wasserstoffstrategie // <https://www.bmwk.de/Redaktion/DE/Publikationen/Energie/die-nationale-wasserstoffstrategie.html>, дата обращения 20.04.2023.

¹² Bundesministerium für Umwelt, Klimaschutz, nukleare Sicherheit und Verbraucherschutz. Nationale Wasserstrategie // <https://www.bmuv.de/publikation/nationale-wasserstrategie>, дата обращения 10.05.2024.

¹³ Bundesaußenministerium. 2016. Leitlinien deutscher Arktispolitik // <https://www.bmuv.de/themen/internationales/weitere-multilaterale-zusammenarbeit/die-arktis/leitlinien-deutscher-arktispolitik>, дата обращения 14.09.2022.

И наконец, в Основных направлениях политики в Индо-Тихоокеанском регионе 2020 г.¹⁴ также содержатся энергетические положения. В Министерстве иностранных дел планировали повышать энергоэффективность в регионе, расширять существующие энергетические партнерства и коридоры. Регион является крупнейшим по населению и уже некоторое время может похвастаться самым высоким экономическим ростом, именно поэтому спрос на электроэнергию вырастет и пригодится опыт Германии в энергопереходе на ВИЭ и в производстве зеленого водорода.

Таблица

Энергетическое содержание официальных документов ФРГ

Документ	Год	Наличие энергетических вопросов
Стратегия национальной безопасности Германии	2023	Сокращение односторонней зависимости от снабжения ресурсами и энергией в стратегически важных сферах, сокращение выбросов углерода и трансформация
Белая книга политики безопасности и будущего бундесвера	2016	Обеспечение безопасности снабжения ресурсами и энергией Германии в качестве стратегического приоритета при помощи партнеров по НАТО и ЕС
Стратегия устойчивого развития Германии	2021	Достижение целей устойчивого развития и набор индикаторов для определения прогресса
План по защите климата до 2050 года	2016	Сокращение ФРГ углеродных выбросов на 55 % к 2030 г. и на 70 % к 2040 г. по сравнению с уровнем 1990 г.
Национальная водородная стратегия	2020	Производство, экспорт и импорт зеленого водорода как накопителя энергии при энергетическом переходе
Проект Национальной водной стратегии	2023	Создание замкнутого энергетического, водного и ресурсного цикла в целях устойчивого развития, интенсивное использование ресурсов
Основные направления немецкой арктической политики	2019	Важность снабжения ресурсами, в т. ч. энергоресурсами
Основные направления политики в Индо-Тихоокеанском регионе	2020	Повышение энергоэффективности, расширение существующих энергетических партнерств и коридоров, обмен опытом в использовании ВИЭ и зеленого водорода

Источник: Составлено автором по данным представленных в статье официальных документов.

¹⁴ Auswärtiges Amt. Leitlinien zum Indo-Pazifik // <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/asien/indo-pazifik-leitlinien/2380340>, дата обращения 17.03.2022.

Таким образом, вопросы энергетики, и прежде всего энергоснабжения в настоящем и будущем, активно поднимаются в основных доктринальных документах современной ФРГ. Помимо вопросов обеспечения безопасности поставок, делаются попытки принимать на себя экологическую ответственность в рамках достижения целей устойчивого развития, то есть декарбонизации мировой экономики. Однако в рамках этого курса продолжают попытки обеспечить бесперебойное снабжение в том числе и ископаемыми источниками энергии. Бросается также в глаза ставка на развитие технологий в ближайшем будущем, способное решить основные проблемы энергетического перехода. И естественно, собственная модель активно предлагается прочим акторам как образец обеспечения энергетической безопасности в будущем.

Заключение

В заключение необходимо отметить, что энергетическая политика, основанная на энергетическом переходе к ВИЭ, предусматривая отказ от ядерной и угольной генерации, прекрасно работала в увязке с доступностью энергоресурсов, получаемых из России. Однако с 2022 г. доктринальные установки в сфере энергетики (в виде отказа от «зависимости» от России) были значительно расширены вслед за ухудшением отношений западных государств и России.

Можно сделать вывод и о важности энергетической политики для Германии, учитывая наличие доктринальных установок, связанных с ней, содержащихся в целом ряде официальных документов ФРГ. Также энергетические доктринальные установки влияют на проведение немецкой внешней политики в некоторых регионах мира. При этом энергетические установки зачастую определяются как наднациональными органами в лице ЕС, так и международными организациями (план по устойчивому развитию от ООН) и договорами (ограничение выбросов углерода). Заметны и попытки достичь энергетической безопасности путем дальнейшего проведения энергетического перехода.

В общем, энергетические доктринальные установки в официальных документах ФРГ показывают, что Германия не суверенна в выборе своей энергетической и внешней политики, идеология оказывается для ФРГ важнее прагматичного сотрудничества, энергетический переход продолжится, по крайней мере при нынешней правящей коалиции, а его модель будет в дальнейшем продвигаться на экспорт для прочих акторов международных отношений.

Список литературы

Белозеров В. К., 2023. Германия конструирует стратегическую культуру. Размышления после выхода Стратегии национальной безопасности ФРГ // Россия в глобальной политике. Т. 21. № 5 (123). С. 166–177. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-5-166-177.

Белозеров В. К., 2009. Система доктринальных документов в сфере обороны: подходы России и Германии // Конституция и доктрины России современным взглядом: Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 17 марта 2009 г.). М.: Науч. эксперт. С. 235–249.

Белозеров В. К., 2022. Стратегическая культура в общественно-политическом и научном дискурсе немецкоязычных стран // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. № 1 (846). С. 10–18. DOI 10.52070/2500-347X_2022_1_846_10.

Васильева Г. М., 2019. Киотский протокол в глобальном историческом контексте // Вестник Томского государственного университета. № 439. С. 120–127. DOI: 10.17223/15617793/439/15.

Грановская М., 1930. Генеральный план электрификации Германии // Плановое хозяйство. № 5. С. 226–241.

Козаева Н. В., 2016. Механизм государственной поддержки развития возобновляемых источников энергии в ФРГ // Вестник МГИМО. № 3 (48). С. 229–238.

Комре Ш., 2019. Энергетическая политика Федерального правительства Германии: отход от рыночной экономики // Государственная служба. № 6 (122). С. 98–106. DOI: 10.22394/2070-8378-2019-21-6-96-106.

Лещенко К. Е., 2013. Энергетическая политика Германии: национальный и наднациональный контекст // Записки Горного института. № 201. С. 48–54.

Макаров И. А., Чупилкин М. С., 2021. «Энергетический Перл-Харбор». Нефтяной кризис 1973 года // Россия в глобальной политике. № 1 (107). С. 38–53.

Печищева Л., 2019а. Российско-германские «газовые» и «нефтяные» отношения // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/europeanpolicy/rossiysko-germanskie-gazovye-i-neftyanye-otnosheniya/>, дата обращения 04.05.2024.

Печищева Л., 2019б. Энергетическая политика ФРГ: АЭС vs ВИЭ // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/europeanpolicy/energeticheskaya-politika-frg-aes-vs-vie/>, дата обращения 12.05.2024.

Прохоренко И. Л., 2022. Нарративы энергетического перехода в Европейском Союзе // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. № 4. С. 77–97. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-4-77-97.

Седых С. В., 2010. Будущее атомной энергетики в ФРГ // Финансы: теория и практика. №1. С. 50–55.

Седых С. В., 2011а. Новая энергетическая стратегия ФРГ. // *Финансы: теория и практика*. № 1. С. 61–66.

Седых С. В., 2009. Энергетическая политика ФРГ: курс на энергосбережение // *Финансы: теория и практика*. № 1. С. 51–53.

Седых С. В., 2011б. Эволюция энергетической политики ФРГ в условиях европейской интеграции: Автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14. М. 25 с.

Смирнов С. В., 2013. Развитие сотрудничества СССР и ФРГ, России и Германии в энергетической сфере в конце XX – начале XXI века: Автореф. дис. ... канд. полит. наук: 07.00.03. М. 24 с.

Стрельникова И. А., 2020. Предпосылки зарождения идеи Европейской интеграции и ее правовое оформление в Парижском договоре об учреждении Европейского объединения угля и стали // *Вестник экономической безопасности*. № 3. С. 162–168. DOI 10.24411/2414-3995-2020-10177.

Сумин А. М., 2017. Энергетическая политика современной Германии: тенденции, проблемы, перспективы. М.: Газоил пресс. 216 с.

Böckenförde S., Bernhard Gareis S., 2014. *Deutsche Sicherheitspolitik*. Opladen & Toronto: Barbara Budrich. 444 S.

Die Energiepolitik der DDR: Mängelverwaltung zwischen Kernkraft u. Braunkohle, 1988. Bonn: Neue Ges. 64 S.

Meyer-Renschhausen M., 1977. *Energiepolitik in der BRD von 1950 bis heute: Analyse und Kritik*. Köln: Pahl-Rugenstein. 165 S.

Rucht D., 1980. *Von Wyhl nach Gorleben: Bürger gegen Atomprogramm und nukleare Entsorgung*. München: C.H.Beck. 293 S.

Westphal K., 2020. German-Russian gas relations in face of the energy transition. // *Russian Journal of Economics*. № 6. P. 406–423. DOI: 10.32609/j.ruje.6.55478.

SUGONYAEV Pavel M., Postgraduate student, Moscow State Linguistic University

Address: 11, Tverskaya str., Moscow, 125993, Russian Federation

E-mail: sugonyaevpavel@gmail.com

SPIN-code: 6698-0923

ORCID: 0009-0007-3127-5911

DOCTRINAL BASIS OF ENERGY POLICY OF MODERN GERMANY

DOI: 10.48137/26870703_2024_26_2_52

Received: 25.05.2024.

For citation: *Sugonyaev P. M.*, 2024. Doctrinal basis of energy policy of modern Germany. – *Geoeconomics of Energetics*. № 2 (26). P. 52–66. DOI: 10.48137/26870703_2024_26_2_52

Keywords: cooperation, doctrine, energy policy, energy transition, foreign policy, Germany, official documents, renewable energy, Russia.

Abstract

The Federal Republic of Germany has cooperated successfully for many decades, first with the Soviet Union and then with Russia in the energy sector. As a result of this cooperation, serious infrastructure projects have been carried out, connecting both countries with gas and oil pipelines, and the volume of raw materials supplied has also been significant until recently. Both sides benefited from this cooperation, until the Federal Republic of Germany took part in the confrontation with Russia in 2014, and after the start of the special military operation in 2022 it cut off all contacts with our country in this sphere. This article will examine the evolution of the energy policy of the Federal Republic of Germany since its foundation, its main features and characteristics, the volume of cooperation with Russia. In addition, the doctrinal foundations of the modern energy policy of Germany will be studied by analyzing the official documents of this state. The authors used domestic and foreign scientific works and articles, texts of official documents of the Federal Republic of Germany, as well as materials of periodicals on the selected topic. In the course of analyzing the evolution of the energy policy of the Germany, the following conclusions were made: it changed under the influence of scientific technical development, it flexibly responded to emerging challenges, and it was based on pragmatism. However, an analysis of current doctrinal guidelines has shown that Germany is not sovereign in the implementation of its foreign and energy policy, ideology has taken the place of pragmatism, the controversial energy transition policy will be continued under the current coalition government, and its model will even be offered for export.

References

- Belozyorov V. K.*, 2023. Germany is constructing a strategic culture. Reflections after the release of the German National Security Strategy // *Russia in global politics*. No. 5 (123). Pp. 166–177. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-5-166-177. (In Russ.)
- Belozyorov V. K.*, 2009. The system of doctrinal documents in the sphere of defense: approaches of Russia and Germany // *Constitution and Doctrines of Russia in a Modern View: The Proceedings of the All-Russian Scientific Conference (Moscow, March 17, 2009)*. Moscow: Scientific Expert Publ. Pp. 235–249. (In Russ.)
- Belozyorov V. K.*, 2022. Strategic culture in the socio-political and scientific discourse of German-speaking countries // *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences*. No. 1 (846). P. 10–18. DOI 10.52070/2500-347X_2022_1_846_10. (In Russ.)
- Vasilyeva G. M.*, 2019. The Kyoto Protocol in a global historical context // *Bulletin of Tomsk State University*. No. 439. Pp. 120–127. DOI: 10.17223/15617793/439/15. (In Russ.)
- Granovskaya M.*, 1930. German Electrification Master Plan // *Journal Planned Economy*. No. 5. Pp. 226–241. (In Russ.)
- Kozayeva N. V.*, 2016. Mechanism of state support for the development of renewable energy sources in the Federal Republic of Germany // *Bulletin of the Moscow State Institute of International Relations*. No 3 (48). Pp. 229–238. (In Russ.)
- Kotre S.*, 2019. Energy policy of the German Federal Government: moving away from a market economy // *State Service*. No. 6 (122). Pp. 98–106. DOI: 10.22394/2070-8378-2019-21-6-96-106. (In Russ.)
- Leshchenko K.Y.*, 2013. Germany’s energy policy: national and supranational context // *Notes of the Mining Institute*. No. 201. Pp. 48–54. (In Russ.)
- Makarov I.A., Chupilkin M.S.*, 2021. “Energy Pearl Harbor”. The oil crisis of 1973 // *Russia in global politics*. No. 1 (107). Pp. 38–53. (In Russ.)
- Pechishcheva L.*, 2019a. Russian-German “gas” and “oil” relations // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/europeanpolicy/rossiysko-germanskie-gazovye-i-neftyanye-otnosheniya/>, accessed 04.05.2024. (In Russ.)
- Pechishcheva L.*, 2019b. Germany’s energy policy: NPP vs RES // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/europeanpolicy/energeticheskaya-politika-frg-aes-vs-vie/>, accessed 12.05.2024. (In Russ.)
- Prokhorenko I. L.*, 2022. Narratives of energy transition in the European Union // *Bulletin of the Moscow University. Series 25: International Relations and World Politics*. No. 4. P. 77–97. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-4-77-97. (In Russ.)
- Sedikh S.V.*, 2010. The future of nuclear power in the FRG // *Finance: Theory and Practice*. No. 1. P. 50–55. (In Russ.)
- Sedikh S. V.*, 2011a. New energy strategy of the Federal Republic of Germany // *Finance: Theory and Practice*. No. 1. Pp. 61–66. (In Russ.)

Sedikh S. V., 2009. Energy policy of the Federal Republic of Germany: the course on energy efficiency // Finance: Theory and Practice. No. 1. Pp. 51–53. (In Russ.)

Sedikh S. V., 2011b. Evolution of the energy policy of the Federal Republic of Germany in the context of European integration: Theses... CandSc (Econ.): 08.00.14. Moscow. 25 p. (In Russ.)

Smirnov S. V., 2013. Development of cooperation between the USSR and Germany, Russia and Germany in the energy sector in the late twentieth and early twenty-first centuries: Theses... CandSc (Polit.): 07.00.03. Moscow. 24 p. (In Russ.)

Strelnikova I. A., 2020. Preconditions for the origin of the idea of European integration and its legal formalization in the Paris Treaty on the Establishment of the European Coal and Steel Association // Bulletin of Economic Security. No. 3. Pp. 162–168. DOI 10.24411/2414-3995-2020-10177. (In Russ.)

Sumin A. M., 2017. Energy Policy of Modern Germany: Trends, Problems, Prospects. Moscow: Gazoil press Publ. 216 p. (In Russ.)

Böckenförde S., Bernhard Gareis S., 2014. Deutsche Sicherheitspolitik. Opladen & Toronto: Barbara Budrich. 444 S.

Die Energiepolitik der DDR: Mängelverwaltung zwischen Kernkraft u. Braunkohle, 1988. Bonn: Neue Ges. 64 S.

Meyer-Renschhausen M., 1977. Energiepolitik in der BRD von 1950 bis heute: Analyse und Kritik. Köln: Pahl-Rugenstein. 165 S.

Rucht D., 1980. Von Wyhl nach Gorleben: Bürger gegen Atomprogramm und nukleare Entsorgung. München: C.H.Beck. 293 S.

Westphal K., 2020. German-Russian gas relations in face of the energy transition. // Russian Journal of Economics. № 6. P. 406–423. DOI: 10.32609/j.ruje.6.55478.

Даниил ВЫШЕГОРОДЦЕВ

ПЕРСПЕКТИВЫ РЫНКОВ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ДЛЯ РОССИЙСКИХ НЕФТЯНЫХ КОМПАНИЙ

Дата поступления в редакцию: 25.05.2024.

Для цитирования: *Вышегородцев Д. Д.*, 2024. Перспективы рынков стран Центральной Азии для российских нефтяных компаний. – Геоэкономика энергетики. № 2 (26). С. 67–89. DOI: 10.48137/26870703_2024_26_2_67

Данная статья посвящена современному состоянию нефтяного сектора в странах Центральной Азии и оценки перспективности их рынков для расширения присутствия российских компаний. Автор выделяет основные факторы, определяющие текущее положение нефтедобывающей и нефтеперерабатывающих отраслей в регионе: общая обеспеченность энергоресурсами в целом и сырой нефтью в частности, права собственности на нефтедобывающие и нефтеперерабатывающие предприятия и действующие нефтепроводы, а также заключенные в течение последних пяти лет международные соглашения в данной области. В статье обоснован вывод, что на сегодняшний день потенциал региона транспортно-логистического коридора и центра добычи и переработки нефти остается в большей степени нераскрытым. В этой связи для российских компаний наибольший интерес представляют меры по установлению контроля над трубопроводами из стран, ориентирующихся на экспорт нефти и нефтепродуктов (Казахстан и, в меньшей мере, Туркменистан) и по усилению присутствия на внутренних рынках тех государств, которые ориентируются на импорт энергоресурсов (Киргизия, Таджикистан, Узбекистан) посредством создания собственной транспортной и перерабатывающей инфраструктуры.

ВЫШЕГОРОДЦЕВ Даниил Денисович, научный сотрудник отдела экономических исследований Института стран СНГ. Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 119180, ул. Большая Полянка, 7/10, стр. 3. E-mail: vyshgorodtsev.dd@mail.ru. SPIN-код: 2257-4189.

Ключевые слова: Центральная Азия, Россия, нефтяная сфера, добыча нефти, переработка нефти, экспорт, импорт.

Центральная Азия занимает немаловажное место в нефтяной сфере в мире в целом, и в рамках постсоветского пространства в частности, благодаря значительному потенциалу в рамках транспортно-логистических маршрутов, добычи и переработки нефти. Именно эти предпосылки определяют заинтересованность государственных и частных инвесторов в финансировании и продвижении проектов для извлечения прибыли и включения стран региона в свои цепочки поставок и производства.

Тем не менее, государства Центральной Азии сталкиваются с рядом проблем в развитии своего нефтяного сектора:

- три из пяти стран региона имеют крайне ограниченные мощности по переработке нефти, а две из них — и достаточно скромные ее запасы;
- географическое расположение стран значительно затрудняет выход на мировой рынок. С севера и юга они соседствуют с одними из самых крупных экспортеров нефти — Российской Федерацией и Ираном. На западе они ограничены Каспийским морем, недостаточно глубоким для обеспечения постоянных танкерных перевозок. Основные потенциальные покупатели на востоке — Китай и Индия — удовлетворяют свой спрос за счет уже действующих контрактов с центральноазиатскими странами и поставляемого из Российской Федерации сырья;
- налаживание новых и поддержание старых направлений сотрудничества в сфере нефти осложняется новыми геополитическими вызовами.

В связи с этим представляется интересным и важным охарактеризовать современное состояние нефтяной отрасли стран Центральной Азии и обозначить потенциальные основы стратегий российских компаний в данном регионе.

Достижению поставленной цели будут способствовать решение следующих задач. *Во-первых*, будут проанализированы положение нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей отраслей в государствах региона и их общая ресурсная обеспеченность. *Во-вторых*, будут обозначены нынешние собственники добывающей, перерабатывающей и транспортной инфраструктуры, которые будут представлены в трех основных вариантах: национальные, российские и иностранные владельцы. *В-третьих*, будут рассмотрены заключенные в течение последних пяти лет международные соглашения в нефтяной сфере, что позволит учесть политическую составляющую современных экономических отношений. Результаты нашего исследования будут представлены в форме характеристики современного положения нефтяной отрасли государств Центральной Азии и их классификации на основе выделенных факторов, а также наиболее перспективных направлений деятельности для компаний из РФ.

Нефтяная сфера стран Центральной Азии

Казахстан обладает наиболее развитым нефтяным сектором среди всех стран Центральной Азии, что связано с серьезным уровнем запасов (30

млрд баррелей) и добычи (1,5 млрд баррелей в день) нефти¹, превышающем показатели остальных стран региона. Нефтепереработка сосредоточена на т.н. «трех китах» – Атырауском (мощность – 5,5 млн т в год), Павлодарском (мощность – 5,3 млн т в год) и Шымкентском (мощность – 6 млрд т в год) нефтеперерабатывающих заводах. Продолжают действовать несколько десятков «мини-НПЗ», работа которых сталкивается с серьезными препятствиями в виде отсутствия значимого спроса на нефть как промежуточный продукт их переработки, повышения требований к общему качеству продукции, отсутствия государственной поддержки² и запрета на вывоз ряда нефтепродуктов автотранспортом [Совместный приказ... № 31744, 2023].

В Казахстане собственность на нефтедобывающую и нефтеперерабатывающую инфраструктуру находится преимущественно в руках национальных компаний. Все три упомянутых НПЗ принадлежат государственным корпорациям «КазМунайГаз» и «Озенмунайгаз». Среди крупных казахстанских компаний также можно выделить «Каспийнефть». Вместе с тем значительную роль играют и иностранные представители, самым видным из которых является «Тенгизшевройл», на 75 % принадлежащий американским компаниям (из них *Chevron* – 50 %, *Exxon Mobil* – 25 %). Оставшаяся часть распределена между «КазМунайГаз» (20 %) и Лукойл (5 %). В рамках принадлежности добытой в 2023 г. на территории Казахстана сырой нефти доля стран распределена следующим образом: Казахстан – 33,1 %, США – 30,9 %, Европа – 18,4 %, Китай – 11,4 %, РФ – 3,5 %, другие страны – 2,7 %³.

Казахстан обладает средним по меркам региона объемами газа, угля и гидроресурсов, однако занимает исключительное положение по запасам урана. На 2021 г. они оценивались в 815,2 т – второе место в мире после Австралии и 13 % от общемировых запасов⁴. По уровню добычи урана (21,2 т в год) Казахстан занимает первое место в мире. Несмотря на это, в стране не действует ни одной атомной электростанции, а планируемый референдум о ее сооружении откладывается уже на протяжении нескольких лет. Наиболее очевидным выбором в качестве потенциального генерального подрядчика является «Росатом». Сотрудничество с ним, являющееся для казахстанской стороны наиболее выгодным и удобным, сейчас также связано для нее с риском попадания под действие антироссийских санкций.

¹ OPEC Annual Statistical Bulletin 2022 // https://www.opec.org/opec_web/static_files_project/media/downloads/publications/ASB_2022.pdf, дата обращения 15.05.2024.

² Казахстанским НПЗ нужна государственная поддержка // <https://atameken.kz/ru/news/51851-678768>, дата обращения 15.05.2024.

³ Какие страны качают казахстанскую нефть // https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/kakie-strany-kachayut-kazahstanskuyu-neft-524601/, дата обращения 15.05.2024.

⁴ World Uranium Mining Production // <https://world-nuclear.org/information-library/nuclear-fuel-cycle/mining-of-uranium/world-uranium-mining-production>, дата обращения 15.05.2024.

Среди прочих претендентов можно выделить такие крупные нероссийские компании, такие как *Westinghouse Electric Company*, *CNNC* и др.

Все вышеперечисленное находит прямое отражение в структуре внешней торговли. На 2022 г. Казахстан является безусловным нетто-экспортером сырой (экспорт – 47,6 млрд долл., импорт – 271 тыс. долл.)⁵ и переработанной (экспорт – 2,19 млрд долл., импорт – 756 млн долл.)⁶ нефти. Положительное сальдо по обеим позициям (47,6 млрд долл. и 1,4 млрд долл. соответственно) также является самым большим в регионе. Сырая нефть составила 48,2 % от общего объема экспорта Казахстана, в то время как переработанная нефть – 2,2 %⁷. Сколь-либо заметную долю в общем казахстанском импорте занимает только переработанная нефть – 1,3 %⁸.

Основным источником закупок для Казахстана в обоих случаях является Российская Федерация – 99,5 % сырой нефти и 65,4 % переработанной нефти. В качестве главных рынков выступают Италия (для сырой нефти, 24,4 %) и Нидерланды (для переработанной нефти, 40 %). Несмотря на сохраняющуюся незначительную приоритетность европейских рынков над азиатскими, доля последних в период с 2018 г. постепенно растет в абсолютных и относительных значениях.

Активным поставкам в страны Европейского союза и в КНР способствует наличие международных нефтепроводов: «Узень – Атырау – Самара», «Казахстанско-китайский нефтепровод» и «Каспийский трубопроводный консорциум». Доли в них распределены между большим числом разных собственников, из которых выделяются компании из РФ и Великобритании:

- «Узень-Атырау-Самара» – «КазТрансОйл» (Казахстан) (казахстанский участок), «Транснефть» (РФ) (российский участок);
- «Казахстанско-китайский нефтепровод» – «КазТрансОйл» (Казахстан, 50 %), *CNPC* (КНР, 50 %)⁹;
- Каспийский трубопроводный консорциум – «Транснефть» (РФ, 24 %), «КазМунайГаз» (Казахстан, 19 %), *Chevron Caspian Pipeline Consortium Company* (США, 15 %), «Лукойл» (РФ, 12,5 %), *Mobil Caspian Pipeline Company* (США, 7,5 %), *Rosneft-Shell Caspian Venture Limited* (РФ/Великобритания, 7,5 %), «КТК Компани» (РФ, 7 %), *BG Overseas Holding Limited* (Великобритания, 2 %), *Eni International* (Италия, 2 %), *Kazakhstan*

⁵ Crude Petroleum in Kazakhstan // <https://oec.world/en/profile/bilateral-product/crude-petroleum/reporter/kaz>, дата обращения 15.05.2024.

⁶ Refined Petroleum in Kazakhstan // <https://oec.world/en/profile/bilateral-product/refined-petroleum/reporter/kaz>, дата обращения 15.05.2024.

⁷ What does Kazakhstan export? (2022) // https://oec.world/en/visualize/tree_map/hs92/export/kaz/all/show/2022, дата обращения 15.05.2024.

⁸ What does Kazakhstan import? (2022) // https://oec.world/en/visualize/tree_map/hs92/import/kaz/all/show/2022, дата обращения 15.05.2024.

⁹ О компании // <https://www.kcp.kz/company/about>, дата обращения 15.05.2024.

Pipeline Ventures LLC (Казахстан, 1,75 %), *Oryx Caspian Pipeline LLC* (Великобритания, 1,75 %) ¹⁰.

В плане зарубежного контроля нефтяной инфраструктуры Казахстана РФ, КНР и США, находятся на главенствующих позициях. Необходимо отметить, что китайская и американская стороны участвуют в процессах не только транспортировки, но и добычи (в случае Китая) и переработки (в случае США) нефти, тогда как для Российской Федерации приоритетом остаются именно нефтепроводы.

В последние годы наметилась тенденция к изменению сложившейся ситуации, примером чего может служить достижение договоренностей между «КазМунайГаз» и «Лукойл» (проект «Аль-Фараби» ¹¹ и освоение участков «Каламкас-море», «Хазар» и «Ауэзов» ¹²), а также между «КазМунайГаз» и «Татнефть» ¹³. Из всех заключенных за последние несколько лет соглашений наибольшая доля приходится на РФ (что, возможно, обусловлено в т.ч. участием обеих стран в ЕАЭС [Овчаренко, 2023]), за которой следует Великобритания и другие государства. Сотрудничество с российскими и британскими партнерами нацелено на разработку новых месторождений, тогда как с остальными странами – на транзит нефти и ее поставки.

Достаточно сильно от положения Казахстана отличается ситуация в Киргизии. Ее показатели куда менее значительные и достаточно скромные по меркам центральноазиатского региона: запасы нефти – 40 млн баррелей ¹⁴, добыча нефти – 5,5 тыс. баррелей в день ¹⁵, переработка нефти – 1,8 млн т в год. Последняя сосредоточена на Джалал-Абадском (мощность – 500 тыс. в год), Кара-Балтском (мощность – 800 тыс. т в год), Кемском (мощность – 100 тыс. т в год) и Токмокском (мощность 400 тыс. т в год) нефте-

¹⁰ Акционеры // <https://www.cpc.ru/RU/about/Pages/shareholders.aspx>, дата обращения 15.05.2024.

¹¹ ПМЭФ-21. ЛУКОЙЛ подписал договор о приобретении доли участия в проекте Аль-Фараби на шельфе Каспия // <https://neftegaz.ru/news/shelf/683356-lukoil-podpisal-dogovor-o-priobretenii-doli-v-proekte-proektu-al-farabi-na-shelfe-kaspiya/>, дата обращения 15.05.2024.

¹² Теперь официально. ЛУКОЙЛ и КазМунайГаз подписали ряд соглашений по проекту Каламкас-море, Хазар, Ауэзов на шельфе Каспия // <https://neftegaz.ru/news/partnership/769729-teper-ofitsialno-lukoil-i-kazmunaygaz-podpisali-ryad-soglasheniy-po-proektu-kalamkas-more-khazar-aeu/>, дата обращения 15.05.2024.

¹³ КазМунайГаз и Татнефть пробурят первую скважину на участке недр Каратон Подсолевой в 2024 г. // <https://neftegaz.ru/news/Geological-exploration/820102-kazmunaygaz-i-tatneft-proburyat-pervuyu-skvazhinu-na-uchastke-nedr-karaton-podsolevoy-v-2024-g/>, дата обращения 15.05.2024.

¹⁴ Объем добычи сырой нефти // <https://www.stat.kg/ru/opendata/category/86/>, дата обращения 15.05.2024.

¹⁵ Energy security // <https://www.iea.org/reports/kyrgyzstan-energy-profile/energy-security>, дата обращения 15.05.2024.

перерабатывающих заводах. Конфигурация экспорта и импорта выглядит следующим образом:

- сырая нефть: экспорт – 2 млн долл., импорт – 307 тыс. долл., сальдо – 1,7 млн долл. 16. В импорте попеременно доминируют Российская Федерация, Казахстан и Туркменистан, в экспорте основную роль играют Узбекистан (чья доля увеличивается) и Таджикистан (чья доля уменьшается);
- переработанная нефть: экспорт – 145 млн долл., импорт – 801 млн долл., сальдо – (-656) млн долл. 17. РФ играет роль основного источника импорта, экспорт же направлен в Турцию, Таджикистан, Узбекистан и Китай.

Несмотря на отсутствие больших залежей нефти, Киргизия является ее условным нетто-экспортером, но, в отличие от Казахстана, продажа нефти не является основой экспорта страны (средняя доля в объеме общего экспорта – меньше 0,1 %¹⁸). Наличие определенных мощностей для нефтепереработки не устраняет потребности страны в импортных нефтепродуктах. Киргизский импорт, как и итоговое отрицательное сальдо, является самым большим среди остальных государств Центральной Азии. Среди других энергоресурсов можно выделить уголь (31,4 т) [Бейсебаев, 2021] и гидроресурсы (142,5 млрд кВт·ч, из которых на данный момент используются только 13 %)¹⁹.

Основная часть нефтедобычи производится принадлежащий государству компанией «Кыргызнефтегаз», что не в последнюю очередь связано с действующим с 2021 г. запретом на осуществление данного вида деятельности иностранными компаниями²⁰. Иностранное участие наблюдается в таких крупных нефтедобывающих корпорациях, как «Текстоник» (100 % – *SanShan Yuan Petroleum* (КНР)) и «Южной Деррик» (70 % – *SanShan Yuan Petroleum*, 30 % – «Кыргызнефтегаз» (Киргизия). Нефтепереработка сосредоточена в руках *Kyrgyz Petroleum Company*, (контролируется «Кыргызнефтегаз») и *Zhongda China Petrol Company* (50 % – *DaDe Service Company* (КНР), 50 % – «Среднеазиатская энергетическая компания» (Киргизия)). Следовательно, в Киргизии куда большую роль играют конкретно китайские компании.

¹⁶ Crude Petroleum in Kyrgyzstan // <https://oec.world/en/profile/bilateral-product/crude-petroleum/reporter/kgz>, дата обращения 15.05.2024.

¹⁷ Refined Petroleum in Kyrgyzstan // <https://oec.world/en/profile/bilateral-product/refined-petroleum/reporter/kgz>, дата обращения 15.05.2024.

¹⁸ What does Kyrgyzstan export? (2022) // https://oec.world/en/visualize/tree_map/hs92/export/kgz/all/show/2022, дата обращения 15.05.2024.

¹⁹ Жапаров заявил, что Киргизия использует гидроэнергетический потенциал лишь на 13% // <https://tass.ru/ekonomika/17959423>, дата обращения 15.05.2024.

²⁰ Месторождения в Киргизии сможет разрабатывать только госкомпания. Запрет не коснется уже действующих лицензий иностранных компаний // <https://nangs.org/news/upstream/mestorozhdeniya-v-kirgizii-smozhet-razrabatyvaty-tolyko-goskompaniya-zapret-ne-kosnetsya-uzhe-deystvuyushtih-litsenziy-inostrannyh-kompaniy>, дата обращения 15.05.2024.

В силу уже обозначенных незначительных запасов нефти и географического расположения Киргизии по ее территории не проходят крупные нефтепроводы. Соглашения последних лет ограничились двумя договоренностями 2019 г. и 2021 г. с «Газпромом»²¹ и «Татнефтью»²² о покупке активов и модернизации оборудования. Таким образом, несмотря на данное партнерство и участие страны Евразийском экономическом союзе, взаимодействие с Российской Федерацией развивается достаточно медленно.

Таджикистан демонстрирует наиболее скромные показатели в нефтяной сфере из всех государств региона. Это касается объемов как запасов (2,2 млн баррелей)²³, так и добычи (3 тыс. баррелей в день)²⁴, и переработки нефти. Последнее обусловлено работой, за исключением ряда небольших перерабатывающих установок и «мини-НПЗ», лишь одного нефтеперерабатывающего завода в свободной экономической зоне «Дангара» (проектная мощность — 1,2 млн т в год, фактическая мощность — 500 тыс. т в год)²⁵. Это, в свою очередь, определяет структуру внешней торговли нефтью и нефтепродуктами:

- сырая нефть: экспорт — 5,5 тыс. долл., импорт — 76 тыс. долл., сальдо — (-71) тыс. долл.²⁶;
- переработанная нефть: экспорт — 420 тыс. долл., импорт — 625 млн долл., сальдо — (-624) млн долл.²⁷. На ее импорт приходится наибольшая доля от общего импорта Таджикистана — 9,5 %²⁸.

Незначительный уровень импорта сырой нефти, вероятно, вызван тем, что закупленное сырье уже полностью загружает ныне действующую перерабатывающую инфраструктуру. Это подтверждается и тем, что весь экспорт сырой нефти из Таджикистана де-факто является таковым исключительно из-за ее перевозки через территорию Киргизии и Узбекистана. Нельзя не

²¹ По аналогии с Кыргызгазом? Газпром будет участвовать в приобретении имущества и активов Кыргызнефтегаза // <https://neftegaz.ru/news/Acquisitions/193359-po-analogii-s-kyrgyzgazom-gazprom-budet-uchastvovat-v-priobretenii-imushchestva-i-aktivov-kyrgyzneft/>, дата обращения 15.05.2024.

²² Татнефть и Минэнерго Кыргызстана подписали меморандум о сотрудничестве // <https://neftegaz.ru/news/partnership/678968-tatneft-i-minenergo-kyrgyzstana-podpisali-memorandum-o-sotrudnichestve/>, дата обращения 15.05.2024.

²³ Tajikistan — Petroleum and other liquids // <https://www.eia.gov/international/data/world/petroleum-and-other-liquids/more-petroleum-and-other-liquids-data?>, дата обращения 15.05.2024.

²⁴ В Таджикистане зарегистрировано 28 месторождений нефти и газа // <https://avesta.tj/2021/02/03/v-tadzhikistane-zaregistrirvano-28-mestorozhdenij-nefti-i-gaza>, дата обращения 15.05.2024.

²⁵ Нефтяная и нефтеперерабатывающая промышленность Таджикистана // https://www.cdu.ru/tek_russia/articles/6/1028/, дата обращения 15.05.2024.

²⁶ Crude Petroleum in Tajikistan // <https://oec.world/en/profile/bilateral-product/crude-petroleum/reporter/tjk>, дата обращения 15.05.2024.

²⁷ Refined Petroleum in Tajikistan // <https://oec.world/en/profile/bilateral-product/refined-petroleum/reporter/tjk>, дата обращения 15.05.2024.

²⁸ What does Tajikistan import? (2022) // https://oec.world/en/visualize/tree_map/hs92/import/tjk/all/show/2022, дата обращения 15.05.2024.

обозначить, что в импорте и сырой, и переработанной нефти значительную, а то и доминирующую позицию занимает Российская Федерация. Энергетической безопасности государства не способствует и ограниченность иных видов энергоресурсов: так, из имеющегося серьезного объема гидроресурсов (527 млрд кВт·ч) на сегодняшний день используются лишь 4-5 %²⁹.

В Таджикистане наблюдается явный перевес в сторону иностранных компаний. С одной стороны, на единственную национальную корпорацию в лице «Таджикнефти» приходится основная часть нефтедобычи. С другой стороны, нефтепереработка завязана почти исключительно на китайских корпорациях. Значительное число иностранных (прежде всего европейских – швейцарских и французских) компаний ведут активную работу по разведке и начале разработки новых месторождений нефти:

- Нефтедобыча: «Таджикнефть» (Таджикистан, 100 %), *Petroleum Sugd* (Швейцария/Австрия – 57,4 %, «Таджикнефть» – 42,60 %), *Somon Oil* (Швейцария – 90 % Таджикистан – 10 %), *Bakhtar PSC* (Франция, КНР), *Skyland Petroleum* (КНР и другие страны Азии);

- Нефтепереработка: *TK-oil* (КНР – 90 %, Таджикистан – 10 %).

Тесное взаимодействие с Китаем прослеживается и в заключенных соглашениях. В апреле этого года была достигнута договоренность об участии *CNPC* в разведке и добыче нефти в Бохтарском проекте, где она заменила французскую *TotalEnergies*³⁰. Соответственно, *Bakhtar PSC*, в котором китайская и французская компании ранее имели равные доли, уже в большей мере управляется первой из них. Таджикистан не обладает непосредственным доступом к нефтепроводам и в своей внешней торговле, как можно увидеть, в немалой степени ориентируется на КНР.

Показатели Узбекистана находятся на уровне средних значений по Центральной Азии. Доказанные запасы узбекской нефти составляют 600 млн баррелей, а добыча – 36 млн баррелей в день (включая различные примеси)³¹. Среди других энергоресурсов можно выделить лишь не столь значительные объемы природного газа (65 трлн куб. м)³². Куда лучше обстоят дела с перерабатывающими мощностями, которые можно разделить на три основные составляющие:

²⁹ Гидроэнергетические ресурсы Таджикистана // https://www.mewr.tj/?page_id=614, дата обращения 15.05.2024.

³⁰ Специалисты *CNPC* приступили к геологоразведочным работам на юго-западе Таджикистана // <https://neftegaz.ru/news/dobycha/829192-spetsialisty-cnpc-pristupili-k-poisku-uglevodorodov-na-yugo-zapade-tadzhikistana/>, дата обращения 15.05.2024.

³¹ Uzbekistan – Petroleum and other liquids // <https://www.eia.gov/international/data/world/petroleum-and-other-liquids/more-petroleum-and-other-liquids-data?>, дата обращения 15.05.2024.

³² Uzbekistan – Natural gas // <https://www.eia.gov/international/data/world/natural-gas/dry-natural-gas-reserves?>, дата обращения 15.05.2024.

- «стандартные» нефтеперерабатывающие заводы — Алты-Арыкский (мощность — 3,2 млн т в год), Ферганский (мощность — 5,5 млн т в год) и Бухарский (мощность — 2,5 млн т в год);

- «мини-НПЗ» в г. Джаркурган и г. Чингас (мощность — около 130 тыс. т в год);

- *Uzbekistan GTL* (производство синтетических нефтепродуктов из газа, мощность — 750 тыс. т в год)³³.

По совокупности общего объема переработки и количества действующих предприятий Узбекистан находится на втором месте в Центральной Азии после Казахстана. Однако несмотря на не самые низкие показатели запасов, добычи и переработки нефти, он на протяжении последних лет занимает устойчивое положение нетто-импортера:

- сырая нефть: экспорт — 51 долл., импорт — 227 млн долл., сальдо — (-227) млн долл.³⁴. В импорте основные позиции занимают Туркменистан, Казахстан и РФ, в то время как экспорт не имеет устойчивого направления и меняется из года в год;

- переработанная нефть: экспорт — 135 млн долл., импорт — 775 млн долл., сальдо — (-640) млн долл.³⁵. Основа импорта — Российская Федерация, Туркменистан и Казахстан, основа экспорта — Эстония, Латвия, а также Турция и РФ, доля которых росла в последние годы).

Подобное положение обусловлено прежде всего достаточно серьезным спросом на нефтепродукты со стороны населения и реального сектора экономики. Оно же объясняет и то, почему Узбекистан активно закупает не только сырую, но и непосредственно переработанную нефть — даже при максимальной загрузке НПЗ собственным и импортным сырьем мощностей предприятий не хватает для покрытия существующего дефицита нефтепродуктов.

Нефтепереработкой в Узбекистане занимаются исключительно национальные компании (*Sanoat Energetika Guruhi*, «Узбекнефтегаз» и «Узгазойл» (в составе «Узбекнефтегаза»). В нефтедобыче доминирует государственная корпорация в лице «Узнефтегаздобычи» (в составе «Узбекнефтегаза») и другие узбекские представители, но в стране также действует большое число иностранных компаний и компаний с иностранным участием. Среди них можно выделить Международный консорциум инвесторов (Узбекистан, РФ, КНР и Республика Корея, доля

³³ Нефтяная промышленность Узбекистана // https://www.cdu.ru/tek_russia/articles/1/488/#:~:text=Ферганский%20НПЗ%20—%20топливно-масляного%20профиля,5%20млн%20т%20в%20год, дата обращения 15.05.2024.

³⁴ Crude Petroleum in Uzbekistan // <https://oec.world/en/profile/bilateral-product/crude-petroleum/reporter/uzb, дата обращения 15.05.2024>.

³⁵ Refined Petroleum in Uzbekistan // <https://oec.world/en/profile/bilateral-product/refined-petroleum/reporter/uzb, дата обращения 15.05.2024>.

каждой – 25 %), *Petronas Carigali Overseas* (Малайзия, 100 %), «Гисарнефтегаз» (Узбекистан, Швейцария, доля каждой – 50 %), *Kossor Operating Company* (Вьетнам, 100 %), *KNOC* (Республика Корея, 100 %), «Мингбулакнефть» (Узбекистан, КНР) и *CNPC Silk Road LLC* (Китай, 100 %). Подавляющая часть зарубежных представителей приходится на Китай и другие азиатские страны. Российские компании, хотя и присутствуют в стране, значительно им уступают.

В Узбекистане отсутствуют нефтепроводы и иная схожая инфраструктура. Вместе с тем он является наблюдателем в Евразийском экономическом союзе, а основная часть соглашений была заключена с «Газпромом», «Лукойлом» и «Татнефтью» и касалась добычи³⁶ и поставок³⁷ нефти, а также модернизации оборудования³⁸.

По запасам нефти Туркменистан также достаточно близок к среднерегionalному уровню обеспеченности запасов – 600 млн баррелей. Уровень же добычи нефти является вторым в регионе после Казахстана и составляет 196 млн баррелей в день³⁹. Среди других энергоресурсов преобладает природный газ, запасы которого также являются куда более существенными – 400 трлн куб. м⁴⁰. В стране действует только Туркменбашинский (проектная мощность – 10,5 млн т в год, фактическая мощность – 5-6 млн т в год) и Сейдинский (проектная мощность – 6 млн т в год, фактическая мощность – 1-1,5 млн т в год) нефтеперерабатывающие заводы⁴¹.

Несмотря на это, Туркменистан является нетто-экспортером не только сырой, но и переработанной нефти:

- сырая нефть: экспорт – 394 млн долл., импорт – 854 долл., сальдо – 394 млн долл. Доля в объеме общего экспорта составляет порядка 3 % (третье место среди всех экспортируемых товаров)⁴²;

³⁶ ЛУКОЙЛ и Узбекнефтегаз договорились о создании СП для проведения ГРП и добычи нефти // <https://neftegaz.ru/news/partnership/552192-lukoil-i-uzbekneftegaz-dogovorilis-ozdani-sp-dlya-provedeniya-grp-i-dobychi-nefti/>, дата обращения 15.05.2024.

³⁷ Газпром нефть поставит в Узбекистан 300 тыс. т нефти в 2023 г. // <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/777934-gazprom-neft-postavit-v-uzbekistan-300-tys-t-nefti-v-2023-g/>, дата обращения 15.05.2024.

³⁸ Татнефть может заняться модернизацией Бухарского НПЗ в Узбекистане // <https://neftegaz.ru/news/neftchim/777971-tatneft-mozhet-zanyatsya-modernizatsiyebukharskogo-npzh-uzbekistane/>, дата обращения 15.05.2024.

³⁹ Turkmenistan – Petroleum and other liquids // <https://www.eia.gov/international/data/world/petroleum-and-other-liquids/more-petroleum-and-other-liquids-data>, дата обращения 15.05.2024.

⁴⁰ Turkmenistan – Natural gas // <https://www.eia.gov/international/data/world/natural-gas/dry-natural-gas-reserves?> дата обращения 15.05.2024.

⁴¹ Нефтяная и нефтеперерабатывающая промышленность Туркмении // https://www.cdu.ru/tek_russia/articles/1/1113/, дата обращения 15.05.2024.

⁴² Crude Petroleum in Turkmenistan // <https://oec.world/en/profile/bilateral-product/crude-petroleum/reporter/tkm>, дата обращения 15.05.2024.

• переработанная нефть: экспорт — 1,28 млрд долл., импорт — 34,6 млн долл., сальдо — 1,25 млрд долл. Доля в объеме общего экспорта составляет порядка 10 % (второе место среди всех экспортируемых товаров)⁴³.

В плане направления торговли основное место занимают соседи первого и второго порядка — Азербайджан, Узбекистан, Турция и Грузия. В последние годы растет доля государств европейского региона. В туркменском экспорте здесь можно отметить сохраняющуюся заметную роль Германии в импорте нефтепродуктов Туркменистана, а именно нефтяных и битуминозных масел и дистиллятов (порядка 28 %).

Из всех государств Центральной Азии в Туркменистане нефтяной сектор национализирован в наибольшей степени. Так, оба обозначенных НПЗ контролируются «Туркменбашинским комплексом нефтеперерабатывающих заводов», принадлежащих Министерству нефтегазовой промышленности и минеральных ресурсов. В рамках нефтедобычи лидирующие позиции занимает полностью государственная «Туркменнефть». Иностранное участие существует исключительно в области добычи нефти в форме соглашений о разделе продукции (СРП), в рамках которых туркменские госкорпорации всегда имеют контрольный пакет акций. Среди иностранных компаний, действующих подобным образом, можно выделить подразделения *Eni*, *Burren Eni*, *Petronas Carigali*, австрийскую *Mitro International* и *CNPC*. Последняя является единственной зарубежной компанией, ведущей свою деятельность вне рамок СРП и осуществляющая на территории страны собственную нефтепереработку.

Туркменистан не состоит в ЕАЭС и не имеет прямого доступа к международной нефтяной инфраструктуре. За последние годы были достигнуты договоренности с РФ⁴⁴, Сингапуром, Малайзией и Азербайджаном. Также следует упомянуть о двух контрактах с компанией *Dragon Oil* из Объединенных Арабских Эмиратов о продлении уже действующего договора до 1 мая 2025 г.⁴⁵ и о начале разведки на новом участке в уже этом году⁴⁶.

⁴³ Refined Petroleum in Turkmenistan // <https://oec.world/en/profile/bilateral-product/refined-petroleum/reporter/tkm>, дата обращения 15.05.2024.

⁴⁴ Татнефть и Туркменнефть продлили сотрудничество на месторождении Готурдепе // <https://neftegaz.ru/news/partnership/652833-tatneft-i-turkmenneft-prodlili-sotrudnichestvo-na-mestorozhdenii-goturdepe/>, дата обращения 15.05.2024.

⁴⁵ Туркменистан продлил контракт с компанией ОАЭ по добыче нефти до 2035 года // <https://neftegaz.ru/news/partnership/742443-turkmenistan-prodlil-kontrakt-s-kompaniey-oea-podobyche-nefti-do-2035-goda/>, дата обращения 15.05.2024.

⁴⁶ Dragon Oil в 2024 г. приступит к разведочному бурению на блоке 19 в туркменском секторе Каспия // <https://neftegaz.ru/news/drill/817174-dragon-oil-v-2024-g-pristupit-k-razvedochnomu-bureniyu-na-bloke-19-v-turkmenskom-sektore-kaspiya/>, дата обращения 15.05.2024.

Потенциал центральноазиатских нефтяных рынков для российских компаний

Подводя итоги, состояние нефтяной сферы в странах Центральной Азии выглядит следующим образом.

Лидирующие позиции Казахстана в регионе обеспечиваются самыми большими запасами нефти, уровнем ее добычи и переработки, самым большим объемом экспорта (а также в целом его ориентацией на продажу нефти и нефтепродуктов) и прямым доступом к международным нефтепроводам. Права собственности на предприятия нефтедобычи и нефтепереработки принадлежат преимущественно казахстанским корпорациям, а также китайским и американским компаниям. Российская Федерация активно представлена в незначительном казахстанском импорте, трубопроводах и соглашениях о новых совместных проектах, а также продолжает взаимодействовать с Казахстаном по линии Евразийского экономического союза.

В Киргизии показатели запасов, добычи и переработки нефти ниже, чем в среднем по Центральной Азии. Имеющийся потенциал гидроэнергетики остается нераскрытым. Мощности по нефтедобыче находятся в руках национальных представителей, в т.ч. вследствие упомянутого ранее закона 2021 г. Нефтепереработка же в основном контролируется компаниями из КНР. Киргизия – единственное государство региона, являющееся нетто-экспортером сырой нефти и нетто-импортером переработанной нефти. Крепкие позиции РФ в стране обусловлены заключением новых договоренностей, участием в ЕАЭС и абсолютным доминированием в киргизском импорте переработанной и, в меньшей мере, сырой нефти.

Таджикистан является государством с наименее развитым нефтяным сектором вследствие фактического отсутствия собственного сырья и невозможности активного использования иных имеющихся ресурсов (гидроэнергетика). Страна является нетто-импортером как сырой, так и переработанной нефти, где основное место занимает российское топливо. Среди всех стран Центральной Азии в таджикском нефтяном секторе иностранные компании ведут наиболее активную деятельность. Нефтедобыча находится преимущественно в руках «Таджикнефти» тогда как немалое число зарубежных представителей продолжают проводить работы по разведке и началу добычи сырой нефти. Нефтепереработка же осуществляется корпорацией, почти полностью принадлежащей КНР. Таджикистан не обладает прямым доступом к международным нефтепроводам, а соглашения заключались исключительно с Китаем и Азербайджаном.

Среднерегionalный уровень обеспеченности запасов и добычи в Узбекистане сопровождаются небольшими запасами газа. Несмотря на полную

загрузку серьезных мощностей по нефтепереработке Узбекистан испытывает значительный дефицит нефтепродуктов. Основная часть предприятий находится в собственности национальных корпораций при активном присутствии иностранных компаний в нефтедобывающей области. Влияние Российской Федерации опирается на импорт сырой и переработанной нефти и новые контракты.

Туркменистан имеет куда более развитую нефтяную отрасль. Он является нетто-экспортером и сырой, и переработанной нефти, что обусловлено наличием и использованием запасов природного газа, и не столь существенной потребностью экономики в нефтепродуктах. Процессы нефтедобычи и нефтепереработки находятся под жестким контролем и регулированием со стороны государства. Среди иностранных представителей наиболее активную деятельность ведет Китай. РФ является одним из главных поставщиков нефтепродуктов в Туркменистан, а также заключила с ним ряд новых соглашений.

Показатели внешней торговли нефтью и нефтепродуктами в государствах региона выглядят следующим образом (рис. 1-4).



Рис. 1. Экспорт сырой и переработанной нефти из стран Центральной Азии

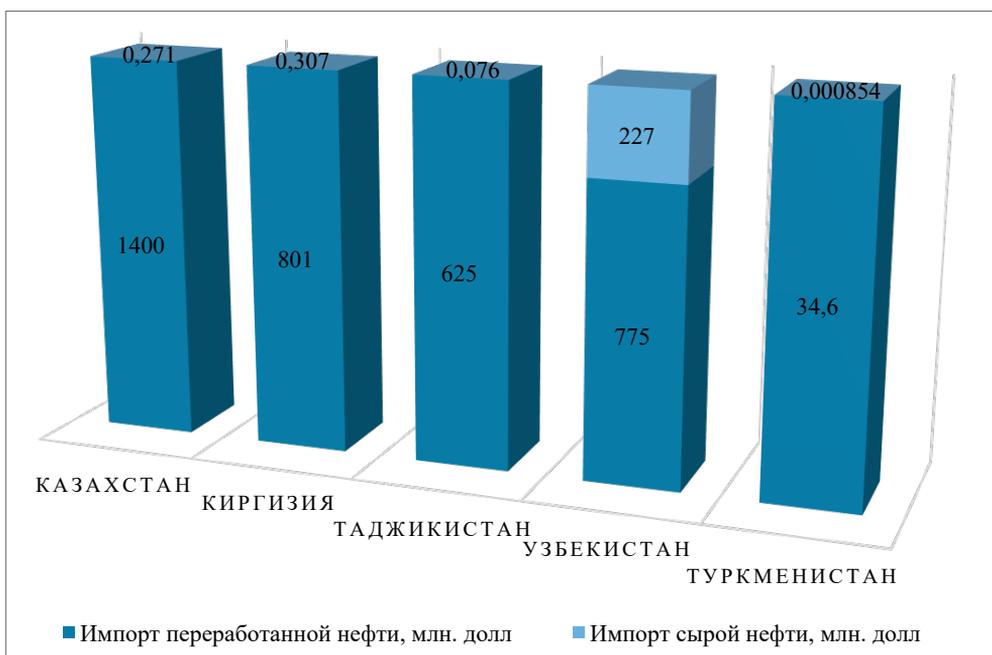


Рис. 2. Импорт сырой и переработанной нефти в страны Центральной Азии

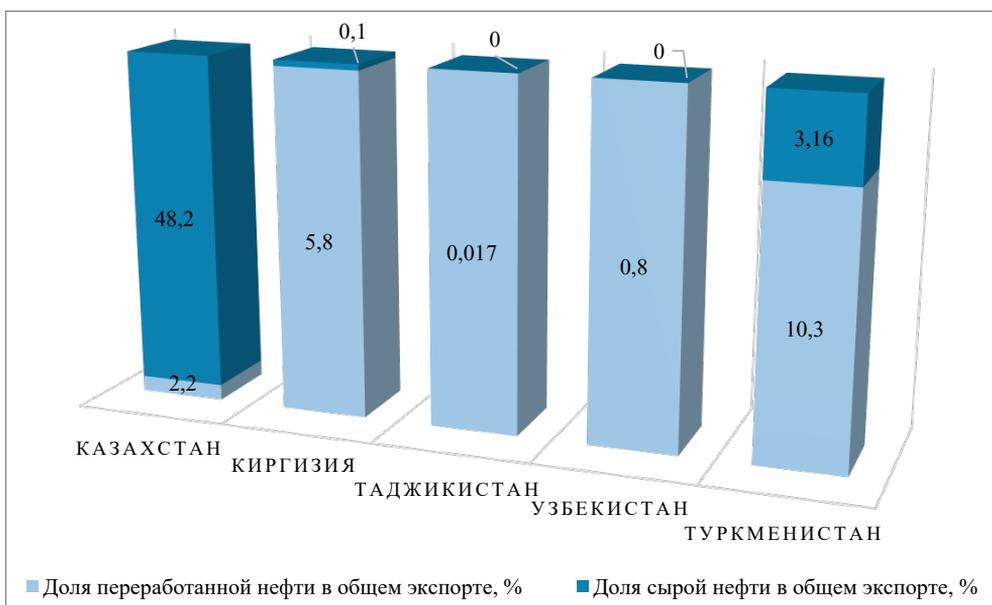


Рис. 3. Доля сырой и переработанной нефти в общем экспорте стран Центральной Азии

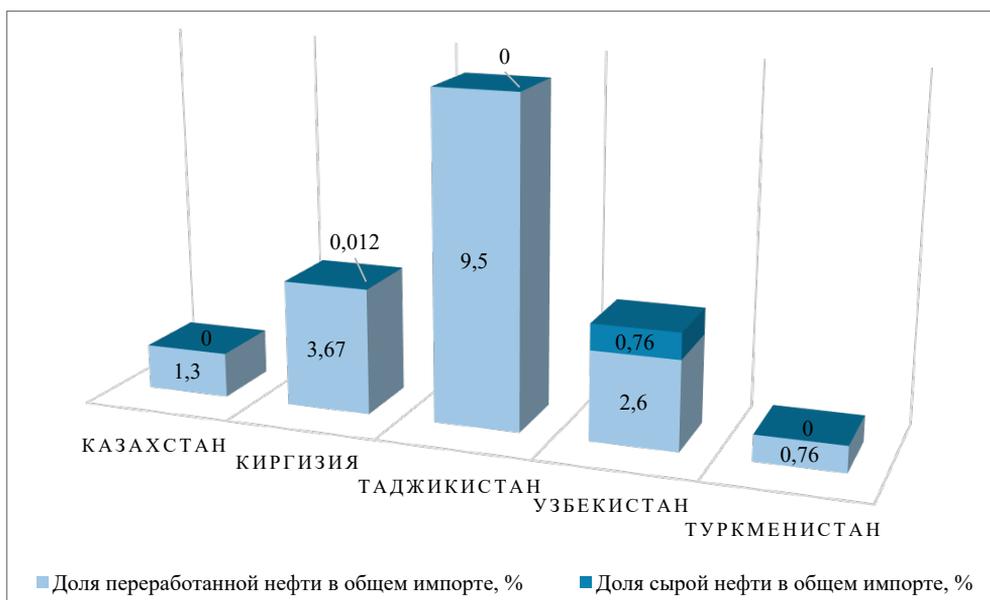


Рис. 4. Доля сырой и переработанной нефти в общем импорте стран Центральной Азии
 Источник рис. 1-4: составлено автором на основе данных *The Observatory of Economic Complexity (OEC)*

Индивидуальные комбинации факторов в каждом государстве обуславливают необходимость выработки российской стороной индивидуального подхода для каждого случая. Следовательно, необходимо обозначить, как те или иные факторы влияют на потенциальную деятельность компании из РФ (Табл.). На этой основе возможно сформулировать базовые положения стратегии российских представителей в регионе.

Влияние таких факторы, как уровень запасов и добычи нефти, а также мощности по переработке и доля госкорпораций в нефтяном секторе, могут иметь разный характер. Наличие значительных нефтяных запасов благоприятствует организации добычи и переработки «на месте», в то время как их отсутствие открывает возможности для экспорта российских ресурсов. С одной стороны, доминирование национальных корпораций серьезно затрудняет возможности для бесконфликтного проникновения на рынок страны. С другой стороны, наличие подобной степени контроля потенциально может позволить РФ продвинуть интересы своих компаний посредством контактов по политической линии. Соответственно, то, помогают или не помогают эти факторы представителям Российской Федерации целиком зависит от того, какая поставлена цель – контролировать внутренний рынок государства или его внешний экспорт.

Фактор влияния на деятельность Российской компании в Центральной Азии

Способствует деятельности	Препятствует деятельности
Отсутствие значительных запасов других энергоресурсов и/или возможностей их использования	Наличие значительных запасов других энергоресурсов и возможностей их использования
Однозначный нетто-импортер, значительная доля РФ в товарообороте нефти и/или нефтепродуктов	Нетто-экспортеры нефти и/или нефтепродуктов, минимальная доля РФ в их товарообороте
Значительная доля российских компаний в собственности на ресурсы и мощности переработки	Минимальная/отсутствующая доля российских компаний в собственности на ресурсы и мощности переработки
Участие в ЕАЭС, наличие нефтяной инфраструктуры с РФ и заключение соглашений с ней	Отсутствие взаимодействия с РФ, наличие нефтяной инфраструктуры с другими странами-экспортерами нефти и/или нефтепродуктов, отсутствие соглашений с РФ и/или они заключены со значительным числом стран

Источник: составлено автором

Выход на внутренний рынок Казахстана является малоперспективным в силу его лидирующего положения в регионе по запасам, добыче и переработке нефти. Вместе с тем больше перспектив открывается в плане усиления позиций на «внешнем векторе», т.е. установления контроля над казахстанским экспортом, чему способствуют приходящиеся на российские компании значительные доли в новых проектах и нефтепроводах на приоритетном для Казахстана европейском направлении и участие в формате Евразийского экономического союза.

Учитывая незначительную ресурсную базу Киргизии, в ее случае наиболее перспективным видится утверждение на внутрикиргизском рынке. Российская Федерация уже является основным поставщиком нефтепродуктов в страну. Потребности ее рынка можно удовлетворить как их прямыми поставками из РФ, так и посредством создания на территории государства нефтеперерабатывающих заводов, которые будут работать либо на местном, либо на российском сырье. Эти меры, однако, могут привести к столкновению с экономическими интересами КНР в Киргизии.

В Таджикистане единственным возможным вариантом для отечественных корпораций остается сохранение и, по возможности, дальнейшее расширение уже имеющегося выхода на внутренний рынок, на котором РФ занимает почти что исключительное положение. Присутствие на нем значительного числа европейских и китайских компаний, а также почти полное

отсутствие нефти и зависимость от импорта энергоресурсов обуславливают туманность иных перспектив. Потенциально они могут быть выражены в налаживании на территории страны нефтепереработки из российского сырья, что также может вызвать недовольство Китая.

Из всех стран Центральной Азии в Узбекистане, благодаря растущему спросу на энергоресурсы, скрыт для российских компаний наибольший потенциал по экспансии на внутренний рынок сырой и переработанной нефти. Она также может выражаться как в организации прямых поставок, так и в создании новой добывающей и перерабатывающей инфраструктуры на территории страны. Дополнительному продвижению интересов представителей РФ может поспособствовать вступление Узбекистана в ЕАЭС и сохранение тренда на заключение технических и торговых двусторонних контрактов.

Перспективы Туркменистана для корпораций из Российской Федерации не так широки, однако более разнообразны. Они могут рассматривать его как с точки зрения выхода на внутренний рынок, так и с точки зрения установления контроля за внешними поставками. В этом отношении Туркменистан выделяется на фоне остальных стран региона, где потенциально наиболее выгодное направление является достаточно очевидным. Двумя главными препятствиями на этом пути служат чрезвычайная степень закрытости и национализации туркменского нефтяного сектора и устойчивым положением китайских компаний.

Заключение

На сегодняшний день российские нефтяные компании не имеют значительного присутствия в нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей отраслях стран Центральной Азии. В лучшем случае они имеют не самую значительную долю в тех или иных предприятиях. Вместе с тем основу присутствия Российской Федерации на нефтяных рынках стран региона составляют поставки сырой и переработанной нефти в рамках внешней торговли, а также активизировавшийся в последние пять лет процесс заключения двусторонних соглашений. Наиболее заинтересованными представителями РФ сейчас являются «Газпром» (конкретно — «Газпромнефть»), «Лукойл» и «Татнефть».

В качестве неких общерегиональных (т.е. подходящих для рынков большинства стран региона) потенциальных шагов, то имеет смысл делать упор на создание нефтеперерабатывающих заводов на основе российского сырья, чему способствует вышеобозначенное положение РФ как одного из основных поставщиков энергоресурсов в государствах Центральной Азии. Потребности этих будущих предприятий приведут к продвижению еще одного важного элемента, а именно разработки и реализации проектов нефтепроводов и смежной транспортно-логистической инфраструктуры, которые бы рынки

стран за Российской Федерацией. В ряде случаев деятельность российских нефтяных компаний может косвенно поддерживаться представителями других отечественных отраслей, такими как «Росатом», «Газпром» и др.

В качестве завершающей части исследования следует обозначить несколько аспектов, связанных с политическим измерением. Активизация работы компаний из РФ в некоторых центральноазиатских государствах (Киргизия, Таджикистан) неизбежно приведет к столкновению с внешнеэкономическими интересами КНР, которая стремительно проникает и утверждается на их рынках. Учитывая наличие в российско-китайском экономическом взаимодействии ряда нерешенных проблем (в частности, относительно поставок российского сырья в Китай), решить возникшие в регионе конфликты в пользу Российской Федерации будет достаточно трудно. Открытым также остается вопрос о продолжении действия и потенциальном усилении санкционного давления на РФ и, соответственно вероятности отказа государств Центральной Азии от наращивания взаимодействия с ней под угрозой введения ограничений уже против них самих.

Список литературы

Совместный приказ Министра энергетики Республики Казахстан, Заместителя Премьер-Министра – Министра финансов Республики Казахстан, Министра внутренних дел Республики Казахстан и Председателя Комитета национальной безопасности Республики Казахстан № 31744 «О некоторых вопросах вывоза нефтепродуктов с территории Республики Казахстан» // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2300031744>

Бейсебаев, Р. С., 2021. Развитие угольной промышленности Кыргызстана: исторический опыт, современное состояние и пути выхода из кризиса // Вестн. Том. гос. ун-та. № 471. С. 101–108. DOI: 10.17223/15617793/471/12, дата обращения 15.05.2024.

Овчаренко, Д. В., 2023. Перспективы развития ЕАЭС в условиях противостояния России и Запада. // Проблемы постсоветского пространства. № 10(4), С. 356–364. DOI: 10.24975/2313-8920-2023-10-4-356-364

The Observatory of Economic Complexity (OEC) // <https://oec.world/en>, дата обращения 15.05.2024.

U.S. Energy Information Administration (EIA) // <https://www.eia.gov/>, дата обращения 15.05.2024.

OPEC Annual Statistical Bulletin 2022 // https://www.opec.org/opec_web/static_files_project/media/downloads/publications/ASB_2022.pdf, дата обращения 15.05.2024.

World Uranium Mining Production // <https://world-nuclear.org/information-library/nuclear-fuel-cycle/mining-of-uranium/world-uranium-mining-production>, дата обращения 15.05.2024.

ПМЭФ-21. ЛУКОЙЛ подписал договор о приобретении доли участия в проекте Аль-Фараби на шельфе Каспия // <https://neftegaz.ru/news/shelf/683356-lukoyl-podpisal-dogovor-o-priobretenii-doli-v-proekte-proektu-al-farabi-na-shelfe-kaspiya/>, дата обращения 15.05.2024.

Теперь официально. ЛУКОЙЛ и КазМунайГаз подписали ряд соглашений по проекту Каламкас-море, Хазар, Ауэзов на шельфе Каспия // <https://neftegaz.ru/news/partnership/769729-teper-ofitsialno-lukoyl-i-kazmunaygaz-podpisali-ryad-soglasheniy-po-proektu-kalamkas-more-khazar-aue/>, дата обращения 15.05.2024.

КазМунайГаз и Татнефть пробурят первую скважину на участке недр Каратон Подсолевой в 2024 г. // <https://neftegaz.ru/news/Geological-exploration/820102-kazmunaygaz-i-tatneft-proburyat-pervuyu-skvazhinu-na-uchastke-nedr-karaton-podsolevoy-v-2024-g/>, дата обращения 15.05.2024.

Energy security // <https://www.iea.org/reports/kyrgyzstan-energy-profile/energy-security>, дата обращения 15.05.2024.

Месторождения в Киргизии сможет разрабатывать только госкомпания. Запрет не коснется уже действующих лицензий иностранных компаний // <https://nangs.org/news/upstream/mestorozhdeniya-v-kirgizii-smozhet-razrabatyvaty-tolyko-goskompaniya-zapret-ne-kosnetsya-uzhe-deystvuyushtih-litsenziy-inostrannyh-kompaniy>, дата обращения 15.05.2024.

По аналогии с Кыргызгазом? Газпром будет участвовать в приобретении имущества и активов Кыргызнефтегаза // <https://neftegaz.ru/news/Acquisitions/193359-po-analogii-s-kyrgyzgazom-gazprom-budet-uchastvovat-v-priobretenii-imushchestva-i-aktivov-kyrgyzneft/>, дата обращения 15.05.2024.

Татнефть и Минэнерго Кыргызстана подписали меморандум о сотрудничестве // <https://neftegaz.ru/news/partnership/678968-tatneft-i-minenergo-kyrgyzstana-podpisali-memorandum-o-sotrudnichestve/>, дата обращения 15.05.2024.

Нефтяная и нефтеперерабатывающая промышленность Таджикистана // https://www.cdu.ru/tek_russia/articles/6/1028/, дата обращения 15.05.2024.

Специалисты СNPC приступили к геологоразведочным работам на юго-западе Таджикистана // <https://neftegaz.ru/news/dobycha/829192-spetsialisty-cnpc-pristupili-k-poisku-uglevodorodov-na-yugo-zapade-tadzhikistana/>, дата обращения 15.05.2024.

Нефтяная промышленность Узбекистана // https://www.cdu.ru/tek_russia/articles/1/488/#:~:text=Ферганский%20НПЗ%20–%20топливно-масляного%20профиля,5%20млн%20т%20в%20год, дата обращения 15.05.2024.

ЛУКОЙЛ и Узбекнефтегаз договорились о создании СП для проведения ГРП и добычи нефти // <https://neftegaz.ru/news/partnership/552192-lukoyl-i-uzbekneftegaz-dogovorilis-o-sozdanii-sp-dlya-provedeniya-grp-i-dobychi-nefti/>, дата обращения 15.05.2024.

Газпром нефть поставит в Узбекистан 300 тыс. т нефти в 2023 г. // <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/777934-gazprom-neft-postavit-v-uzbekistan-300-tys-t-nefti-v-2023-g/>, дата обращения 15.05.2024.

Татнефть может заняться модернизацией Бухарского НПЗ в Узбекистане // <https://neftegaz.ru/news/neftechim/777971-tatneft-mozhet-zanyatsya-modernizatsiey-bukharskogo-npz-v-uzbekistane/>, дата обращения 15.05.2024.

Нефтяная и нефтеперерабатывающая промышленность Туркмении // https://www.cdu.ru/tek_russia/articles/1/1113/, дата обращения 15.05.2024.

Татнефть и Туркменнефть продлили сотрудничество на месторождении Готурдепе // <https://neftegaz.ru/news/partnership/652833-tatneft-i-turkmenneft-prodlili-sotrudnichestvo-na-mestorozhdenii-goturdepe/>, дата обращения 15.05.2024.

Туркменистан продлил контракт с компанией ОАЭ по добыче нефти до 2035 года // <https://neftegaz.ru/news/partnership/742443-turkmenistan-prodlil-kontrakt-s-kompaniey-oe-podobyche-nefti-do-2035-goda/>, дата обращения 15.05.2024.

Dragon Oil в 2024 г. приступит к разведочному бурению на блоке 19 в туркменском секторе Каспия // <https://neftegaz.ru/news/drill/817174-dragon-oil-v-2024-g-pristupit-k-razvedochnomu-bureniyu-na-bloke-19-v-turkmenskom-sektore-kaspiya/>, дата обращения 15.05.2024.

VYSHEGORODTSEV Daniil D., Researcher at the Department of Economic Research of the Institute of CIS.

Address: Russian Federation, Moscow, 119180, Bolshaya Polyanka str., 7/10, build. 3.

E-mail: vyshegorostsev.dd@mail.ru

SPIN-code: 2257-4189

PROSPECTS OF CENTRAL ASIAN MARKETS FOR RUSSIAN OIL COMPANIES

DOI: 10.48137/26870703_2024_26_2_67

Received: 25.05.2024

For citation: *Vyshegorodtsev D. D.*, 2024. Prospects of Central Asian Markets for Russian Oil Companies. – *Geoeconomics of Energetics*. № 2 (26). P. 67–89. DOI: 10.48137/26870703_2024_26_2_67

Keywords: Central Asia, Russian Federation, oil sector, oil production, oil refining, export, import.

Abstract

This article is devoted to the current state of the oil sector in the Central Asian countries and an assessment of the prospects of their markets for expanding the presence of Russian companies. The author highlights the main factors that determine the current situation in the oil producing and refining industries in the region: the overall availability of energy resources in general and crude oil in particular, property rights to oil producing and refining enterprises and operating oil pipelines, as well as international agreements in this area concluded over the past five years. The article substantiates the conclusion that today the potential of the region as a transport and logistics corridor and a center for oil production and refining remains largely untapped. In this regard, for Russian companies, the greatest interest lies in measures to establish control over pipelines from countries focused on the export of oil and oil products (Kazakhstan and, to a lesser extent, Turkmenistan) and to strengthen the presence in the domestic markets of those countries that focus on importing energy resources (Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan) by creating their own transport and refinement infrastructure.

References

Joint decree of the Minister of Energy of the Republic of Kazakhstan, Deputy Prime Minister - Minister of Finance of the Republic of Kazakhstan, Minister of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan and Chairman of the National Security Committee of the Republic of Kazakhstan No. 31744 «On some issues of export of oil products

from the territory of the Republic of Kazakhstan» // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2300031744> (In Russ.)

Beisebayev R. S., 2021. Development of the coal industry of Kyrgyzstan: historical experience, current state and ways out of the crisis // Vestn. Tomsk. state University. № 471. С. 101-108. DOI:10.17223/15617793/471/12, accessed 15.05.2024 (In Russ.).

Ovcharenko D. V., 2023. Prospects for the Development of the EAEU in the Context of the Confrontation between Russia and the West. // Problems of the Post-Soviet Space. №10 (4). P. 356-364. DOI:10.24975/2313-8920-2023-10-4-356-364 (In Russ.).

The Observatory of Economic Complexity (OEC) // <https://oec.world/en>, accessed 15.05.2024 (In Eng.).

U.S. Energy Information Administration (EIA) // <https://www.eia.gov/>, accessed 15.05.2024 (In Eng.).

OPEC Annual Statistical Bulletin 2022 // https://www.opec.org/opec_web/static_files_project/media/downloads/publications/ASB_2022.pdf, accessed 15.05.2024 (In Eng.).

World Uranium Mining Production // <https://world-nuclear.org/information-library/nuclear-fuel-cycle/mining-of-uranium/world-uranium-mining-production>, accessed 15.05.2024 (In Eng.).

SPIEF-21. LUKOIL signed an agreement to acquire a stake in the Al-Farabi project on the Caspian shelf // <https://neftegaz.ru/news/shelf/683356-lukoil-podpisal-dogovor-o-priobretnenii-doli-v-proekte-proektu-al-farabi-na-shelfe-kaspiya/>, accessed 15.05.2024 (In Russ.).

Now it's official. LUKOIL and KazMunayGas signed a number of agreements on the Kalamkas-more, Khazar, Auezov project on the Caspian shelf // <https://neftegaz.ru/news/partnership/769729-teper-ofitsialno-lukoil-i-kazmunaygaz-podpisali-ryad-soglasheniy-po-proektu-kalamkas-more-khazar-aue/>, accessed 15.05.2024 (In Russ.).

KazMunayGas and Tatneft to drill first well at Karaton Podsolevaya subsoil site in 2024 // <https://neftegaz.ru/news/Geological-exploration/820102-kazmunaygaz-i-tatneft-proburyat-pervuyu-skvazhinu-na-uchastke-nedr-karaton-podsolevoy-v-2024-g/>, accessed 15.05.2024 (In Russ.).

Energy security // <https://www.iea.org/reports/kyrgyzstan-energy-profile/energy-security>, accessed 15.05.2024 (In Eng.).

Only a state-owned company will be able to develop deposits in Kyrgyzstan. The ban will not affect existing licenses of foreign companies // <https://nangs.org/news/upstream/mestorozhdeniya-v-kirgizii-smozhet-razrabatyvaty-tolyko-goskompaniya-zapret-ne-kosnetsya-uzhe-deystvuyushtih-litsenziy-inostrannyh-kompaniy>, accessed 15.05.2024 (In Russ.).

Similarly to Kyrgyzgaz? Gazprom will participate in the acquisition of property and assets of Kyrgyzneftegaz // <https://neftegaz.ru/news/Acquisitions/193359-po-analogii-s-kyrgyzgazom-gazprom-budet-uchastvovat-v-priobretnenii-imushchestva-i-aktivov-kyrgyzneft/>, accessed on 15.05.2024 (In Russ.).

Tatneft and the Ministry of Energy of Kyrgyzstan signed a memorandum of cooperation // <https://neftegaz.ru/news/partnership/678968-tatneft-i-minenergo-kyrgyzstana-podpisali-memorandum-o-sotrudnichestve/>, accessed on 15.05.2024 (In Russ.).

Oil and oil refining industry of Tajikistan // https://www.cdu.ru/tek_russia/articles/6/1028/, accessed 15.05.2024 (In Russ.).

CNPC specialists have begun geological exploration work in the southwest of Tajikistan // <https://neftegaz.ru/news/dobycha/829192-spetsialisty-cnpc-pristupili-k-poisku-uglevodorodov-na-yugo-zapade-tadzhikistana/>, accessed 15.05.2024 (In Russ.).

Oil industry of Uzbekistan // https://www.cdu.ru/tek_russia/articles/1/488/#:~:text=Ferganskiy%20NPZ%20–%20fuel%20oil%20profile,5%20million%20tons%20per%20year, accessed 15.05.2024 (In Russ.).

LUKOIL and Uzbekneftegaz agreed to create a joint venture for exploration and oil production // <https://neftegaz.ru/news/partnership/552192-lukoil-i-uzbekneftegaz-dogovorilis-o-sozdanii-sp-dlya-provedeniya-grr-i-dobychi-nefti/>, accessed 15.05.2024 (In Russ.).

Gazprom Neft to supply 300 thousand tons of oil to Uzbekistan in 2023 // <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/777934-gazprom-neft-postavit-v-uzbekistan-300-tys-t-nefti-v-2023-g/>, accessed 15.05.2024 (In Russ.).

Tatneft may modernize the Bukhara Oil Refinery in Uzbekistan // <https://neftegaz.ru/news/neftechim/777971-tatneft-mozhet-zanyatsya-modernizatsiey-bukharskogo-npz-v-uzbekistane/>, accessed 15.05.2024 (In Russ.).

Oil and oil refining industry of Turkmenistan // https://www.cdu.ru/tek_russia/articles/1/1113/, accessed 15.05.2024 (In Russ.).

Tatneft and Turkmenneft extended cooperation at the Goturdepe field // <https://neftegaz.ru/news/partnership/652833-tatneft-i-turkmenneft-prodlili-sotrudnichestvo-na-mestorozhdenii-goturdepe/>, accessed 15.05.2024 (In Russ.).

Turkmenistan extended contract with UAE company for oil production until 2035 // <https://neftegaz.ru/news/partnership/742443-turkmenistan-prodlil-kontrakt-s-kompaniy-oae-po-dobyche-nefti-do-2035-goda/>, accessed 15.05.2024 (In Russ.).

Dragon Oil to start exploratory drilling on block 19 in the Turkmen sector of the Caspian Sea in 2024 // <https://neftegaz.ru/news/drill/817174-dragon-oil-v-2024-g-pristupit-k-razvedochnomu-burenyu-na-bloke-19-v-turkmenskom-sektore-kaspiya/>, accessed 15.05.2024 (In Russ.).

Виктор ПРОКОФЬЕВ

ПРОБЛЕМЫ РОСТА АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ В КИТАЕ

Дата поступления в редакцию: 05.03.2024.

Для цитирования: Прокофьев В. А., 2024. Проблемы роста альтернативных источников энергии в Китае. – Геоэкономика энергетики. № 2 (26). С. 90–105. DOI: 10.48137/26870703_2024_26_2_90

Статья посвящена анализу проблем альтернативной энергетики Китая. Обеспечение экономического роста достигается стабильными и достаточными поставками энергии на нужды промышленности. Геополитическая напряженность порождает развитие национальных энергоресурсов, и прежде всего возобновляемых источников, развитие которых имеет ряд проблем. Детальное изучение 14-го пятилетнего плана (2021–2025) в области энергетики позволило выявить проблемы на пути достижения энергетических целей Китая. *Во-первых*, главной проблемой альтернативной генерации является высокий уровень «потерь», т. е. необходимость балансировки производства энергии с ее потреблением. Неравномерность производства энергии в течение дня, недостаток аккумуляторов большой мощности, а также линий высокого напряжения для передачи энергии усугубляют данную проблему. *Во-вторых*, борьба за земельные площади порождает конкуренцию с сельским хозяйством, строительным и промышленным секторами. *В-третьих*, проблемой альтернативной энергетики являются ее недостаточная эффективность (характеризуемая соотношением производства энергии и установленной мощности, а также плотностью энергии), которая порождает сокращение субсидий и замещение ВИЭ источников на развитие более эффективных, но менее разработанных в настоящее время запасов нетрадиционного газа на территории Китая. Проблема сокращения субсидий отчасти решается внедрением зеленого финансирования, а также финансированием со стороны фондов (АБИИ, Фонд шелкового пути, НБР), которое позволяет реализовывать проекты распределенной генерации путем привлечения средств инвесторов, а также поддерживать

ПРОКОФЬЕВ Виктор Анатольевич, аспирант кафедры мировой экономики ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова». Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 117997, Стремянный пер., 36. Email: ghjr12@mail.ru. SPIN-код: 1430-7719.

Ключевые слова: мировая энергетика, альтернативная энергетика, Китай, 14-й пятилетний план (2021–2025), проблемы роста, уровень потерь, конкуренция, зеленое финансирование.

перспективные технологии производства энергии. Большой частью недостатки касаются ВИЭ, так что Китай активно развивает прочие направления — атомную генерацию, производство водорода, оптимизирует энергетические потоки между внутренними регионами.

Введение

Переход Китая на экологически чистую энергию имеет большое значение в глобальной борьбе с изменением климата, учитывая, что страна является крупнейшим в мире источником выбросов парниковых газов. Аналитики опасаются, что в связи с замедлением темпа роста возобновляемых источников энергии и ростом использования ископаемого топлива выбросы в Китае могут продолжить свой рост до 2030 г., что станет значительным препятствием в достижении целей, обозначенных в Парижском соглашении по климату. Энергетические компании Китая в настоящее время стремятся предотвратить замедление темпа роста энергетического сектора Китая путем увеличения производства энергии на основе «новых источников энергии» [CNPC 2020 Annual Report, 2020]¹.

Энергетические планы Китая преследуют цель повышения «стабильности и безопасности» цепочек поставок энергии. В частности, это требует увеличения «возможностей поставок» нефти и газа. Китай в значительной степени зависит от импорта того и другого, поэтому в стране развиваются нетрадиционные запасы природного газа. В 14-м пятилетнем плане (14 FYP 2021–2025) подчеркивается роль угля в «обеспечении основных потребностей в энергии» и подчеркивается важность угольной энергетики для поддержки энергосистемы и гибкого обеспечения пиковых потребностей, помогающих увеличить долю возобновляемых источников энергии в энергосистеме [14 FYP of China, 2021]. Климатическое обязательство Китая (его «определяемый на национальном уровне вклад», или NDC) нацелено на создание 1200 ГВт мощностей ветровой и солнечной энергии к 2030 г., а также на то, чтобы к 2030 г. 30 % потребления энергии покрывалось за счет неископаемых видов топлива.

По мнению Кевина Ту, научного сотрудника Центра глобальной энергетической политики Колумбийского университета, «на фоне продолжающейся торговой войны между США и Китаем и замедления китайской экономики политический приоритет изменения климата в Китае вряд ли останется высоким в ближайшем будущем, что указывает на большие трудности для Пекина в достижении его климатических амбиций» [Tu, 2020].

Аналитические отчеты международных организаций (МЭА, BP, IRENA, GEM Project) послужили базами данных для исследования; структурный анализ и анализ временных рядов позволили рассчитать темпы роста по-

¹ CNPC 2020 Annual Report // <https://www.cnpc.com.cn/en/2020enbvfgme/202107/efc277d0f55e4dab8a1c386e3bbdc0a2/files/f997ca7553ee45ac84539061437f0885.pdf>, дата обращения 14.01.2024.

казателей, исследовать динамику за ряд лет; анализ статей и монографий авторов (западных – *Tu K., Standaert M.*; китайских – *Luo O., Bo Y., Lia W., Li J.* и российских – Бобылев С. Н., Захаров А. Н., Каламкарлова А. А, Булискерия Г. Н.) по проблемам, перспективам и особенностям развития альтернативной энергетики в Китае, что позволило выделить проблемы развития альтернативной энергетики Китая.

Энергопотребление растет за счет угля и ВИЭ

Мировое потребление первичных источников энергии (не прошедших технологическую переработку) в 2022 г. превысило 600 ЭДж (604 ЭДж) [BP Statistical report, 2023]. Потребление Китая составило 159 ЭДж, что составляет 26 % мирового потребления и 57 % потребления Азии. Китай опередил по потреблению США в 2011 г. и вышел на первое место в мире (рис. 1). За 2011–2021 гг. Китай увеличил потребление на 3,4 %, или 45 ЭДж (1071 млн т. н. э.* при коэффициенте пересчета 42 ЭДж = 1 млрд т. н. э.).

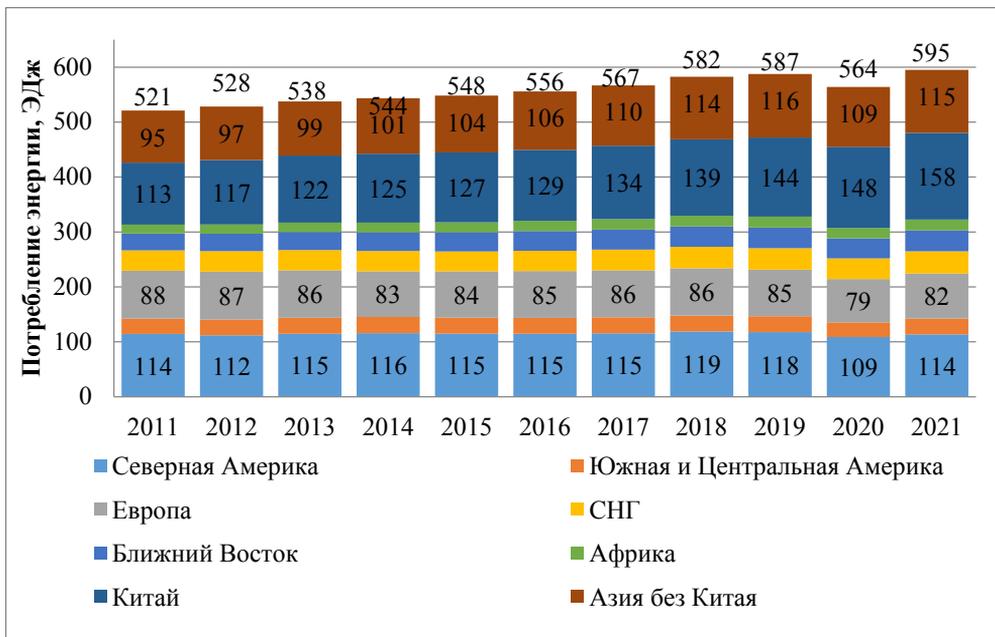


Рис. 1. Потребление первичных источников энергии за 2011–2021 гг., ЭДж

Источник: BP Statistical Review of World Energy 2022

* Т. н. э. – тонна нефтяного эквивалента, единая мера измерения производства и потребления энергетических ресурсов при коэффициенте пересчета 23,8 ЭДж = 1 млрд т. н. э.

Китай увеличивает свое потребление энергии, при этом добыча нефти за 10 лет не изменилась и составляет 200 млн т в год, или 9 ЭДж* (при этом потребление нефти выросло с 20 до 28 ЭДж), добыча природного газа выросла в 2,5 раза, с 111 млрд до 209 млрд куб. м, или на 3,5 ЭДж, до 7 ЭДж (потребление выросло до 14 ЭДж), угля – с 3945 до 4126 млн т, или 83 ЭДж (потребление выросло до 88 ЭДж), т. е. Китай импортирует до 70 % нефти, 50 % природного газа и 7 % угля.

В целях снижения зависимости от импорта ископаемых энергоресурсов (от логистических рисков) Китай активно развивает альтернативную энергетику (АЭ, ВИЭ, атомную генерацию, гидрогенерацию, часть новых источников энергии – водород). За 2011–2021 гг. потребление ВИЭ выросло в 8,5 раза, атомной энергии – в 4 раза, темп роста потребления гидравлической энергии сопоставим с темпом роста потребления нефти – 1,5 раза. Суммарно потребление выросло на 37 % и составило 158 ЭДж (рис. 2). Важно отметить, что, несмотря на значительные инвестиции в строительство ВИЭ мощностей, АЭС и ГЭС (суммарные инвестиции достигли 546 млрд долл.), уголь остается основным источником и составляет 55 % суммарного энергопотребления Китая. Стоит отметить, что доля угля снизилась с 68 % в 2011 г. до 55 % в 2021 г., однако абсолютное потребление угля выросло на 7 ЭДж, потребление природного газа выросло на 9 ЭДж, нефти – на 11 ЭДж, что сопоставимо с ростом потребления энергии на основе ВИЭ.

Потребление энергии рек и атомной генерации выросло на 3–4 ЭДж, что обусловлено природно-географическим фактором (возможность установки ГЭС ограничена рельефом местности, несмотря на наличие тысячи малых ГЭС, основную выработку обеспечивает ГЭС «Три ущелья»; относительно атомной генерации – ограниченные запасы урана, а также мощности по конверсии и обогащению сдерживают быстрый рост потребления).

Согласно прогнозам МЭА (2019 г.), потребление ВИЭ в Китае вырастет до 12 ЭДж к 2030 г. (при консервативном сценарии *STEPS*) и до 15 ЭДж (в базовом сценарии *APS*). При этом в 2021 г. потребление ВИЭ составило 11 ЭДж [*IEA. World Energy Outlook, 2022*]. Использование ВИЭ в Китае – это действенный способ реализации низкоуглеродной трансформации энергетической системы. Как уже было отмечено, в *14 FYP* Китай обозначил две цели: первая состоит в увеличении доли неископаемых источников энергии для производства электроэнергии до 39 % от общего объема производства электроэнергии к 2025 г.; вторая предусматривает, что к 2025 г. 30 % конечного энергопотребления будет приходиться на электроэнергию [*14 FYP of China, 2021; 14 FYP on Renewable Energy, 2022*].

* При коэффициенте пересчета 1 ЭДж = 0,025 млрд т. н. э. = 0,020 млрд т. у. э., 1 млн т. н. э. = 1,163 млрд куб. м.

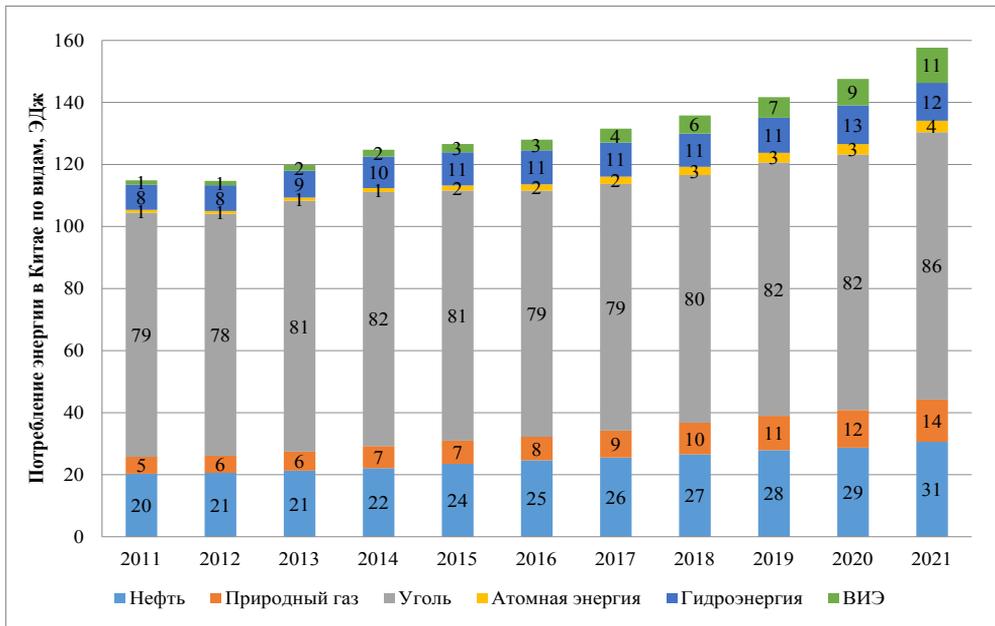


Рис. 2. Потребление первичной энергии в Китае по видам за 2011–2021 гг., ЭДж*

Источник: ВР. Statistical reports 2011–2022

На конец 2021 г. одобренной государством торговой ассоциацией Китайским энергетическим советом (СЕС) было произведено из неископаемых источников 34,6 % от общего объема производства электроэнергии в стране [Yiyang, 2022]. А в июне 2023 г. неископаемые источники энергии в Китае превысили 50 % от общей установленной мощности по выработке электроэнергии, фактически достигнув цели на 2025 г. – на два года раньше².

Проблемы и недостатки роста потребления АЭ

В Китае достаточно ресурсов, готовых для крупномасштабного роста возобновляемой энергии с планируемой мощностью ветровой и солнечной энергии 6000 и 35 000 ГВт соответственно (при КПД около 25 %), но есть ряд проблем, сдерживающих рост ВИЭ как одного из основных сегментов альтернативной энергетики в Китае.

² China’s installed non-fossil fuel electricity capacity exceeds 50% of total // <https://www.reuters.com/business/energy/chinas-installed-non-fossil-fuel-electricity-capacity-exceeds-50-total-2023-06-12/>, дата обращения 05.01.2024.

* До 2018 г. потребление публиковалось в нефтяном эквиваленте. Коэффициент пересчета 1 млрд т. н. э. = 42 ЭДж.

Во-первых, ВИЭ характеризуются высоким уровнем потерь энергии и в целом отсутствием гибкости реагирования на изменение спроса; *во-вторых*, проекты ВИЭ сталкиваются с низкой плотностью выработки, что создает проблему землепользования — пока земли изымаются из сельскохозяйственного оборота или не предоставляются вовсе под объекты строительства; *в-третьих*, проекты строительства генерации на основе ВИЭ, атомной энергии и водорода конкурируют за государственные субсидии с объектами добычи нетрадиционной нефти и газа.

Основной проблемой, по мнению экспертов [Bo, Bao-hua, Fei-ling, 2015: 437–443], является высокий уровень потерь (в англоязычной литературе — *curtailment*) при производстве энергии на основе ВИЭ или количества энергии, которая вырабатывается, но не покупается, поскольку не может быть поглощена электросетью. Уровень потерь в Китае сократился с 17 % в 2016 г. до 10 % в 2022 г. Высокие уровни потерь использования солнечной энергии в провинциях Ганьсу и Синьцзян, а также в Тибете привели к тому, что Национальное энергетическое агентство Китая приостановило утверждение новых солнечных проектов в этих регионах. По данным Национальной платформы раннего предупреждения и мониторинга потребления новой энергии, ситуация с потреблением энергии, подключенной к сети, показывает, что с января по апрель 2022 г. уровни потерь энергии ветра и солнца увеличились в некоторых районах, например в Мэнси потери энергии ветра составляют 11,8 %, а потери энергии солнца в Цинхае — 10,1 %³.

Кроме того, аналитики аналитического центра *Trivium China* обращают внимание на повышение гибкости энергетической системы, которая позволит увеличить инвестиции в низкоуглеродную энергетику и снизить нагрузку на существующие источники энергии. Энергия, вырабатываемая западными провинциями (энергоизбыточными), должна быть доставлена в восточные (энергодефицитные) по линиям сверхвысокого напряжения (СВН), которые «неравномерно распределены по территории страны и их (линий) недостаточно для удовлетворения текущих потребностей».

Еще одна проблема заключается в том, что проекты возобновляемых источников энергии сталкиваются с ограничениями на землепользование, которые защищают сельскохозяйственные, промышленные и городские земли в таких провинциях, как Гуандун в Южном Китае, экономической локации страны, говорит Джонатан Луан Донг, аналитик по возобновляемым источникам энергии в *Bloomberg New Energy Finance*. Хотя в 2019 г. в провинции Гуандун планировалось запустить несколько несубсидируемых проектов по возобновляемым источникам энергии, на самом деле, похоже, лишь немногие из них продвигаются вперед [Lia, Wang, Gao et al., 2022].

³ China's Curtailments go up as Renewables Growth Explodes // <https://www.solarpaces.org/chinas-curtailments-go-up-as-renewables-growth-explodes/>, дата обращения 25.02.2024.

Кроме того, возобновляемые источники энергии имеют конкуренцию со стороны новых источников энергии (*new energy sources*). Новые источники объединяют ВИЭ и нетрадиционные, сложнодобываемые, запасы нефти и газа (например, сланцевый газ или метан угольных пластов). Новые источники энергии имеют право на субсидии от Министерства промышленности и информационных технологий КНР (*МИИТ*). Согласно недавнему отчету государственной *China Energy News*, в 2018 г. на субсидирование таких проектов было направлено примерно 830 млн долл. — более 80 % фонда новой энергетики *МИИТ*. Продолжая финансировать проекты нетрадиционного газа, Китай в настоящее время в значительной степени прекратил предоставление субсидий на национальном уровне ветровым и солнечным проектам и проводит реформы своей системы льготных тарифов. Кроме того, установление тарифов на энергию производится путем проведения аукционов, на которых ветровая и солнечная энергия должны конкурировать напрямую с ископаемым топливом. По показателю выработка/установленная мощность электростанции на возобновляемых источниках уступают тепловым электростанциям в два раза, атомным — в 5 раз. В связи с этим фактором Министерство финансов с 2019 г. прекратило предоставление субсидий на строительство новых электростанций на основе ВИЭ.

Сокращение финансирования и отмена льготных тарифов привели к замедлению вновь вводимой ежегодной энергетической мощности на основе ветра и солнца (например, ввод солнечных панелей составил 53 ГВт в 2017 г., в 2019 г. — более 11 ГВт, в 2022–2025 гг. будет установлено ежегодно порядка 25 ГВт солнечной энергии), что не приведет к резкому сокращению использования ископаемого топлива.

Некоторые аналитики по возобновляемым источникам энергии утверждают, что Китай мог бы ежегодно устанавливать до 100 ГВт солнечной энергии [*Li, Huang, 2020; Бобылев, Барабошкина, Джу, 2020: 75–80*] — в четыре раза больше текущего уровня, если бы возобновляемым источникам энергии, в том числе инициативам в области солнечной фотоэлектрической энергии, уделялось более высокое внимание. Китай пока сохраняет квоту в 3 ГВт для солнечных батарей на крышах жилых домов, что равнозначно предоставлению субсидий примерно 600 тыс. домохозяйств на установку солнечных панелей.

Усугубляет ситуацию замедление темпов экономического роста Китая и соответственно его инвестиций. Согласно анализу МЭА на основе данных *Oxford Economics* (2022 г.) и МВФ (2022 г.), темпы роста ВВП Китая замедляются: если в 2010–2020 гг. среднегодовой темп роста составлял 6,8 %, то в 2021–2030 гг. ВВП вырастет на 4,7 %, в 2031–2050 гг. — на 2,8 % ежегодно. С одной стороны, это свидетельствует о насыщении рынков и замедление темпов роста приведет к сокращению потребления энергии и техническому достижению целей Парижского соглашения о климате, с другой стороны,

замедление экономики Китая приведет к стагнации мировой экономики, развитие новых технологий попадает под угрозу, поскольку оценки утверждают, что 1%-ный рост ВВП сопровождается 0,1%-ным ростом инвестиций в НИОКР, при этом, согласно структуре МЭА, энергетические исследования составляют до 60 % всех расходов на НИОКР Китая.

Энергетические планы Китая и институты развития

В марте 2021 г. во время крупного ежегодного макроэкономического совещания Национальная комиссия по развитию и реформам опубликовала План национального экономического и социального развития, детали которого подчеркивают балансирующее действие Китая на мировые рынки. С одной стороны, он ослабляет ограничения на уголь, указывая на некоторую гибкость в отношении целевых показателей энергопотребления и энергоемкости, установленных в макроэкономическом пятилетнем плане на 2021 г., и призывает к эксплуатации внутренних ресурсов угля, нефти и газа [Каламкарова, Булискерия, Оздоева, 2022: 126–131]. С другой стороны, Китай продолжает делать упор на сокращение выбросов, ядерную энергетику, механизмы ценообразования льготных тарифов и усовершенствованные механизмы ценообразования на ветровую и солнечную энергию для ускорения более широких усилий по реформированию национального энергетического рынка.

В Китае планируется крупнейшая в мире атомная программа: новые проекты добавят более 120 ГВт ядерной мощности в *STEPS* (сценарии развития мировой энергетики МЭА) и 160 ГВт в *APS*, помимо 50 ГВт, действующих сегодня. В дополнение к установлению новых целей в планах выделяются следующие ключевые действия по совершенствованию энергосистемы:

1) увеличение производства солнечной и ветровой энергии на богатом возобновляемыми источниками западе Китая и распределенное производство для местного потребления вдоль восточного побережья — зонирование территории для оптимального использования местных ресурсов;

2) расширение использования офшорной ветрогенерации;

3) развитие технологий аккумулирования энергии, в т. ч. на больших гидроузлах;

4) оптимизация размещения возобновляемых источников энергии в регионах и внедрение новых технологий и бизнес-моделей;

5) интеграция центров возобновляемых источников энергии и микросетей в сельские районы для борьбы с бедностью и возрождения сельских районов.

Властям Китая предстоит большая работа по достижению указанных целей, вместе с тем полноценные программы развития с указанием курирующих министерств, компаний-участников, сроков и бюджетов финанси-

рования не приводятся в открытом доступе, что затрудняет анализ. Национальный банк Китая (НБК) приступил к разработке зеленой таксономии позже США и ЕС, однако текущий рынок зеленых инвестиций Китая сопоставим по размерам с рынком ЕС. В основном это зеленые кредиты, используемые для строительства объектов на основе ВИЭ в регионах, удаленных от централизованных сетей, а также для продвижения перспективных технологий в качестве венчурного финансирования.

Рынок зеленых облигаций Китая в настоящее время является вторым по величине в мире после США. По состоянию на 31 декабря 2021 г. в Китае насчитывалось 1643 зеленых облигаций с общим балансом 1727 млрд юаней (270 млрд долл.), зеленый кредит составляет 15,1 трлн юаней (2,37 трлн долл.) [Green Bond Endorsed Projects Catalogue, 2021]. Для достижения углеродного пика страны к 2030 г. и цели углеродной нейтральности к 2060 г., по оценкам, потребуется 3–4 трлн юаней (450–570 млрд долл.) зеленых инвестиций ежегодно.

Рынок зеленого финансирования Китая имеет хороший потенциал роста. Например, в 2020 г. зеленые облигации занимали менее 1 % общего рынка облигаций Китая.

Углеродный рынок Китая охватил более 2225 компаний, эксплуатирующих уголь и газ, большинство из которых являются государственными предприятиями. Вместе эти компании ответственны за около половины выбросов Китая, связанных с энергетикой. На 31 декабря 2021 г. общий оборот углеродного рынка составил 7,66 млрд юаней (1,21 млрд долл.), а объем торгов составил 179 млн т. Средняя цена квоты на выбросы углерода на рынке составила 42,85 юаней (6,43 долл.) за тонну CO_2 при уровне соблюдения 99,5 % [Wu, 2022].

В КНР действуют пилотные зоны зеленого финансирования, которые являются частью усилий страны по созданию надежной зеленой финансовой системы. Первый набор пилотных зон зеленого финансирования был запущен в Чжэцзяне, Цзянси, Гуандуне, Гуйчжоу и Синьцзяне в июне 2017 г. Китай добавил в список Ланьчжоу в декабре 2019 г. Ключевыми целями пилотных зон являются повышение роль зеленого финансирования во внутренних финансовых учреждениях, продвижение зеленого кредитования / зеленого страхования / зеленых облигаций, изучение возможности создания рынков экологических прав и разработка механизмов контроля рисков зеленого финансирования. В планах Китая – дальнейшее расширение и развитие региональных пилотных зон зеленого финансирования, таких как район Большого залива (*Greater Bay Area*) и дельта реки Янцзы (*Yangtze River Delta*).

В ноябре 2021 г. НБК ввел механизм сокращения выбросов углекислого газа (*CERF*), позволяющий коммерческим и розничным банкам занимать 60 % отвечающих критериям зеленых кредитов у НБК по процентной став-

ке 1,75 % со сроком погашения один год и возможностью продления срока пользования. Учитывая, что обычная основная ставка по кредиту НБК приближается к 4 %, механизм сокращения выбросов углекислого газа является значительным преимуществом для зеленой экономики. НБК выделил первую партию средств на сумму 85,5 млрд юаней (13,42 млрд долл.) через механизм в поддержку выдачи финансовыми учреждениями кредитов на сокращение выбросов углекислого газа на общую сумму 142,5 млрд юаней (21,4 млрд долл.). По оценкам НБК, кредиты помогут более чем 2000 компаниям сократить выбросы углекислого газа примерно на 29 млн т.

Коммерческие проекты имеют право на поддержку со стороны международных организаций, участником которых является Китай (Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Фонд Шелкового пути, Новый банк развития и др.). Например, *Chongho Bridge Management Limited* для поддержки своего бизнеса по распределенной генерации солнечной энергии на крышах в сельской местности Китая, увеличения общей установленной мощности в 100 МВт к концу 2023 года и 500 МВт в 2025 году получила финансирование на 50 млн долл. от АБИИ⁴.

Заключение

Поддержка Китаем экологически чистых энергетических технологий отражает не только соображения экологической и промышленной стратегии, но и желание уменьшить растущую зависимость страны от импортного топлива.

Энергетический сектор Китая по-прежнему зависит от ископаемого топлива, обеспечивающего большую долю первичной энергии, уголь является крупнейшим источником энергии для Китая. Противодействие рискам, связанным с нестабильностью международных энергетических рынков (ценовой конъюнктурой, логистическими рисками), означает удвоение усилий по разработке и внедрению чистых технологий, на данный момент это также означает более активный переход на местный бурый уголь.

Альтернативная энергетика (основанная на ВИЭ, атомной генерации, водороде) связана с рядом проблем, сдерживающих их полномасштабное масштабирование.

Во-первых, возобновляемые источники как основа АЭ характеризуются отсутствием гибкости, т. е. получение энергии на основе ВИЭ нельзя прекратить/запустить одномоментно. Особенно острая проблема состоит в максимально эффективном использовании энергии, т. е. снижении уровня потерь энергии (отсутствии необходимого спроса энергии в момент вы-

⁴ Asian bank of infrastructure investments // <https://www.aiib.org/en/projects/details/2023/approved/China-Chongho-Bridge-Green-Facility.html>, дата обращения 15.01.2024.

работки). Задача повышения эффективности использования ВИЭ путем сокращения уровня потерь усугубляется недостатком каналов передачи электроэнергии (линий высокого напряжения), а также малым количеством аккумуляторов небольшой мощности.

Во-вторых, низкая эффективность солнечных панелей и ветроустановок, компенсируемая увеличением количества электростанций, приводит к изъятию земельных наделов под строительство объектов ВИЭ генерации. В настоящий момент в Китае установлен физический порог количества станций, запрещающий строительство новых, т. е. коммерческим операторам остается единственная возможность повышения эффективности действующих станций.

Наконец, с ВИЭ конкурируют другие источники энергии, прежде всего объекты нетрадиционного природного газа, которые подлежат субсидированию из государственных фондов, т. е. наблюдается межвидовая конкуренция за субсидии.

Решению указанных проблем альтернативной энергетики способствует продвижение зеленого финансирования, т. е. привлечение средств частных инвесторов. Более того, частный сектор Китая является мировым инвестором в солнечную энергетику, береговую и морскую ветроэнергетику, гидроэнергетику и атомную энергетику.

Список литературы

Бобылев С. Н., Барабошкина А. В., Джу С., 2020. Приоритеты низкоуглеродного развития для Китая // Государственное управление: Электрон. вестн. № 82. С. 71–75. DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10095.

Захаров А. Н., Карпова А. А., 2022. Развитие альтернативной энергетики в России с учетом китайского опыта // Российский внешнеэкономический вестник. № 5. С. 34–45. DOI: 10.24412/2072-8042-2022-5-34-45.

Захаров А. Н., Рахимзода М. А., 2022. Развитие альтернативной энергетики в Венгрии с учетом зарубежного опыта (на примере Китая) // Деловой журнал Neftegaz.RU. № 8 (128). С. 76–80.

Каламкарлова А. А., Булискерия Г. Н., Оздоева А. Х., 2022. Альтернативная энергетика – диверсификация энергетических рисков или новые вызовы мировому сообществу? // Нефтяное хозяйство. № 9. С. 126–131.

Bo Y., Bao-hua W., Fei-ling S., 2015. The problems facing renewable energy use in rural China. // Energy & Environment, Vol. 26, No. 3. Pp. 437–443.

Li J., Huang J., 2020. The expansion of China's solar energy: Challenges and policy options // Renewable and Sustainable Energy Reviews. Vol. 132. 110002. DOI: 10.1016/j.rser.2020.110002.

Lia W., Wang B., Gao T. et al., 2022. Coordinated Development of Renewable Energy: Empirical Evidence from China // Sustainability. № 14 (18). 11122. DOI: 10.3390/su141811122.

Luo E., 2019. China solar installations to slow as subsidy cuts bite: executive // <https://www.reuters.com/article/us-china-solar/china-solar-installations-to-slow-as-subsidy-cuts-bite-executive-idUSKCN1VR08R>, дата обращения 11.01.2024.

Standaert M., 2019. Why China's Renewable Energy Transition Is Losing Momentum. Yale Environment 360 // <https://e360.yale.edu/features/why-chinas-renewable-energy-transition-is-losing-momentum>, дата обращения 11.01.2024.

Tu K., 2020. China's Global Climate Boost // <https://www.chinausfocus.com/energy-environment/chinas-global-climate-boost>, дата обращения 14.01.2024.

Wu Yi., 2022. China's Green Finance Market: Policies, Incentives, Investment Opportunities // <https://www.china-briefing.com/news/chinas-green-finance-market-policies-incentives-investment-opportunities/#:~:text=China's%20green%20finance%20policies%20promote,low%2Dcarbon%20and%20sustainable%20future,> дата обращения 11.01.2024.

Yiyi F., 2022. China Sets Higher Non-Fossil Power Goals in New Energy Plan // <https://www.sixthtone.com/news/1009971>, дата обращения 06.01.2024.

Asian bank of infrastructure investments // <https://www.aiib.org/en/projects/details/2023/approved/China-Chongho-Bridge-Green-Facility.html>, дата обращения 15.01.2024.

BP Statistical Review of World Energy 2022 // <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf>, дата обращения 10.02.2024.

BP Statistical Review of World Energy 2023 https://www.energyinst.org/__data/assets/pdf_file/0004/1055542/EI_Stat_Review_PDF_single_3.pdf, дата обращения 10.01.2024.

China's 14th Five-Year Plans on Renewable Energy Development and Modern Energy System, 2022 // <https://www.efchina.org/Blog-en/blog-20220905-en>, дата обращения 10.01.2024.

China's Curtailments go up as Renewables Growth Explodes // <https://www.solarpaces.org/chinas-curtailments-go-up-as-renewables-growth-explodes/>, дата обращения 25.02.2024.

China's installed non-fossil fuel electricity capacity exceeds 50% of total // <https://www.reuters.com/business/energy/chinas-installed-non-fossil-fuel-electricity-capacity-exceeds-50-total-2023-06-12/>, дата обращения 05.01.2024.

CNPC 2020 Annual Report // <https://www.cnpc.com.cn/en/2020enbvfgme/202107/efc277d0f55e4dab8a1c386e3bbdc0a2/files/f997ca7553ee45ac84539061437f0885.pdf>, дата обращения 14.01.2024.

IEA. World Energy Outlook, 2022 // <https://iea.blob.core.windows.net/assets/830fe099-5530-48f2-a7c1-11f35d510983/WorldEnergyOutlook2022.pdf>, дата обращения 06.01.2024.

NRDC. Modern energy. 14 FYP of China <https://www.ndrc.gov.cn/xwdt/tzgg/202206/P020220602315650388122.pdf>, дата обращения: 08.01.2024.

NRDC. Modern energy. 14 FYP of China <https://www.ndrc.gov.cn/xwdt/tzgg/202206/P020220602315650388122.pdf>, дата обращения: 08.01.2024.

People's Bank of China. Green Bond Endorsed Projects Catalogue (2021 Edition) // <http://www.pbc.gov.cn/goutongjiaoliu/113456/113469/4342400/2021091617180089879.pdf>, дата обращения 15.01.2024.

PROKOF'EV Viktor A., postgraduate of World Economy Department,
Plekhanov Russian university of Economics

Address: 36, Stremyanny lane, Moscow, 117997, Russian Federation

Email: ghjr12@mail.ru

SPIN-code: 1430-7719

PROBLEMS OF GROWTH OF ALTERNATIVE ENERGY SOURCES IN CHINA

DOI: 10.48137/26870703_2024_26_2_90

Received: 05.03.2024.

For citation: *Prokof'ev V. A.*, 2024. Problems of growth of alternative energy sources in China. – *Geoeconomics of Energetics*. № 2 (26). P. 90–105. DOI: 10.48137/26870703_2024_26_2_90

Keywords: world energy, alternative energy, China, 14th Five-Year Plan (2021-2025), growth problems, curtailment, competition, green financing.

Abstract

The article is devoted to the analysis of the problems of alternative energy in China. Ensuring economic growth is achieved by stable and sufficient supplies of energy to the needs of industry. Geopolitical tensions give rise to the development of national energy resources and, above all, renewable energy sources, development of which has a number of issues. A detailed examination of the 14th Five-Year (2021–2025) Energy Plan revealed challenges to China's energy goals. Firstly, the main issue of alternative generation is the high level of «losses», i.e. the need to balance energy production with its consumption. The unevenness of energy production throughout the day, the lack of high-power batteries, as well as high-voltage lines for energy transmission, heighten this problem. Secondly, the struggle for land gives rise to competition with agriculture, construction and industrial sectors. Thirdly, alternative energy generation faces the problem of its insufficient efficiency (characterized by the ratio of energy production/installed capacity, as well as energy density), which leads to reduction in subsidies and the replacement of renewable energy sources with more efficient, but currently less developed reserves of unconventional gas in China. The problem of subsidies is partly solved by the introduction of «green» financing as well as financing from special funds (AIIB, Silk Road Fund, NDB), that allows the implementation of distributed generation projects by attracting investor funds, as well as supporting promising energy production technologies. Most of the shortcomings relate to renewable energy sources, so China is actively developing other areas – nuclear generation, hydrogen production, and optimizing energy flows between inner regions.

References

- Bobylev S. N., Baraboshkina A. V., Ju S.*, 2020. Low-carbon development priorities for China. // Public administration. Electronic bulletin. No. 82. Pp. 71–75. DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10095. (In Russ.)
- Zakharov A. N., Karpova A. A.*, 2022. The development of alternative energy in Russia, taking into account the Chinese experience // Russian Foreign Economic Bulletin. No. 5. Pp. 34–45. DOI: 10.24412/2072-8042-2022-5-34-45. (In Russ.)
- Zakharov A. N., Rakhimzoda M. A.*, 2022. The development of alternative energy in Hungary, taking into account foreign experience (using the example of China) // Business Magazine Neftegaz.RU. No. 8 (128). Pp. 76–80. (In Russ.)
- Kalamkarova A. A., Bulskeriya G. N., Ozdoeva A. H.*, 2022. Alternative energy – diversification of energy risks or new challenges to the global community? // Oil industry. No. 9. Pp. 126–131. (In Russ.)
- Bo Y., Bao-hua W., Fei-ling S.*, 2015. The problems facing renewable energy use in rural China // Energy & Environment, Vol. 26. No. 3. Pp. 437–443. (In Eng.)
- Li J., Huang J.*, 2020. The expansion of China’s solar energy: Challenges and policy options // Renewable and Sustainable Energy Reviews. Vol. 132. 110002. DOI: 10.1016/j.rser.2020.110002. (In Eng.)
- Lia W., Wang B., Gao T. et al.*, 2022. Coordinated Development of Renewable Energy: Empirical Evidence from China // Sustainability. No. 14 (18). 11122. DOI: 10.3390/su141811122. (In Eng.)
- Luo E.*, 2019. China solar installations to slow as subsidy cuts bite: executive // <https://www.reuters.com/article/us-china-solar/china-solar-installations-to-slow-as-subsidy-cuts-bite-executive-idUSKCN1VR08R>, accessed 11.01.2024. (In Eng.)
- Standaert M.*, 2019. Why China’s Renewable Energy Transition Is Losing Momentum. Yale Environment 360 // <https://e360.yale.edu/features/why-chinas-renewable-energy-transition-is-losing-momentum>, accessed 11.01.2024. (In Eng.)
- Tu K.*, 2020. China’s Global Climate Boost // <https://www.chinausfocus.com/energy-environment/chinas-global-climate-boost>, accessed 14.01.2024. (In Eng.)
- Wu Yi.*, 2022. China’s Green Finance Market: Policies, Incentives, Investment Opportunities // <https://www.china-briefing.com/news/chinas-green-finance-market-policies-incentives-investment-opportunities/#:~:text=China’s%20green%20finance%20policies%20promote,low%2Dcarbon%20and%20sustainable%20future>, accessed 11.01.2024. (In Eng.)
- Yiyi F.*, 2022. China Sets Higher Non-Fossil Power Goals in New Energy Plan // <https://www.sixthtone.com/news/1009971>, accessed 06.01.2024. (In Eng.)
- Asian bank of infrastructure investments // <https://www.aiib.org/en/projects/details/2023/approved/China-Chongho-Bridge-Green-Facility.html>, accessed 15.01.2024. (In Eng.)

BP Statistical Review of World Energy 2022 // <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf>, accessed 10.02.2024. (In Eng.)

BP Statistical Review of World Energy 2023 https://www.energyinst.org/___data/assets/pdf_file/0004/1055542/EI_Stat_Review_PDF_single_3.pdf, accessed 10.01.2024. (In Eng.)

China's 14th Five-Year Plans on Renewable Energy Development and Modern Energy System, 2022 // <https://www.efchina.org/Blog-en/blog-20220905-en>, accessed 10.01.2024. (In Eng.)

China's Curtailments go up as Renewables Growth Explodes // <https://www.solarpaces.org/chinas-curtailments-go-up-as-renewables-growth-explodes/>, accessed 25.02.2024. (In Eng.)

China's installed non-fossil fuel electricity capacity exceeds 50% of total // <https://www.reuters.com/business/energy/chinas-installed-non-fossil-fuel-electricity-capacity-exceeds-50-total-2023-06-12/>, accessed 05.01.2024. (In Eng.)

CNPC 2020 Annual Report // <https://www.cnpc.com.cn/en/2020enbvfgme/202107/efc277d0f55e4dab8a1c386e3bbdc0a2/files/f997ca7553ee45ac84539061437f0885.pdf>, accessed 14.01.2024. (In Eng.)

IEA. World Energy Outlook, 2022 // <https://iea.blob.core.windows.net/assets/830fe099-5530-48f2-a7c1-11f35d510983/WorldEnergyOutlook2022.pdf>, accessed 06.01.2024. (In Eng.)

NRDC. Modern energy. 14 FYP of China <https://www.ndrc.gov.cn/xwdt/tzgg/202206/P020220602315650388122.pdf>, accessed 08.01.2024. (In Chinese)

NRDC. Modern energy. 14 FYP of China // <https://www.ndrc.gov.cn/xwdt/tzgg/202206/P020220602315650388122.pdf>, accessed: 08.01.2024. (In Eng.)

People's Bank of China. Green Bond Endorsed Projects Catalogue (2021 Edition) // <http://www.pbc.gov.cn/goutongjiaoliu/113456/113469/4342400/2021091617180089879.pdf>, accessed 15.01.2024. (In Eng.)

Александр СИМОНОВ

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ (НЕ)ЗАВИСИМОСТЬ И СТРАНОВАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ГЛОБАЛЬНОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

Дата поступления в редакцию: 08.05.2024

Для цитирования: *Симонов А. Г.*, 2024. Энергетическая (не)зависимость и страновая специализация как фактор глобальной конкурентоспособности. – Геоэкономика энергетики. № 2 (26). С. 106–137. DOI: 10.48137/26870703_2024_26_2_106

В статье представлены промежуточные итоги комплексного исследования взаимосвязи глобальной конкурентоспособности стран в зависимости от особенностей их энергетических систем и специализации в рамках международного разделения труда. Логически структура статьи разбита на три части. В первой предпринимается попытка оценить уровень энергетической зависимости крупнейших стран и динамику его изменения, выдвигаются гипотезы относительно причин возникновения ролей на мировом энергетическом рынке и их дальнейшего изменения. Вторая часть посвящена изучению природы роста национальных экономик в первой четверти XXI в. и его взаимосвязи с промышленным развитием и специализацией на отдельных видах продукции, в том числе на топливных товарах и энергоемких товарах обрабатывающей промышленности. В заключительной, третьей части картина мировой торговли энергетическими и энергоемкими товарами рассматривается детально по товарным группам, а в отдельных случаях – и по товарным позициям.

СИМОНОВ Александр Геннадьевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений РУДН. **Адрес:** Российская Федерация, г. Москва, 117198, ул. Миклухо-Маклая, 6. **E-mail:** simonov-ag@rudn.ru. **SPIN-код:** 3285-8930. **ORCID:** 0000-0002-8497-9564.

Ключевые слова: глобальная конкурентоспособность, энергетическая зависимость, энергетическая безопасность, энергоресурсы, энергоемкие товары, экономический рост, международная торговля, эффект кнута, глобальные цепочки создания стоимости (ГЦСС), нефтепереработка, энергетическое оборудование, модель развития энергетики.

Статья завершается сводом выводов и прогностических тезисов как по наиболее значимым товарным группам, так и по субъектам мировой экономики.

Перед тем как переходить к анализу взаимосвязи энергетической зависимости и специализации на производстве тех или иных товаров, имеет смысл обратиться к сформировавшимся моделям национальных энергетических систем. В отличие от цен, которые могут ежесекундно колебаться в ходе биржевых торгов (как в результате изменяющихся обстоятельств, так и вследствие новых, зачастую негласных, договоренностей участников рынка), энергетическая инфраструктура развивается в совершенно ином масштабе времени [Мастепанов, 2022]. Даже смена собственников крупных энергетических активов или банкротство ТНК едва ли оказывают существенное влияние на общий механизм и особенности функционирования энергетики национального и глобального уровня [Пусенкова, 2022], так как это не затрагивает экономические стимулы и механизмы, приведшие к становлению существующих моделей использования ресурсов, осуществлению производственной деятельности, особенностям конечного распределения и потребления товаров и услуг [Симонов, 2012].

Сформировавшиеся глобальные цепочки создания стоимости (ГЦСС), реализующиеся на базе энергетической инфраструктуры, а также смежных распределительных сетей (электросети, трубопроводы, дорожная и портовая инфраструктура) и производственных комплексов (нефте- и газохимия, электрогенерация, металлургия), представляют собой достаточно устойчивые структурные элементы мировой экономической системы. Во многом это обусловлено тем, что выстраивание ГЦСС происходит на базе и параллельно развитию инфраструктурных комплексов, а инвестиции в энергетическую инфраструктуру зависят от перспектив ее использования, то есть обслуживания ГЦСС [Карнова и др., 2014].

Таким образом, развитие системы ГЦСС и формирование энергетической инфраструктуры – это процессы, объединенные причинно-следственными взаимосвязями (в какой-то степени здесь уместна аналогия проблемы курицы и яйца). Расширение инфраструктурных мощностей создает благоприятную почву для цепочек создания стоимости (ЦСС), а укрепление и рост ЦСС подразумевают запрос на инфраструктуру и расширение/масштабирование имеющихся инфраструктурных мощностей [Волгина, 2020].

Трансформация, а тем более деконструкция ЦСС может быть вызвана только изменением баланса выгод и издержек для субъектов мировой экономики. В некоторых случаях на текущем этапе развития мировой экономики в региональном масштабе политически обусловленные санкции могут оказывать значительное влияние в краткосрочном периоде.

Если вынести за скобки политический фактор, то в долгосрочном периоде основным и, вероятно, единственным фактором, влияющим на изменение системы ГЦСС, а также на развитие энергетической инфраструктуры, является технологическое развитие. В среднесрочном периоде развитие и изменение ГЦСС может быть обусловлено трансформацией инфраструктуры, которая, в свою очередь, являясь капиталоемким экономическим благом (причем во многом общественным), зависит от инвестиционных потоков. В этом контексте развитие энергетической инфраструктуры уместно рассматривать как оптимальное капиталовложение через призму доступных на момент принятия инвестиционного решения технико-технологических решений и ожидаемых товарных, а значит, и денежных потоков. И только в краткосрочном периоде цены обращающихся в мировой экономике товаров и услуг являются переменной, влияющей на принятие экономических решений в энергетике, при этом в краткосрочном периоде данные решения носят во многом бинарный характер (использовать ли имеющиеся мощности добычи/транспортировки/переработки/трансформации или нет).

Следует подчеркнуть, что расширение транспортно-логистических возможностей несколько увеличило (в силу технологического развития и соответствующих инвестиций) гибкость реализации ГЦСС*. Однако по состоянию на 2024 г. абсолютное большинство объектов энергетической инфраструктуры являются стационарными (месторождения, трубопроводы, хранилища, перерабатывающие заводы, крупные потребители, электростанции, ЛЭП).

Несмотря на развитие транспортных возможностей, стационарный характер энергетических объектов и их технико-технологическая комплектность** приводят к возникновению достаточно стабильных паттернов в мировой экономике: специализация стран, пропорции потребления ресурсов и объема выпускаемой продукции обладают значительной инерцией [Телегина, Халова, 2022]. Именно наличие данной инерции повышает в наших глазах теоретическое и практическое значение выделяющихся из общей картины изменений пропорций производства/переработки/потребления энергетических ресурсов и энергоемких товаров. Особенно это касается крупных экономических систем: для них резкие изменения относительных показателей не могут быть объяснены эффектом низкой базы, который часто имеет место в случае малых стран.

* Например, танкер СПГ, в отличие от трубопровода, значительно увеличивает вариативность стратегий поставщика при реализации природного газа на спотовых рынках, однако этот вид транспорта также имеет привязку к параметрам маршрута — ледовой обстановке, глубине фарватера и, самое главное, наличию инфраструктуры для погрузки/разгрузки.

** Промышленные энергетические объекты в основном спроектированы под конкретные условия, определяемые параметрами смежных объектов, а также характеристиками назначаемых к использованию топлива/сырья.

Учитывая вышесказанное, для анализа объективных процессов в глобальной энергетике могут быть использованы показатели макроэкономического уровня. Наибольшее внимание должно быть уделено как относительно стабильным трендам (наличие экономических закономерностей), так и резко выделяющимся из общей картины (сигналы новых тенденций или новые, более эффективные способы ведения хозяйства).

В качестве агрегированного энергетического показателя наиболее высокого уровня, характеризующего широкий спектр параметров участия страны в мировой экономике и изменения национального хозяйства*, можно использовать показатель энергетической зависимости – отношение чистого импорта энергоносителей к величине валовых поставок первичной энергии. Прямо данный показатель отражает импорт и экспорт энергоносителей, валовые поставки первичной энергии, а косвенно учитывает энергетическую эффективность национальной экономики и ее энергетической модели, международную специализацию и конкурентоспособность, изменение объема и модели производства и потребления энергии**. Значение данного показателя и динамика его изменения агрегированным образом отражают следующие процессы, явления и эффекты:

1) конкурентоспособность и специализацию страны в энергетике:

- возможности страны приобретать энергоресурсы на мировом рынке и эффективно их использовать в рамках национальной экономики (в случае положительного значения);

- возможности страны производить энергоресурсов больше, чем необходимо для внутреннего потребления (в случае отрицательного значения);

2) усиление, сохранение или изменение страной своей специализации как качественно, так и количественно:

- углубление международного разделения труда и интенсификацию национальной специализации (в случае увеличения абсолютного значения можно говорить об увеличении роли страны либо как мирового поставщика энергии при положительном значении, либо как потребителя при отрицательном);

- сохранение прежней экономико-энергетической модели в рамках глобальной экономики (при относительно стабильном во времени значении показателя);

- изменение или потенциальное изменение международной специализации (при изменении знака показателя или при снижении его абсолютного значения).

* Специализация, степень вовлеченности, энергетическая конкурентоспособность и др.

** Может отдаленно отражать демографические и социально-экономические тренды, изменение деловой активности и инвестиционного климата, объем и интенсивность использования природных ресурсов.

Результаты расчетов этого показателя на основе базы данных МЭА представлены в таблице 1. Большее значение показателя означает большую энергетическую зависимость, при этом отрицательное значение говорит о том, что страна является нетто-экспортером энергоносителей (для удобства восприятия список упорядочен в порядке убывания значения показателя за 2021 г.). На страны, включенные в таблицу, приходится 2/3 населения планеты, 3/4 глобального ВВП и 4/5 валовых первичных поставок энергии мира.

Таблица 1

**Уровень зависимости некоторых стран и регионов от импорта энергоресурсов, %
(данные приведены в порядке возрастания показателя за 2021 г.)**

Страны/регионы	Годы									
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Норвегия	-535	-597	-719	-648	-627	-597	-596	-649	-647	-675
Австралия	-166	-186	-198	-206	-206	-212	-227	-233	-228	-222
Колумбия	-227	-241	-216	-204	-253	-232	-187	-196	-151	-152
Ближний Восток	-162	-147	-151	-166	-155	-159	-144	-135	-133	Н/Д
Индонезия	-119	-108	-98	-97	-93	-93	-94	-86	-90	Н/Д
Канада	-65	-66	-68	-69	-72	-75	-76	-80	-86	-88
Россия	-49	-48	-51	-52	-52	-52	-54	-50	-46	Н/Д
Африка	-48	-40	-41	-36	-40	-41	-39	-30	-30	Н/Д
ЮАР	-19	-13	-18	-14	-15	-17	-19	-19	-14	Н/Д
Страны вне ОЭСР	-19	-16	-17	-17	-15	-14	-12	-9	-8	Н/Д
США	14	12	12	12	8	4	-1	-4	-4	-7
Бразилия	16	14	9	3	1	-1	-4	-11	-4	-7
Египет	1	8	13	19	14	5	0	5	5	Н/Д
Аргентина	14	14	14	12	13	9	3	1	6	2
Члены ОЭСР	26	23	23	24	22	20	18	14	14	14
Мексика	-11	-8	-1	5	12	17	18	11	16	18
Китай	17	18	17	19	20	22	22	23	22	Н/Д
Страны вне ОЭСР Азии (кроме Китая)	18	19	19	21	23	23	24	25	23	Н/Д
Израиль	84	77	77	69	74	68	71	43	29	25
Индия	34	37	37	37	37	38	39	37	34	Н/Д
Украина	27	26	32	30	37	35	37	34	35	Н/Д
Великобритания	51	50	40	38	38	39	37	28	39	40
Польша	27	30	30	31	39	44	46	43	41	46
Франция	50	48	48	49	51	49	50	46	46	54
Таиланд	43	44	48	47	50	53	51	53	56	Н/Д

Продолжение таблицы 1 на следующей странице

Продолжение таблицы 1

Страны/регионы	Годы									
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Германия	65	64	64	66	67	66	70	65	66	72
Нидерланды	29	38	60	56	62	72	78	82	70	101
Турция	77	79	80	77	79	76	72	71	72	74
Италия	79	78	80	80	81	81	82	77	77	84
Корея	89	87	87	87	88	90	88	85	85	85
Япония	96	96	95	94	93	91	91	90	89	90
Сингапур	270	256	259	260	262	271	254	245	237	Н/Д

Источник: рассчитано по базе данных МЭА, <https://www.iea.org/data-and-statistics/data-tools/energy-statistics-data-browser>, Н/Д – «нет данных»

Динамика показателя энергетической зависимости позволяет отметить следующее.

- Национальные энергетические модели характеризуются большим разнообразием и широким разбросом показателей энергозависимости.

- Относительно развитые страны – члены ОЭСР в среднем обладают большей энергозависимостью от импортных источников (14 %), чем развивающиеся, которые в среднем являются нетто-экспортерами (–8 %).

- Показатели внутри групп развитых и развивающихся стран имеют широкий разброс, поэтому использование данной классификации в рамках проблематики настоящего исследования представляется малопродуктивным: существуют развитые страны, являющиеся крупными глобальными поставщиками энергии (например, США и Норвегия), а также развивающиеся, в значительной степени зависящие от импорта (например, Индия и Китай).

- Экономико-энергетическая модель стран Ближнего Востока имеет явную экспортную ориентацию, однако относительный объем экспорта энергоносителей демонстрирует тенденцию к умеренному снижению. Аналогичная ситуация наблюдается в Колумбии.

- Австралия и Норвегия нарастили относительный чистый экспорт энергии.

- Бразилия и США за последнее десятилетие из нетто-потребителей превратились в нетто-поставщиков.

- Мексика является единственной крупной страной, которая из мирового поставщика перестроила свою специализацию и стала нетто-импортером.

- Энергетическая модель России характеризуется относительной стабильностью (последнее десятилетие Россия экспортирует около половины от объема внутренних поставок энергии).

- Большинство крупных европейских и азиатских экономик сохраняют стабильную зависимость от импорта энергоносителей, но эта зависимость варьируется от незначительной до практически полной (Египет ~5 %, Китай ~20 %, Украина ~33 %, Индия ~36 %, Таиланд ~50 %, Франция ~50 %, Германия ~70 %, Республика Корея ~75 %, Турция ~75 %, Италия ~80 %, Япония ~90 %).

- Странами, чья энергетическая зависимость возросла, в основном являются европейские государства (например, Нидерланды и Польша).

- Из стран – нетто-импортеров, которым удалось существенно снизить зависимость от мирового энергетического рынка, можно отметить Израиль и Аргентину. Также, но в меньшей степени это относится к Соединенному Королевству.

На основании перечисленных наблюдений, а также учитывая свойства энергетических систем и связанных с ними ГЦСС, можно предположить следующее.

Разнообразие ролей стран как участников мирового энергетического рынка сохранится. Национальные экономико-энергетические системы продолжают развиваться в направлениях, обеспечивающих субъективно наивысший уровень глобальной конкурентоспособности.

Значение показателя энергетической зависимости не следует рассматривать как признак экономического развития. Наличие природных ресурсов и развитых энергетических технологий и инфраструктуры в большей степени определяют роль стран в мировой энергетике.

Как развитые, так и развивающиеся страны стремятся воспользоваться возможностями мирового энергетического рынка: некоторые развитые страны с релевантными производственными факторами хорошо себя чувствуют в роли глобальных поставщиков, в то же время развивающиеся страны с развитым промышленным сектором благополучно импортируют энергоносители для своих хозяйственных, в т. ч. производственных, нужд.

Страны Ближнего Востока, вероятно, стараются снизить экономическую зависимость от экспорта энергоресурсов, но этот процесс будет длительным. В национальном и региональном масштабе это может потребовать существенной перестройки их экономических моделей, а в глобальном приведет к сокращению предложения и может вызвать два эффекта – рост цен, а также повышение энергетической эффективности зависимых экономик или поиск ими новых источников поставок.

Некоторые развитые страны (в первую очередь Австралия, Норвегия, США) являются крупными бенефициарами мирового энергетического рынка, они будут продолжать как увеличивать величину добавленной стоимости своей продукции, так и расширять охват рынка сбыта.

Изменение мирового экономического порядка создает новые возможности для потенциальных экспортеров энергоносителей (как за счет сниже-

ния долей традиционных поставщиков, так и за счет возникновения новых ниш). Если США и Бразилия уже изменили свою роль на мировом энергетическом рынке, то у целого ряда стран есть для этого все предпосылки.

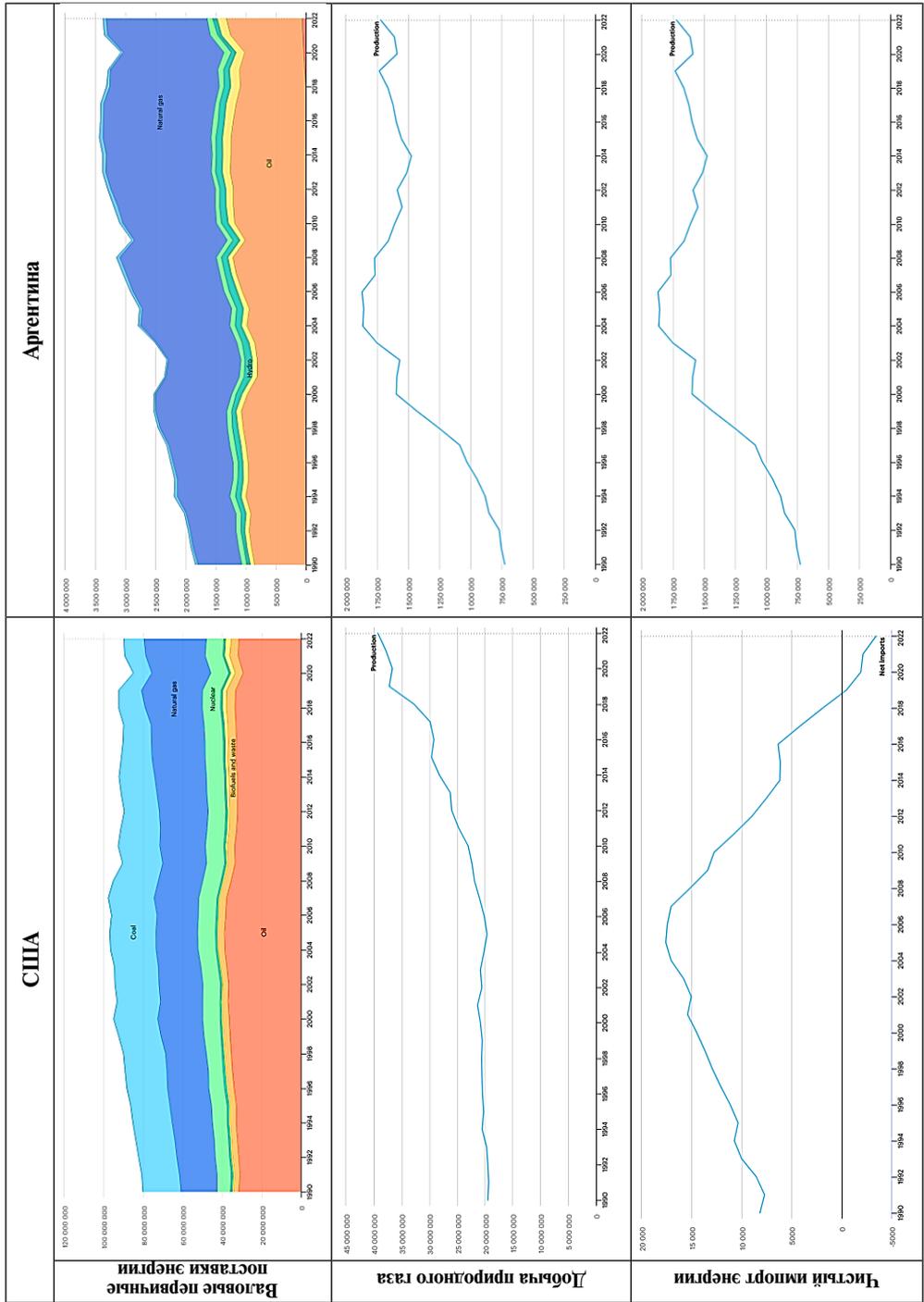
Страны, обладающие возможностью увеличивать экспорт энергоносителей, также имеют альтернативы в виде их внутреннего использования и/или развития других обрабатывающих отраслей и кластеров. Предпосылки повторить путь Мексики есть у Венесуэлы, Индонезии, Ирана, Канады, России, некоторых стран Ближнего Востока.

Россия, обладая всеми необходимыми ресурсами и технологиями, не имеет непреодолимых ограничений в выборе дальнейшего пути экономического развития и сохранении/смене своей роли на мировом энергетическом и товарном рынках.

Несмотря на крайнее разнообразие энергетических моделей, большинство экономик, включая крупнейшие европейские и азиатские, сохраняют относительную стабильность пропорций импорта и потребления энергоносителей. И хотя примеры некоторых стран демонстрируют возможность не только изменения этих пропорций, но и смены своей роли (с поставщика на потребителя и в обратную сторону), большая часть мировой экономики продолжит развиваться в рамках сложившихся национальных моделей. Тем не менее не стоит исключать проявление факторов, которые могут изменить эту ситуацию для отдельных стран.

Европейская экономическая модель находится в энергетическом кризисе. Крупнейшие экономики или остаются сильно энергозависимыми, или наращивают эту зависимость значительными темпами. Можно ожидать, что энергетическая политика ЕС будет пытаться найти выход из сложившейся ситуации или по линии разработки новых технологий, или по линии обеспечения доступа к экстерриториальным источникам (как вариант в форме импорта энергоемких товаров).

Израиль, являющийся относительно изолированным и ограниченным по ресурсам государством, смог снизить энергетическую зависимость более чем в три раза (с 84 до 25 %) и перешел к самообеспечению по ряду энергоносителей. Похожим образом ситуация развивалась для Аргентины. США и вовсе стали нетто-экспортером, причем для этой страны, испытывающей хронический дефицит торгового баланса, топливные товары стали основной статьёй экспорта. Особенности энергетической политики этих трех стран могут позволить ответить на вопрос о наиболее конкурентоспособных направлениях трансформации энергетики в рамках современной мировой экономики. Забегая вперед, можно предположить, что одним из ключей к обретению энергетической независимости (Аргентина, Египет, Израиль, США) стало значительное увеличение доли природного газа (рис. 1) в валовых поставках первичной энергии и его собственная добыча [Лавров, Симонов, 2021]. Однако тщательного анализа требуют потоки других ресурсов и товаров.



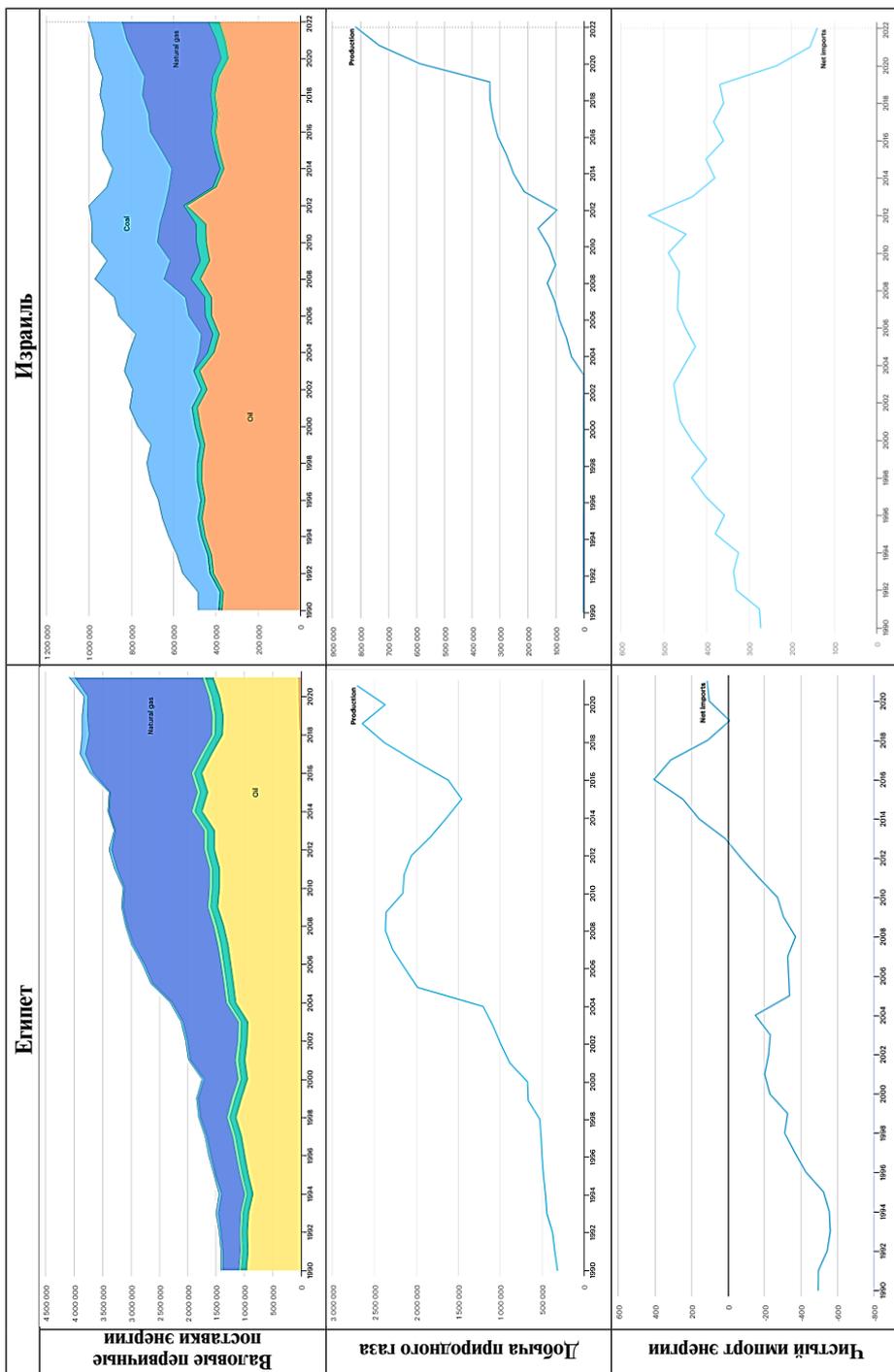


Рис. 1. Валовые первичные поставки энергии, добыча природного газа, чистый экспорт энергии (ТДж)

Источник: МЭА

В период с 1990 по 2022 г. процессы интернационализации цепочек стоимости резко усилились по сравнению с предыдущим этапом развития мировой экономики. Особенно интересно в контексте рассматриваемой проблематики взглянуть на развитие промышленности как одного из главных движителей мировой энергетики и ее главного потребителя. База данных *UNIDO* дает возможность произвести сопоставление более двух сотен стран и территорий по таким показателям, как добавленная стоимость в промышленном секторе (переменная *Industry Value Added*) и добавленная стоимость в обрабатывающей промышленности (переменная *Manufacturing Value Added*). Для гомогенизации исследуемых параметров по методологии их расчета были использованы данные о ВВП, также предоставляемые *UNIDO*. Все параметры рассматривались в постоянных ценах 2015 г. в долларах США, что позволило исключить влияние инфляции. В целях избежать искажений, вызванных различиями демографического характера, все вышеуказанные показатели были переведены в подушевые.

Анализ данных показал, что за период 1990–2022 гг. мировой ВВП на душу населения увеличился в 1,65 раза, при этом подушевая добавленная стоимость в промышленном секторе возросла хоть и незначительно, но все-таки сильнее – в 1,68 раза, а в обрабатывающей промышленности – и вовсе в 1,88 раза. Таким образом, исходя из практически идентичного роста экономики и увеличения объема промышленного производства, можно сделать вывод об относительно постоянном уровне индустриализации мировой экономики за последние 30 лет. Вместе с тем объем обрабатывающей промышленности вырос сильнее, что говорит о снижении (в стоимостном выражении) среднего удельного выпуска товаров добывающей промышленности. Оба этих вывода являются принципиальными для перехода к следующему этапу анализа.

Во-первых, синхронное изменение глобальных подушевых показателей ВВП и промышленного производства вынуждает задаться вопросом относительно изменения страновых специализаций: происходил ли рост промышленного производства равномерно среди стран или же какие-то страны существенно изменили кросс-секторальные пропорции своих экономик? Очевидно, что при почти полном равенстве прироста показателей подушевого прироста ВВП и промышленного производства больший прирост среднедушевого промышленного выпуска в одних странах означает его снижение в других.

Во-вторых, значительно больший прирост выпуска обрабатывающей промышленности относительно выпуска промышленной продукции побуждает выдвинуть сразу несколько гипотез о природе и последствиях такого изменения:

– использование энергетических ресурсов обрабатывающей промышленностью стало более интенсивным;

– рост среднедушевого выпуска товаров добывающей промышленности оказался меньше роста ВВП на душу населения, что, с одной стороны, означает более эффективное использование ресурсов, а с другой – потенциальное ужесточение конкуренции за доступ к ним;

– вероятно, существуют причинно-следственные связи между ростом промышленного производства в целом и ростом производства товаров обрабатывающей промышленности в частности с экономическим ростом;

– неравномерное увеличение выпуска промышленных товаров может свидетельствовать о тектонических сдвигах в мировой экономике, которое неминуемо должно отображаться и в трансформации глобальной энергетики.

В-третьих, для более адекватного представления о взаимосвязи энергетики и промышленности следует проанализировать данные о товарных потоках наиболее энергоемких товаров. Появление новых лидеров на этих рынках, а равно и укрепление позиций старых может иметь кардинальные последствия для мировой энергетической системы, которые будут заключаться либо в необходимости гарантировать энергообеспечение новых производственных центров, либо в стремлении традиционных лидеров повысить собственную энергетическую безопасность и наладить энергетическое снабжение возросших производственных мощностей [Аксютин, 2019; Экономическая безопасность ЕАЭС, 2020].

В первом приближении анализ роста экономики и промышленного производства показал, что за период 1990–2022 гг. в среднем за год подушевой ВВП увеличивался на 2,4 %, промышленное производство – на 2,6 %, а выпуск товаров обрабатывающей промышленности – на 3,1 % (данные рассчитаны в постоянных ценах 2015 г.). За этот же период население планеты выросло в 1,5 раза (на 49 %). Точечная диаграмма распределения стран по значениям темпа прироста ВВП на душу населения (горизонтальная ось) и объема среднедушевого промышленного производства (вертикальная ось) представлена на рисунке ниже.

Примечательно, что наибольший рост экономики продемонстрировали развивающиеся страны, которые являются одними из крупнейших поставщиков товаров обрабатывающей промышленности, а также некоторые страны Юго-Восточной Азии, которые во второй половине прошлого века перешли в категорию развитых экономик [Ларионова, 2023]. Первая группа стран представлена Китаем, Индией, Вьетнамом, Бангладеш и некоторыми другими. Яркими представителями второй группы являются Тайвань и Республика Корея. Достаточно хорошую динамику (выше мирового уровня) показали некоторые бывшие советские республики, включая Белоруссию и Казахстан. Также с темпами выше среднемировых росла экономика бывших членов социалистического блока – Чехии, Словакии, Польши, но не их промышленность. В то же время наиболее крупные развитые эко-

номики, такие как Германия, США, Япония, росли с темпами несколько ниже среднемировых, равно как и их промышленность. Отдельно следует обратить внимание на крупнейших производителей и поставщиков энергоресурсов (условно это участники современной ОПЕК+), темп прироста их подушевого ВВП, равно как и выпуска промышленной продукции, был ниже среднемировых значений или вовсе отрицательным.

Так, если российская экономика росла в среднем на 1,1 %, то ее промышленность сокращалась на 0,2 %; во многом еще более низкими были показатели у ряда основных поставщиков углеводородов, соответственно: ОАЭ (−1,4 и −4 %), Саудовской Аравии (0,5 и −0,7 %), Катара (2,0 и 0,6 %), Ирака (0,9 и 0,2 %), Ирана (2,7 и 1,6 %), Ливии (−2,4 и −4,3 %), Венесуэлы (−4,8 и −8,1 %), Алжира (1,2 и −1,5 %), Нигерии (2,0 и −3,2 %), Бахрейна (1,2 и −0,4 %), Брунея (−0,7 и −2,0 %) и даже Канады (1,7 и 0,5 %).

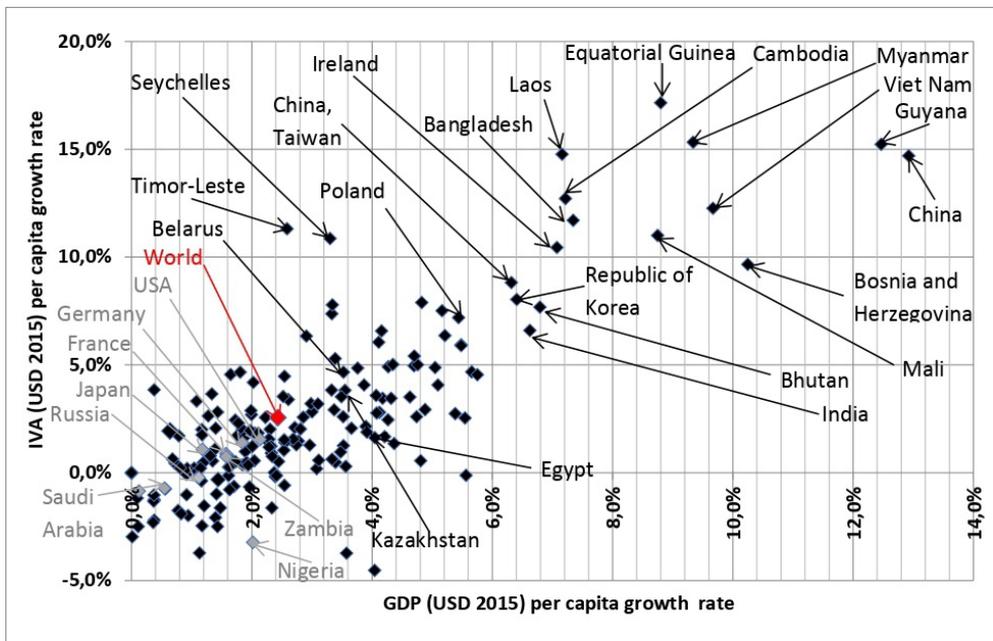


Рис. 2. Среднегодовой прирост ВВП на душу населения и промышленной добавленной стоимости на душу населения за период 1990–2022 гг. в постоянных ценах (USD 2015)

Примечание: график построен по данным *UNIDO*, при отсутствии данных за 2022 г. для расчета использовался период 1990–2021 гг.

На основании полученных данных можно сделать предположение, что протекавшие вплоть до последнего времени процессы глобализации и выстраивания международных цепочек стоимости привели к переносу значительного объема мощностей промышленного производства в раз-

вивающиеся страны, в первую очередь страны Юго-Восточной Азии. Даже несмотря на значительный рост населения, прирост среднелюдовых ВВП и промышленного производства в этих странах существенно превышал мировой уровень.

В то же время развитые страны, имея спокойную демографическую динамику, во многом демонстрировали показатели, близкие к среднемировым или несколько более скромные. При этом жители стран – поставщиков энергоресурсов оказались в относительном или даже абсолютном проигрыше, что является причиной экономической напряженности, аналогичной периоду, предшествующему первым глобальным нефтяным кризисам.

Однако, в отличие от нефтяных кризисов 1970-х гг., произошедших во многом вследствие международных диспропорций в области добычи и потребления нефти, а также распределения маржи в рамках нефтяных ЦСС (рентабельность переработки кратно превышала рентабельность добычи), кризисный потенциал современной глобальной экономической системы нарастает и имеет более комплексное устройство.

Так, вплоть до первых нефтяных кризисов существовала достаточно жесткая взаимосвязь между предложением нефти в добывающих странах и спросом в относительно развитых странах, являющихся основными импортерами. В связи с этим добыча и потребление нефти, будучи экономически достаточно жестко взаимосвязаны, обуславливали оперативное и относительно равномерное распространение как положительных, так и отрицательных шоков в мировой энергетике, а значит, и в экономике. Ситуация на рубеже XX–XXI вв. значительно изменилась: перенос некоторых трудоемких, а также условно грязных и энергоемких звеньев ГЦСС в быстроразвивающиеся страны Азии (Китай, Индия и др.), с одной стороны, позволил этим странам резко нарастить свой вес в мировой экономике и занять важное место в системе МРТ, а с другой стороны, создал своего рода энергетический буфер между добывающими странами (ОПЕК, Норвегия, Россия) и развитыми странами с высоким уровнем потребления и/или производства товаров, требующих энергоемких компонент (ЕС, Япония, США).

Таким образом, у политического истеблишмента ряда развитых стран при снижении непосредственного импорта энергоносителей* может возникнуть иллюзия отсутствия энергетической зависимости и высокой энергоэффективности национальной экономики. Но в некоторых случаях зависимость от импорта энергоемких товаров принципиально ничем не отличается от импорта энергоносителей.

Потребление энергоемких товаров представляет собой опосредованное потребление энергоресурсов с той разницей, что процесс трансформации

* Некоторые аспекты энергетической политики ЕС были рассмотрены в отдельной статье [Симонов, Лавров, 2022].

энергоресурса в некоторый товар проходит в другом месте, то есть зависимость потребителей от добытчиков реализуется через посредников, которыми выступают переработчики. Вопрос, является ли такая зависимость менее обременительной, чем непосредственная зависимость от поставщика энергоресурса, в значительной степени философский и выходит за пределы данной статьи. Однако можно отметить, что наличие дополнительной связи в виде посредников-переработчиков снижает жесткость реакции и скорость распространения импульса в системе.

В контексте мировой энергетики это означает, что рост издержек или какие-то проблемы добывающих стран и компаний могут не оказывать моментального и значительного влияния на цену и объем конечных товаров и услуг. Вместе с тем значительное ухудшение положения энергопоставщиков в долгосрочном периоде может приводить к накапливанию напряжения на международных рынках, которое способно реализоваться в форме единовременного и кардинального ухудшения условий ведения бизнеса для переработчиков и в конечном счете перекинуться на потребителя с усиленной магнитудой (по аналогии с эффектом кнута^{*}).

Ситуация усугубляется относительно малым количеством крупных игроков энергетического рынка, а также достаточно длительными сроками реализации энергетических проектов и многолетними контрактами на поставку. Если говорить о последствиях первого нефтяного кризиса, то реакция была практически моментальной, так как крупнейшие потребители были одновременно и переработчиками. Более того, резкое снижение добычи арабскими нефтяными компаниями привело к появлению значительного резерва незагруженных мощностей добычи (до настоящего времени Саудовская Аравия использовала их в качестве демпфера при резких увеличениях цен или при снижении добычи другими членами картеля).

Необходимо отметить, что упомянутое выше удлинение ГЦСС, фрагментация на три участка (добыча, переработка, сбыт и потребление) вместо двух (добыча, переработка и потребление) может рассматриваться не только как положительный процесс глобализации, позволивший многим развивающимся странам занять свою нишу и расти опережающими темпами, но и как потенциальная мина замедленного действия в фундаменте глобальной экономики. Последняя угроза связана с отсутствием своевременной реак-

^{*} В контексте настоящего исследования под эффектом кнута подразумевается, с одной стороны, отложенная, а с другой стороны – потенциально более сильная реакция рынка конечных продуктов в ответ на изменение конъюнктуры энергетического рынка (но влияние возможно и в противоположном направлении: в случае значительного изменения глобальной модели потребления сильному изменению подвергнется уже энергетический рынок). В 2022 г. наблюдался многократный рост цен на коммунальные услуги в ЕС в ответ на ожидание на тот момент незначительного сокращения поставок из России.

ции мировых рынков на процессы, происходящие в энергетике: падение рентабельности добычи, постепенное снижение резервных мощностей у основных производителей и дефицит новых инвестиций в апстрим уже сейчас привели к заметной рассинхронизации экономических циклов на рынках, пронизанных одними и теми же ГЦСС. Дальнейшее усиление страновых специализаций и рост глобального товарооборота энергоемких товаров могут усиливать глубину и частоту чередующихся локальных (региональных) кризисов, способных распространиться через финансовую сферу и систему ГЦСС на всю мировую экономику.

Отчасти такая эволюция мировой промышленности вполне логична и органически проистекает из закономерностей глобализации. С начала промышленной революции и вплоть до конца XIX в. наиболее развитые индустриальные державы решали вопрос энергообеспечения самостоятельно, как правило, на собственной территории и с использованием имеющихся энергоресурсов (на начальном этапе это уголь, а затем уже — нефть). Именно переход на нефть как основной энергоресурс позволил значительному количеству стран, находившихся на периферии мировой экономики, обрести возможность для собственной специализации (энергетической) и начать получать свою выгоду от МРТ, но также несколько затормозил их развитие.

В то же время промышленно развитые страны, обеспечив заграничные источники энергоресурсов, могли сосредоточиться на дальнейшем развитии промышленности и совершенствовании технологий. Однако высокая стратегическая значимость нефти имела и обратную сторону медали: обе мировые войны можно рассматривать через призму неокOLONиальной политики крупнейших держав того времени как попытку среди прочего обеспечить свою национальную, в том числе энергетическую, безопасность*. Даже после завершения крупнейшего военного конфликта прошлого века западные корпорации старались сохранить контроль над ближневосточными месторождениями, но даже после его юридической утраты экспортные цены удерживались на низком уровне.

Нефтяные шоки 1973 и 1979 гг. примерно в 12 раз увеличили нефтяную цену, что обусловило значительное перераспределение добавленной стоимости в рамках созданных на тот момент цепочек стоимости и отчасти стало причиной как разработки развитыми странами альтернативных энергетических моделей, так и начала переноса обрабатывающих производств в развивающиеся страны Азии, где были условия для оптимизации издержек, в том числе за счет использования энергонезависимого (а не только дешевого) ручного труда, а также удобное экологическое и земельное право. Дан-

* Метафора «война моторов» как нельзя лучше отражает суть основных мероприятий по подготовке и цели крупнейших военных операций.

ный процесс сформировал класс новых индустриальных стран, а позднее обусловил рост и становление колоссальной экспортно ориентированной экономики КНР (табл. 2).

Таблица 2

Удельные затраты в себестоимости промышленной продукции на топливо и энергию (%)

Сектор	Среднее по 50 странам *	Развитые страны	Развивающиеся страны	БРИКС	Россия
Нефтепереработка	61,6	59,4	70,8	68,4	54,7
Строительные материалы	11,8	7,2	12,7	6,5	13,2
Металлургия	7,3	5,8	8,3	9,9	11,7
Химия и нефтехимия	3,9	4,9	3,5	10,0	9,9**
ЦБП	3,2	3,6	2,9	4,0	9,6
Резина и пластики	5,3	3,4	6,8	7,8	4,1**
Транспортное оборудование	3,2	1,3	5,6	2,4	2,9
Машиностроение	2,0	1,4	2,7	4,0	3,7
Электронное оборудование	1,5	1,7	1,4	2,2	2,9
Текстильное производство	3,0	2,3	3,3	2,5	5,1
Пищевая промышленность	2,3	1,7	2,5	1,9	3,1

Источник: [Иванов, 2015].

В целях анализа статистики международной торговли наиболее энергоемкими товарами были выделены несколько групп гармонизированной системы описания и кодирования товаров (*HS – Harmonized System*), в наибольшей степени соответствующих приведенным в таблице выше секторам.

Также, помимо обозначенных в качестве энергоемких, были дополнительно рассмотрены некоторые товары (*HS*, главы 19 и 20), использующие в качестве сырья продукцию аграрного сектора, которая традиционно не относится к энергоемким товарам. Такое включение имеет две веские причины: во-первых, вся продукция растениеводства фактически представляет собой результат биогенного аккумулирования солнечной энергии, а во-вторых, производство аграрной продукции является взаимоисключаю-

* Список стран по методологии Upadhyaya, S., 2010. *Compilation of Energy Statistics for Economic Analysis*. Vienna: United Nations Industrial Development Organization.

** Данные не включают расходы на использование энергоресурсов в качестве сырья.

щей альтернативой генерации некоторых видов энергии (биомасса, а также солнечная и отчасти ветряная энергетика)*.

Помимо исследования особенностей торговли в рамках указанных товарных групп (подход от частного к общему), была предпринята попытка анализа всей структуры мировой торговли на предмет определения наиболее крупных энергоемких направлений (подход от общего к частному). Основные результаты проведенного встречного анализа позволяют сделать следующие выводы и предположения для целей дальнейших исследований в этом направлении.

По данным ООН, мировой ВВП в 2022 г. составил 100,8 трлн долл. в текущих ценах, при этом глобальный экспорт товаров в номинальном выражении превысил 23 трлн долл., а услуг — 7 трлн долл. Таким образом, около 30 % всех произведенных в национальных экономиках благ направляются для внешнего использования/потребления. Также, несмотря на то что третичный сектор экономики давно стал доминирующим в разрезе системы национальных счетов (на долю первичного сектора приходится около 4,3 %, вторичного, включая строительство, — 27,5 %), объем международной торговли услугами составляет только 7,1 % от мирового ВВП и 23,0 % от мировой торговли в целом. Это означает, что товарная форма торговли, то есть обмена экономическими ресурсами и благами в рамках ГЦСС, остается основной.

С точки зрения роли различных товарных групп в международной товарной торговле и их веса в национальных экономиках ситуация выглядит схожим образом. Так, по данным ЮНКТАД, в мировой экономике на долю первичного сектора (*ISIC A–B*) приходится всего 4,6 % от общей добавленной стоимости и еще около 23,1 % — на долю промышленных отраслей (*ISIC C–E*), из них 16,8 п. п. — это добавленная стоимость товаров обрабатывающей промышленности, а на долю добывающих отраслей приходится в разы меньше. В то же время товары именно этих отраслей являются лидерами по объему международного товарооборота и во многом являются базовыми, т. е. начальным звеньями ГЦСС.

Крупнейшие по итогам 2022 г. товарные группы (*HS2*) представлены в таблице 3 ниже. Из 97 выделяемых групп только 10 имеют в глобальном товарообороте долю более 2 % (по стоимости). В совокупности на них приходится ровно две трети всей товарной торговли. При этом три крупнейшие прямо или косвенно относятся к энергетике и вместе представляют более 41 % товарооборота.

* Были рассмотрены международные товарные потоки следующих групп (нумерация по HS): 19, 20, 27 (и в отдельности позиции 2709, 2710 и 2711 как основные), 28, 29, 31, 39, 40, 44, 48, 61, 68 (и в отдельности позиция 6810 как наиболее энергоемкая), 72, 73, 74, 75, 76, 84, 85, 87.

Крупнейшие товарные группы по итогам 2022 г.

Товарная группа (HS2)	Объем (трлн долл.)	Доля (%)
27 «Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные»	3,9	16,4
85 «Электрические машины и оборудование, их части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, аппаратура для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука, их части и принадлежности»	3,4	14,3
84 «Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части...»	2,6	10,8
87 «Средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, и их части и принадлежности»	1,6	6,8
71 «Жемчуг природный или культивированный, драгоценные или полудрагоценные камни, драгоценные металлы, металлы, плакированные драгоценными металлами, и изделия из них; бижутерия; монеты...»	0,9	3,7
39 «Пластмассы и изделия из них»	0,9	3,7
30 «Фармацевтическая продукция»	0,8	3,5
90 «Инструменты и аппараты оптические, фотографические, кинематографические, измерительные, контрольные, прецизионные, медицинские или хирургические; их части и принадлежности...»	0,7	2,8
72 «Черные металлы»	0,6	2,4
29 «Органические химические соединения»	0,6	2,3
Итого по крупнейшим десяти товарным группам	19,3	66,6
Мировой товарооборот (97 товарных групп)	23,7	100,0

Для более детального раскрытия природы мировой товарной торговли было проанализировано 26 из 1218 товарных позиций (*HS4*), выделяемых гармонизированной системой описания и кодирования товаров. Перечень позиций подтверждает предположение об исключительной роли энергетических и энергоемких товаров в мировой торговле: главными товарами являются энергоносители, особо энергоемкие товары, а также энергетическое оборудование. Некоторым исключением являются интегральные схемы (4,1 %), а также позиция 3002 (1,4 %), включающая среди прочего вакцины и иммунологические продукты, что во многом вызвано пандемией (табл. 4).

Таблица 4

Крупнейшие товарные позиции по итогам 2022 г.*

Товарная позиция (HS4)	Объем (млрд долл.)	Доля (%)
2709 «Нефть сырая и нефтепродукты сырые, полученные из битуминозных пород»	1 451	6,13
2710 «Нефть и нефтепродукты, полученные из битуминозных пород, кроме сырых»	1 078	4,55
8542 «Схемы электронные интегральные»	961	4,06
2711 «Газы нефтяные и углеводороды газообразные прочие»	827	3,49
8703 «Автомобили легковые и прочие моторные транспортные средства... для перевозки людей...»	781	3,30
8525 «Аппаратура, передающая для радиовещания или телевидения...»	571	2,41
7108 «Золото... необработанное или полуобработанное...»	478	2,02
3004 «Лекарственные средства... расфасованные в виде дозированных лекарственных форм...»	460	1,94
8708 «Части и принадлежности моторных транспортных средств товарных позиций 8701–8705»	422	1,78
8471 «Вычислительные машины и их блоки...» (компьютеры. – Прим. авт.)	357	1,51
3002 «Кровь человеческая... прочие и иммунологические продукты, модифицированные или немодифицированные... вакцины, токсины, культуры микроорганизмов... и аналогичные...»	330	1,39
8473 «Части и принадлежности... предназначенные исключительно или в основном для машин товарных позиций 8470–8472» (комплектующие для офисного оборудования. – Прим. авт.)	299	1,26
2701 «Уголь каменный; брикеты, окатыши и аналогичные виды твердого топлива, полученные из каменного угля...»	283	1,20
8479 «Машины и механические устройства, имеющие индивидуальные функции, в другом месте данной группы не поименованные или не включенные» (оборудование с индивидуальным функционалом. – Прим. авт.)	212	0,90
8544 «Провода... и другие изолированные электрические проводники... кабели волоконно-оптические...»	162	0,69
2601 «Железная руда»	159	0,67

Продолжение таблицы 4 на следующей странице

* Доля каждой – более 0,5 % мирового товарооборота.

Товарная позиция (HS4)	Объем (млрд долл.)	Доля (%)
9018 «Приборы и устройства, применяемые в медицине, хирургии, стоматологии или ветеринарии...»	157	0,66
8704 «Моторные транспортные средства для перевозки грузов»	157	0,66
3926 «Изделия прочие из пластмасс...»	157	0,66
8541 «Приборы полупроводниковые...»	156	0,66
8411 «Двигатели турбореактивные и турбовинтовые, газовые турбины»	150	0,63
8504 «Трансформаторы электрические...»	143	0,60
2716 «Электроэнергия»	131	0,55
8507 «Аккумуляторы электрические...»	130	0,55
7102 «Алмазы обработанные или необработанные, но неоправленные или незакрепленные»	123	0,52
8536 «Аппаратура электрическая для коммутации или защиты электрических цепей... на напряжение не более 1000 В...»	119	0,50
Итого по 26 крупнейшим товарным позициям	10 258	43,3
Мировой товарооборот (1 218 товарных позиций)	23,7	100,0

К сожалению, полученные из анализа глобальной товарной торговли веса различных групп и позиций отражают только стоимостные параметры, поэтому не могут в полной мере служить основанием для выводов о степени реальной зависимости или специализации как минимум по причине высокой подверженности ценовой конъюнктуре. Вместе с тем кросс-групповые сравнения требуют создания отдельных методов, которые не могут быть гарантированно избавлены от искажений (как в силу объективной неполноты имеющейся информации о реальных производственных пропорциях в рамках ГЦСС, так и в силу зависимости от субъективно выбранных предпосылок). По этой причине наиболее объективным и уместным для целей настоящего исследования будет сопоставление роли стран в рамках тех групп, которые были определены заранее, до анализа показателей международной торговли. Вместе с тем отметим в качестве предварительного заключения, что наиболее торгуемыми товарами являются как энергоносители, так и некоторые энергоемкие товары. Это в значительной степени подтверждает гипотезу о существенном перераспределении в рамках современной глобальной экономики энергии в овеществленной форме.

Для возможности комплексного восприятия и соотнесения международных рынков ниже приводится сводная таблица по определенным товарным

группам (*HS2*) и позициями (*HS4*) * (табл. 5). Для удобства определения основных игроков на тех или иных рынках, а также соотношения их ролей в качестве основного ориентира было использовано сальдо торгового баланса по товарным группам или отдельным позициям; по каждому наименованию приводится объем международного рынка, а также список крупнейших нетто-экспортеров и нетто-импортеров.

Таблица 5

Международный товарооборот отдельных групп и позиций, а также сальдо торговых балансов крупнейших нетто-экспортеров и нетто-импортеров по итогам 2022 г. (долл.)

<p>19 «Готовые продукты из зерна злаков, муки, крахмала или молока; мучные кондитерские изделия» Объем рынка в 2022 г. – 96,4 млрд</p>	
<p><u>Крупнейшие нетто-экспортеры:</u> Италия (6,1 млрд), Нидерланды (3,4 млрд), Германия (2,6 млрд), Польша (2,5 млрд), Мексика (2,4 млрд)</p>	<p><u>Крупнейшие нетто-импортеры:</u> США (8,5 млрд), Китай (3,7 млрд), Соединенное Королевство (3,1 млрд), Ирак (1,0 млрд), Австралия (0,9 млрд)</p>
<p>20 «Продукты переработки овощей, фруктов, орехов или прочих частей растений» Объем рынка в 2022 г. – 78,4 млрд</p>	
<p><u>Крупнейшие нетто-экспортеры:</u> Китай (6,5 млрд), Италия (3,2 млрд), Турция (2,8 млрд), Испания (2,6 млрд), Нидерланды (2,5 млрд)</p>	<p><u>Крупнейшие нетто-импортеры:</u> США (7,5 млрд), Япония (3,7 млрд), Соединенное Королевство (3,7 млрд), Германия (2,9 млрд), Франция (2,2 млрд)</p>
<p>27 «Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные» Объем рынка в 2022 г. – 3,88 трлн</p>	
<p><u>Крупнейшие нетто-экспортеры:</u> Россия (311 млрд), Саудовская Аравия (282 млрд), Норвегия (214 млрд), ОАЭ (156 млрд), Канада (139 млрд), Австралия (139 млрд), Ирак (113 млрд)</p>	<p><u>Крупнейшие нетто-импортеры:</u> Китай (361 млрд), Япония (207 млрд), Индия (191 млрд), Германия (137 млрд), Республика Корея (125 млрд), Италия (117 млрд), Франция (110 млрд)</p>
<p>2709 «Нефть сырая и нефтепродукты сырые, полученные из битуминозных пород» Объем рынка в 2022 г. – 1,45 трлн</p>	
<p><u>Крупнейшие нетто-экспортеры:</u> Саудовская Аравия (235 млрд), Россия (133 млрд), Ирак (111 млрд), Канада (106 млрд), ОАЭ (102 млрд), Кувейт (62,6 млрд), Норвегия (58,2 млрд)</p>	<p><u>Крупнейшие нетто-импортеры:</u> Китай (286 млрд), Индия (170 млрд), Республика Корея (89 млрд), Япония (87 млрд), США (80 млрд), Нидерланды (53,6 млрд), Италия (50,1 млрд)</p>

Продолжение таблицы 5 на следующей странице

* Товарные группы (*HS2*) и позиции (*HS4*) 19, 20, 27, 2709, 2710, 2711, 28, 29, 31, 39, 40, 44, 48, 61, 68, 6810, 72, 73, 74, 75, 76, 84, 85, 8542, 87.

2710 «Нефть и нефтепродукты, полученные из битуминозных пород, кроме сырых...» Объем рынка в 2022 г. – 1,08 трлн	
Крупнейшие нетто-экспортеры: Индия (73 млрд), Россия (66 млрд), США (57 млрд), Саудовская Аравия (40 млрд), ОАЭ (38 млрд)	Крупнейшие нетто-импортеры: Австралия (37 млрд), Мексика (37 млрд), Франция (25 млрд), Нигерия (20 млрд), Индонезия (20 млрд)
2711 «Газы нефтяные и углеводороды газообразные прочие...» (в т. ч. ПГ) Объем рынка в 2022 г. – 827 млрд	
Крупнейшие нетто-экспортеры: Норвегия (154 млрд), США (91,5 млрд), Россия (71,3 млрд), Австралия (64,1 млрд), Катар (66,9 млрд)	Крупнейшие нетто-импортеры: Германия (90,8 млрд), Китай (68,4 млрд), Италия (65,6 млрд), Япония (64,1 млрд), Республика Корея (46,4 млрд).
28 «Продукты неорганической химии...» Объем рынка в 2022 г. – 216 млрд	
Крупнейшие нетто-экспортеры: Китай (12,1 млрд), Чили (8,9 млрд), Австралия (6,0 млрд), Германия (5,0 млрд), Тринидад и Тобаго (3,5 млрд)	Крупнейшие нетто-импортеры: Индия (8,2 млрд), Республика Корея (4,0 млрд), Польша (3,8 млрд), США (3,0 млрд), Таиланд (2,5 млрд)
29 «Органические химические соединения» Объем рынка в 2022 г. – 552 млрд	
Крупнейшие нетто-экспортеры: Китай (58,6 млрд), Ирландия (33,2 млрд), Швейцария (22,2 млрд), Саудовская Аравия (12,7 млрд), Республика Корея (9,6 млрд)	Крупнейшие нетто-импортеры: США (16,9 млрд), Бразилия (14,2 млрд), Италия (11,6 млрд), Германия (11,6 млрд), Бельгия (11,0 млрд)
31 «Удобрения» Объем рынка в 2022 г. – 143 млрд	
Крупнейшие нетто-экспортеры: Россия (18,6 млрд), Канада (11,4 млрд), Китай (7,9 млрд), Марокко (7,5 млрд), Саудовская Аравия (6,3 млрд)	Крупнейшие нетто-импортеры: Бразилия (22,2 млрд), Индия (16,9 млрд), США (5,1 млрд), Франция (3,6 млрд), Австралия (3,2 млрд)
39 «Пластмассы и изделия из них» Объем рынка в 2022 г. – 864 млрд	
Крупнейшие нетто-экспортеры: Китай (82,2 млрд), Республика Корея (31,1 млрд), Германия (27,4 млрд), (18,0 млрд), Тайвань (14,9 млрд)	Крупнейшие нетто-импортеры: Мексика (18,3 млрд), Индия (13,4 млрд), Вьетнам (12,0 млрд), Соединенное Королевство (9,4 млрд), Австралия (9,2 млрд)

Продолжение таблицы 5 на следующей странице

Продолжение таблицы 5

40 «Каучук, резина и изделия из них» Объем рынка в 2022 г. – 227 млрд	
Крупнейшие нетто-экспортеры: Таиланд (17,4 млрд), Китай (16,1 млрд), Япония (6,3 млрд), Республика Корея (5,0 млрд), Индонезия (4,9 млрд)	Крупнейшие нетто-импортеры: США (21,4 млрд), Австралия (3,7 млрд), Канада (3,4 млрд), Мексика (3,1 млрд), Соединенное Королевство (3,0 млрд)
44 «Древесина и изделия из нее...» Объем рынка в 2022 г. – 183 млрд	
Крупнейшие нетто-экспортеры: Канада (16,0 млрд), Россия (7,9 млрд), Индонезия (4,9 млрд), Бразилия (4,5 млрд), Вьетнам (3,8 млрд)	Крупнейшие нетто-импортеры: США (23,5 млрд), Япония (11,1 млрд), Соединенное Королевство (8,0 млрд), Италия (4,2 млрд), Республика Корея (3,6 млрд)
48 «Бумага и картон...» Объем рынка в 2022 г. – 229 млрд	
Крупнейшие нетто-экспортеры: Китай (26,7 млрд), Германия (9,6 млрд), Швеция (8,4 млрд), Финляндия (7,5 млрд), Австрия (3,5 млрд)	Крупнейшие нетто-импортеры: Соединенное Королевство (6,4 млрд), США (5,4 млрд), Мексика (4,3 млрд), Франция (3,9 млрд), Австралия (2,3 млрд)
61 «Предметы одежды и принадлежности к одежде, трикотажные...» Объем рынка в 2022 г. – 290 млрд	
Крупнейшие нетто-экспортеры: Китай (80,7 млрд), Бангладеш (30,5 млрд), Вьетнам (17,6 млрд), Камбоджа (10,4 млрд), Турция (10,2 млрд), Индия (7,6 млрд)	Крупнейшие нетто-импортеры: США (59,6 млрд), Германия (15,4 млрд), Япония (12,8 млрд), Соединенное Королевство (12,3 млрд), Франция (8,0 млрд)
68 «Изделия из камня, гипса, цемента, асбеста, слюды или аналогичных материалов» Объем рынка в 2022 г. – 61 млрд	
Крупнейшие нетто-экспортеры: Китай (9,9 млрд), Италия (2,0 млрд), Испания (1,7 млрд), Германия (1,5 млрд), Турция (1,5 млрд)	Крупнейшие нетто-импортеры: США (5,8 млрд), Франция (1,5 млрд), Соединенное Королевство (1,2 млрд), Сингапур (0,9 млрд), Австралия (0,8 млрд)
6810 «Изделия из цемента, бетона или искусственного камня, неармированные или армированные» Объем рынка в 2022 г. – 12 млрд	
Крупнейшие нетто-экспортеры: Китай (3,0 млрд), Испания (0,9 млрд), Малайзия (0,5 млрд), Германия (0,5 млрд), Вьетнам (0,5 млрд)	Крупнейшие нетто-импортеры: США (2,7 млрд), Сингапур (0,6 млрд), Соединенное Королевство (0,5 млрд), Франция (0,5 млрд), Австралия (0,3 млрд)

Продолжение таблицы 5 на следующей странице

72 «Черные металлы» Объем рынка в 2022 г. — 563 млрд	
<u>Крупнейшие нетто-экспортеры:</u> Китай (28,4 млрд), Япония (26,1 млрд), Россия (17,1 млрд), Индонезия (17,0 млрд), Республика Корея (10,5 млрд)	<u>Крупнейшие нетто-импортеры:</u> США (21,9 млрд), Таиланд (11,8 млрд), Турция (9,9 млрд), Мексика (9,7 млрд), Италия (9,4 млрд)
73 «Изделия из черных металлов» Объем рынка в 2022 г. — 393 млрд	
<u>Крупнейшие нетто-экспортеры:</u> Китай (101,0 млрд), Италия (13,7 млрд), Тайвань (8,2 млрд), Турция (7,2 млрд), Республика Корея (4,9 млрд)	<u>Крупнейшие нетто-импортеры:</u> США (37,6 млрд), Франция (7,9 млрд), Канада (7,2 млрд), Австралия (5,9 млрд), Соединенное Королевство (4,9 млрд)
74 «Медь и изделия из нее» Объем рынка в 2022 г. — 228 млрд	
<u>Крупнейшие нетто-экспортеры:</u> Чили (21,8 млрд), ДРК (17,9 млрд), Замбия (9,5 млрд), Япония (8,7 млрд), Россия (6,0 млрд)	<u>Крупнейшие нетто-импортеры:</u> Китай (46,3 млрд), Индия (5,4 млрд), Швейцария (5,3 млрд), США (4,5 млрд), Италия (4,4 млрд)
75 «Никель и изделия из него» Объем рынка в 2022 г. — 48 млрд	
<u>Крупнейшие нетто-экспортеры:</u> Индонезия (6,2 млрд), Канада (4,9 млрд), Россия (4,8 млрд), Австралия (4,6 млрд), Зимбабве (1,0 млрд)	<u>Крупнейшие нетто-импортеры:</u> Китай (11,8 млрд), Япония (3,3 млрд), Республика Корея (1,7 млрд), США (1,5 млрд), Нидерланды (1,0 млрд)
76 «Алюминий и изделия из него» Объем рынка в 2022 г. — 280 млрд	
<u>Крупнейшие нетто-экспортеры:</u> Китай (32,9 млрд), ОАЭ (8,7 млрд), Россия (8,7 млрд), Канада (8,1 млрд), Бахрейн (6,2 млрд)	<u>Крупнейшие нетто-импортеры:</u> США (22,7 млрд), Япония (7,4 млрд), Мексика (7,4 млрд), Германия (6,3 млрд), Республика Корея (3,4 млрд)
84 «Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части» Объем рынка в 2022 г. — 2,55 трлн	
<u>Крупнейшие нетто-экспортеры:</u> Китай (461 млрд), Германия (82 млрд), Япония (81 млрд), Италия (48,8 млрд), Тайвань (20,3 млрд)	<u>Крупнейшие нетто-импортеры:</u> США (226 млрд), Гонконг (50,1 млрд), Канада (37,3 млрд), Австралия (34,1 млрд), Россия (31,1 млрд)

Продолжение таблицы 5 на следующей странице

Продолжение таблицы 5

85 «Электрические машины и оборудование... звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура...» Объем рынка в 2022 г. – 3,39 трлн	
<u>Крупнейшие нетто-экспортеры:</u> Китай (687 млрд), Тайвань (177 млрд), Республика Корея (101 млрд), Малайзия (58,6 млрд), Вьетнам (37,8 млрд)	<u>Крупнейшие нетто-импортеры:</u> Гонконг (314 млрд), США (268 млрд), Индия (38,9 млрд), Соединенное Королевство (37,9 млрд), Канада (35,2 млрд)
8542 «Схемы электронные интегральные» Объем рынка в 2022 г. – 961 млрд	
<u>Крупнейшие нетто-экспортеры:</u> Тайвань (143 млрд), Республика Корея (64,4 млрд), Малайзия (33,8 млрд), Филиппины (16,7 млрд), США (15 млрд)	<u>Крупнейшие нетто-импортеры:</u> Гонконг (191 млрд), Вьетнам (28,2 млрд), Китай (19,7 млрд), Мексика (16,4 млрд), Индия (14,8 млрд)
87 «Средства наземного транспорта, кроме железнодорожного...» Объем рынка в 2022 г. – 1,6 трлн	
<u>Крупнейшие нетто-экспортеры:</u> Япония (118 млрд), Германия (116 млрд), Китай (80,6 млрд), Мексика (74,8 млрд), Республика Корея (54,5 млрд)	<u>Крупнейшие нетто-импортеры:</u> США (176 млрд), Австралия (36,2 млрд), Канада (28,4 млрд), Соединенное Королевство (27,7 млрд), Франция (20,2 млрд)
8703 «Автомобили легковые и прочие моторные транспортные средства... для перевозки людей...» Объем рынка в 2022 г. – 782 млрд	
<u>Крупнейшие нетто-экспортеры:</u> Германия (81,3 млрд), Япония (78,2 млрд), Республика Корея (37,5 млрд), Мексика (37 млрд), Словакия (23,6 млрд)	<u>Крупнейшие нетто-импортеры:</u> США (102 млрд), Австралия (20,7 млрд), Франция (16 млрд), Саудовская Аравия (13,2 млрд), Соединенное Королевство (10,8 млрд)

Анализ торговли энергоносителями, энергоемкими товарами, а также энергетическим оборудованием позволил выявить как закономерности, подтверждающие гипотезу относительно наличия у условно развитых стран (в широком понимании – члены ОЭСР, в более узком – «группа семи», ЕС) стремления отойти от энергетической специализации и передать не только добычу энергоносителей, но и производство энергоемких товаров в руки развивающихся экономик, прежде всего Азии, так и факты, ей противоречащие. К первым можно отнести рост объемов производства и экспорта широкой номенклатуры энергоемких товаров обрабатывающей промышленности Индией, Китаем и другими странами АТР. К последним относится активное усиление роли США на энергетических рынках, а также доминирование некоторых стран ЕС на рынках сельхозпродукции.

Полученные выводы можно сформулировать следующим образом.

- США и Канада активно наращивают производство и экспорт энергоносителей, в первую очередь природного газа и нефтепродуктов. Причем для США, традиционно (последние несколько десятилетий) являющихся крупнейшим нетто-импортером товаров, энергоносители составляют бо льшую часть экспорта и могут рассматриваться (в краткосрочном и среднесрочном периоде) чуть ли не единственным реальным направлением для сокращения дефицита торгового баланса. США активно наращивают экспорт нефтепродуктов (в первую очередь светлых), что в сочетании со значительным импортом сырых углеводов и ростом собственной добычи из нетрадиционных месторождений позволяет говорить о формировании явной специализации на переработке. В долгосрочном периоде американская экономика может принять меры по воссозданию промышленной базы на своей территории и снижению зависимости от импорта ряда чувствительных для современной экономической системы позиций (включая импортируемые из некоторых стран Азии микрочипы, компьютерное и офисное оборудование). Однако в настоящее время наиболее востребованным американским товаром остаются нефтепродукты (7,1 % экспорта, в основном поставки в страны Нового Света), сырая нефть (6,1 % экспорта, поставки примерно поровну в страны АТР и Западной Европы) и природный газ (около 6 % экспорта, около половины в форме СПГ поставляется в Европу, четверть – в страны АТР).

- Страны ЕС являются крупнейшими потребителями и импортерами энергоносителей, а также энергоемких товаров обрабатывающей промышленности*. Вместе с тем необходимо отметить, что экономика ЕС занимает лидирующие позиции на рынке множества сельскохозяйственных и пищевых товаров. Поэтому с энергетической точки зрения европейские страны можно считать лидерами солнечной энергетики, только не в узком понимании**, а в более широком, включающем трансформацию солнечной энергии в продукцию растение- и животноводства, которая в дальнейшем используется для удовлетворения пищевых, то есть в первую очередь энергетических, нужд потребителей.

- Структура международной торговли Китая отражает экспортно ориентированную модель экономического развития. Являясь крупнейшим экспортером товаров обрабатывающей промышленности, страна в первую очередь импортирует товары, представляющие собой либо базовые ресурсы

* Кроме Германии, которая до последнего времени, в том числе за счет импорта российских углеводов, обеспечивала бесперебойную работу своего промышленного комплекса и экспортировала в больших объемах высокотехнологичную энергоемкую продукцию.

** Мировой объем фотоэлектрогенерации в 2022 г. составил около 1 млрд ГВт*ч. Объемы генерации: Китай – 33 %, США – 18,5 %, Япония – 9,5 %, Германия – 6 %, Испания – 3 %, Италия – 2,8 %, Франция – 2,1 %, Нидерланды – 1,7 %.

(сырье и энергоносители), либо оборудование для наращивания своих производственных мощностей с целью увеличения товарного экспорта.

- Основная товарная группа по импорту – энергоресурсы (*HS27*) с долей 20 %, крупнейшие поставщики – страны Ближнего Востока (45 %) и Россия (18 %), другими крупными поставщиками за пределами Евразии являются Ангола (5 %), Бразилия (4 %), Австралия (4 %) и США (3 %). Второй товарной группой по доле в импорте является электрооборудование (*HS85*) с долей 19 % (более половины – микрочипы), основные поставки идут от региональных соседей: из-за пределов АТР в Китай поставляется менее 14 %. Третьей по объему импорта товарной группой являются руды (*HS26*) с долей 9 %, основные поставщики – Австралия (42 %) и южноамериканские страны (Бразилия, Чили, Перу – совместно 27 %).

- Страны Африки в удельном выражении участвуют в международной торговле менее интенсивно, в основном специализируясь на экспорте товаров сырьевых групп – в первую очередь сырых энергоресурсов, драгоценных металлов и камней, а также руд железа и цветных металлов. При этом африканские государства в основном торгуют с партнерами других континентов, доля внутриматерикового товарооборота составляет около десятой части от общего объема товарной торговли. Большая часть экспорта направляется в страны Европы и АТР.

- Страны Южной Америки, так же как и страны Африки, в основном торгуют с партнерами за пределами региона, доля регионального товарооборота по большинству товарных групп не превышает 20 % в общем объеме торговли. Основными экспортными товарами являются энергоресурсы, а также некоторые товары обрабатывающей промышленности и продовольствие. При этом более половины экспортных поставок региона направляется в Северную Америку, еще треть – в страны АТР.

В качестве отдельных рыночных ниш хотелось бы выделить базовое оборудование для таких основных отраслей ВИЭ: солнечные панели, оборудование для электролиза и ветрогенераторы [Ланьшина и др., 2021]. Объемы данных рынков значительно отличаются: если международный товарооборот солнечных панелей превышает 50 млрд долл., то объем рынка ветрогенераторов составляет менее 7 млрд долл., а рынка электролизных установок для производства водорода кратно меньше (едва ли превышает 1 млрд долл.*). Китаю принадлежит лидерство во всех трех категориях.

- Доля Китая в международных поставках солнечных панелей составляет около 60 %, еще 25 % приходится на другие страны АТР, совокупная доля европейских стран составляет около 12 %. В то же время основными покупателями выступают страны Европы (43 %) и Северной Америки (23 %).

* Точнее установить сложно, так как в одну товарную позицию HS включены и другие виды оборудования для электролиза, гальванопокрытия и электрофореза.

- На рынке ветрогенераторов доля поставок из КНР стремится к 35 %. Однако ветрогенераторы являются одним из немногих товаров обрабатывающей промышленности, в значительной степени производимых в странах Европы: совокупно доля западноевропейских производителей составляет 53 % (около 24 п. п. приходится на Германию, 22 п. п. – на Данию). Основная часть импорта (51 %) также приходится на Европейский регион.

- Международный рынок электролизных установок для производства водорода не поддается детальному анализу (в международной торговой статистике данная категория оборудования отдельно не выделяется), однако доля стран – поставщиков оборудования данного типа из АТР превышает 60 %. Эти же страны являются также и крупнейшими импортерами. Несмотря на то что ставка многих европейских игроков на бурное развитие водородной энергетики в настоящее время не оправдывается, многие западноевропейские страны являются крупными (относительно размеров рынка) нетто-экспортерами электролизного оборудования, к ним относятся Германия и Италия, а также США. Принципиальные ограничения и перспективы водородной энергетики рассматривались ранее. Однако, оценивая в первую очередь европейские интересы, можно утверждать, что не только экономические, но и политические попытки продвигать водородную энергетику и наращивать экспорт своего оборудования будут продолжаться.

Список литературы

Аксютин О. Е., 2019. Природный газ – ключ к энергетической безопасности // Наука и техника в газовой промышленности. № 4 (80). С. 3–8.

Андропова И. В., Белова И. Н., Ганеева М. В. и др., 2020. Экономическая безопасность ЕАЭС: Моногр. / Под ред. И. В. Андроновой. М.: Изд-во РУДН, 430 с.

Волгина Н. А., 2020. Внутренняя добавленная стоимость в экспорте нефтегазодобывающих стран // Сборник научных трудов участников XI Международной Кондратьевской конференции / Под ред. В. М. Бондаренко. С. 513–514.

Иванов В. А., 2015. Анализ энергозатрат в различных отраслях промышленности // Интернет-журнал «Науковедение». Т. 7. № 1 // <https://naukovedenie.ru/PDF/144TVN115.pdf>. DOI: 10.15862/144TVN115.

Карпова Н. С., Лавров С. Н., Симонов А. Г., 2014. Международные газовые проекты России: европейский альянс и стратегические альтернативы / Под общ. ред. С. Н. Лаврова; науч. ред. С. Н. Лавров. М.: ТЕИС. 280 с.

Ланьшина Т. А., Логинова А. Д., Стоянов Д. Е., 2021. Переход крупнейших экономик мира к углеродной нейтральности: сферы потенциального сотрудничества с Россией // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. Т. 16 № 4. С. 98–125. DOI: 10.17323/19967845-2021-04-05.

Ларионова М. В., 2023. «Группа Двадцати» на критическом этапе. Председательство Индонезии в 2022 г.: внутренние и внешние потрясения, риски изменения баланса влияния и упадка, факторы устойчивости и восстановления равновесия // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. Т. 18. № 1. С. 33–74. DOI: 10.17323/1996-7845-2023-01-02.

Мастепанов А. М., 2022. Энергетическая безопасность в период геополитической и экономической неопределенности // Бурение и нефть. № 1. С. 6–9.

Мигранян А. А., 2023. Эффекты антироссийских санкций на постсоветском пространстве // Геоэкономика энергетики. № 1 (21) С. 141–162. DOI: 10.48137/26870703_2023_21_1_141.

Пусенкова Н. Н., 2022. Национальные нефтяные компании в новых реалиях мировой энергетики. М.: Идея-Пресс. 361 с.

Симонов А. Г., 2012. Возможности повышения конкурентоспособности российской газовой промышленности // Вестник международных организаций. Т. 7. № 3. С. 199–208.

Симонов А. Г., Лавров С. Н., 2022. Глобальный энергопереход: формирование нового технологического уклада // Геоэкономика энергетики. № 4 (20). С. 16–35. DOI: 10.48137/26870703_2022_20_4_16.

Телегина Е. А., Халова Г. О., 2022. Геоэкономические и геополитические вызовы энергетического перехода. Последствия для мировой экономики // Мировая экономика и международные отношения. Т. 66. № 6. С. 26–34. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-6-26-34.

Lavrov S. N., Simonov A. G., 2021. Gas industry – a factor of international competitiveness // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Экономика. Т. 29. № 1. С. 164–172 // <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-1-164-172>.

SIMONOV Alexander G., PhD (in Economics), Associate Professor of the Department of International Economic Relations of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University).

Address: 6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation.

E-mail: Simonov-AG@rudn.ru

SPIN-code: 3285-8930

ORCID: 0000-0002-8497-9564

ENERGY (IN)DEPENDENCE AND NATIONAL SPECIALIZATION AS A FACTOR OF GLOBAL COMPETITIVENESS

DOI: 10.48137/26870703_2024_26_2_106

Received: 08.05.2024

For citation: *Simonov A. G.*, 2024. Energy (In)Dependence and National Specialization as a Factor of Global Competitiveness. – *Geoeconomics of Energetics*. № 2 (26). P. 106–137. DOI: 10.48137/26870703_2024_26_2_106

Keywords: global competitiveness, energy dependence, energy security, energy resources, energy intensive goods, economic growth, international trade, whip-lash effect, global value chains (GVC), oil refining, energy equipment, energetics model.

Abstract

The article presents preliminary results of a comprehensive interrelation study of the global competitiveness of the world economy actors with their energy systems and specialization. The article structure is logically split into three parts. The first one presents an attempt of evaluating energy dependence of the largest nations and its dynamics. The author proposes hypotheses regarding origins of different national roles on the world energy market and prospects of their development. The second part is dedicated to researching the nature of economic growth in the first quarter of XXI century and its interconnection with industrial development and specialization on particular goods, including fuel products and energy-intensive manufactures. In the third part the article explores international merchandise trade landscape by merchandise chapters (HS2) and in particular cases by headings (HS4). Finally, the author makes a conclusion and offers prognostic points in terms of the most significant merchandise items as well as in terms of world economy actors.

References

Aksyutin O. E., 2019. Natural gas is the key to energy security // Science and Technology in the gas industry. No. 4 (80). Pp. 3–8. (In Russ.)

Andronova I. V., Belova I. N., Ganeeva M. V. et al., 2020. The economic security of the EAEU: a monograph; edited by I. V. Andronova. Moscow: RUDN. 430 p. (In Russ.)

Volgina N. A., 2020. Internal added value in the export of oil and gas producing countries // Collection of scientific papers of participants of the XI International Kondratieff Conference / Edited by V. M. Bondarenko. Pp. 513–514. (In Russ.)

Ivanov V. A., 2015. Analysis of energy consumption in various industries // Online journal «Science Studies». Vol. 7. No. 1 // <https://naukovedenie.ru/PDF/144TVN115.pdf>. DOI: 10.15862/144TVN115. (In Russ.)

Karpova N. S., Lavrov S. N., Simonov A. G., 2014. Russia's international gas projects: the European Alliance and strategic alternatives / Under the general ed.: S. N. Lavrov; scientific ed.: S. N. Lavrov. M.: THEIS. 280 p. (In Russ.)

Lanshina T. A., Loginova A. D., Stoyanov D. E., 2021. Transition of the world's largest economies to carbon neutrality: areas of potential cooperation with Russia // Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy. Vol. 16. No. 4. Pp. 98–125. DOI: 10.17323/19967845-2021-04-05. (In Russ.)

Larionova M. V., 2023. The Group of Twenty is at a critical stage. Indonesia's Presidency in 2022: internal and external shocks, risks of changing the balance of influence and decline, factors of stability and rebalancing // Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy. Vol. 18. No. 1. Pp. 33–74. DOI: 10.17323/1996-7845-2023-01-02. (In Russ.)

Mastepanov A. M., 2022. Energy security in a period of geopolitical and economic uncertainty // Drilling and Oil. No. 1. Pp. 6–9. (In Russ.)

Migranyan A. A., 2023. The effects of anti-Russian sanctions on the post-Soviet space // Geoeconomics of Energetics. No. 1 (21). Pp. 141–162. DOI: 10.48137/26870703_2023_21_1_141. (In Russ.)

Lavrov S. N., Simonov A. G., 2021. Gas industry – a factor of international competitiveness // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economics. Vol. 29. No. 1. Pp. 164–172 // <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-1-164-172>. (In Eng.)

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

DOI: 10.48137/26870703_2024_26_2_138

Светлана МУДРОВА
Владислав БОЛОНКИН
Алексей ДАВЫДОВ

ВОЗДЕЙСТВИЕ НЕКОТОРЫХ ФАКТОРОВ НА ЦЕНООБРАЗОВАНИЕ НА РЫНКЕ НЕДВИЖИМОСТИ РОССИЙСКИХ МЕГАПОЛИСОВ

Дата поступления в редакцию: 05.02.2024.

Для цитирования: *Мудрова С. В., Болонкин В. И., Давыдов А. Е., 2024. Воздействие некоторых факторов на ценообразование на рынке недвижимости российских мегаполисов. – Геоэкономика энергетики. № 2 (26). С. 138–156. DOI: 10.48137/26870703_2024_26_2_138*

В статье авторы анализируют ценообразование на рынке жилой недвижимости в Москве и Санкт-Петербурге – крупнейших городах Российской Федерации. Вопрос стоимости жилой недвижимости является одним из важнейших для жителей российских мегаполисов. Мегаполисы являются крупнейшими центрами миграции из других регионов и стран. Население таких городов рас-

МУДРОВА Светлана Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры политической экономики и истории экономической науки ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова». **Адрес:** Российская Федерация, г. Москва, 117997, Стремянный пер., 36. **E-mail:** Mudrova.sv@rea.ru. **SPIN-код:** 7714-3400. **ORCID:** 0000-0002-3907-5371.

БОЛОНКИН Владислав Игоревич, студент-магистр ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова». **Адрес:** Российская Федерация, г. Москва, 117997, Стремянный пер., 36. **E-mail:** bolonkin-vladislav@rambler.ru. **ORCID:** 0000-0003-3483-6116.

ДАВЫДОВ Алексей Игоревич, студент-магистр ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова». **Адрес:** Российская Федерация, г. Москва, 117997, Стремянный пер., 36. **E-mail:** davydov.alexey.e@gmail.com . **ORCID:** 0000-0001-7625-6086.

Ключевые слова: недвижимость, факторный анализ, ценообразование, первичный рынок недвижимости, вторичный рынок недвижимости, стоимость квадратного метра, ипотечное кредитование, альтернативные инвестиции.

ширятся значительными темпами, а строительная отрасль наращивает темпы создания новых объектов недвижимости. В подобных условиях крайне важно осознавать зависимость стоимости недвижимости и ключевых экстерналий.

В рамках исследования авторы опираются на работы в сфере оценки стоимости недвижимости и статистическую методологию. Коллективом авторов выдвигаются статистические гипотезы о воздействии некоторых факторов, в частности уровня кумулятивной инфляции, ключевой ставки, устанавливаемой ЦБ РФ, среднего уровня заработной платы в регионе и средневзвешенной ставки по ипотечным кредитам, выданным гражданам, на образование средневзвешенной стоимости квадратного метра жилья в российских городах.

При помощи статистического метода факторного анализа оценивается влияние каждой из факторных переменных на результирующий параметр. Регрессионное моделирование позволяет оценить степень воздействия значимых факторов на стоимость квадратного метра жилой недвижимости. Модели позволяют оценить тренды изменения стоимости недвижимости на первичном и вторичном рынках жилой недвижимости в российских мегаполисах, а также предоставляют возможность рассмотреть дифференциацию в воздействии каждого из факторов между различными типами рынков в разных городах.

Результаты исследования могут быть полезны при построении отраслевых прогнозов и разработке государственных мер поддержки жилищного строительства.

Введение

Рынок недвижимости в России представляет собой сложную и динамичную систему, на которую влияет множество факторов, как внутренних, так и внешних. На стоимость жилья могут влиять экономические и внутриполитические условия, а также демографические тенденции и геополитические события. Оценка этих факторов позволяет участникам рынка устанавливать цены.

Важность оценки ценовых параметров выражается в нескольких аспектах. Во-первых, недвижимость является важной составляющей благосостояния страны и одним из факторов экономического роста. Стоимость объектов недвижимости влияет на возможность их приобретения домохозяйствами. Кроме того, рынок недвижимости служит индикатором экономического состояния страны. Ценообразование на этом рынке отражает тенденции в сфере занятости, сбережений и инвестиций. Поэтому оценка факторов, влияющих на стоимость квадратного метра недвижимости в России, необходима для понимания общих экономических тенденций и выявления потенциальных рисков и возможностей.

Кроме того, понимание динамики рынка недвижимости крайне важно для инвесторов и девелоперов, стремящихся использовать возможности и снизить риски. Независимо от того, вкладывают они средства в жилую, коммерческую или промышленную недвижимость, частным лицам и компаниям необходимо оценивать факторы, определяющие стоимость недвижимости, доходность от аренды и спрос на активы недвижимости. Кроме

того, политические деятели опираются на комплексную оценку рынка недвижимости для разработки эффективных нормативных актов, налоговой политики и градостроительных стратегий, способствующих устойчивому развитию и обеспечению доступности жилья.

Рынок недвижимости в России имеет свои особенности, которые отличают его от других стран. Одной из ключевых характеристик российского рынка недвижимости является его чувствительность к макроэкономическим и геополитическим факторам. Колебания цен на нефть, изменение международных санкций и геополитическая напряженность могут оказывать значительное влияние на стоимость недвижимости и инвестиционные настроения. Кроме того, нормативная и правовая база, регулирующая сделки с недвижимостью в России, постоянно подвергается реформам и корректировкам, что может создавать неопределенность для участников рынка [Дядева, Шипилов, 2021].

Еще одной отличительной особенностью российского рынка недвижимости является преобладание непрозрачных практик и неформальных сделок. Теневая экономика, коррупция и отсутствие достоверных данных создают проблемы для точной оценки и определения рисков. В результате инвесторы и девелоперы часто сталкиваются с трудностями при получении полной информации о владении недвижимостью, сделках на рынке и соблюдении нормативных требований. Эти особенности подчеркивают важность тщательной оценки и должной осмотрительности при осуществлении деятельности в сфере недвижимости в России.

Российский рынок недвижимости делится на первичный и вторичный, каждый из которых имеет свою динамику и характеристики. Первичный рынок включает в себя недавно построенные объекты недвижимости, которые продаются застройщиками или строительными компаниями. На этот сегмент рынка влияют такие факторы, как стоимость строительства, доступность земли, правила зонирования и стимулы для застройщиков. Оценка первичного рынка включает в себя анализ предложения, качества строительства, ценовых стратегий и спроса со стороны покупателей жилья или инвесторов.

С другой стороны, вторичный рынок состоит из объектов недвижимости, находящихся в предварительной продаже, которые перепродаются отдельными владельцами или агентствами недвижимости. На вторичный рынок влияют такие факторы, как демографические изменения, миграционные процессы, доступность ипотеки и жилищные предпочтения. Оценка вторичного рынка требует анализа исторических ценовых тенденций, состояния недвижимости, привлекательности местоположения и объемов сделок. Кроме того, на ликвидность и цену недвижимости на вторичном рынке могут влиять такие факторы, как налоги на недвижимость, эксплуатационные расходы и юридические ограничения [Шурунова, 2018].

Следует отметить, что оценка факторов, влияющих на стоимость недвижимости в Российской Федерации, необходима для понимания сложностей рынка недвижимости, принятия обоснованных инвестиционных решений и выработки эффективной политики. Уникальные характеристики российского рынка недвижимости, включая его чувствительность к макроэкономическим и геополитическим факторам, непрозрачность практики и разделение на первичный и вторичный рынки, требуют тщательного анализа и экспертизы. Всесторонняя оценка рынка недвижимости в России поможет заинтересованным сторонам справиться с трудностями и использовать возможности этого важнейшего сектора экономики.

Обзор литературы

Оценка факторов, влияющих на стоимость недвижимости в Российской Федерации, – сложная и многогранная тема, требующая глубокого понимания различных экономических, демографических и географических факторов. В данном обзоре литературы мы рассмотрим существующие исследования по ключевым факторам, влияющим на стоимость недвижимости в России, уделив особое внимание ключевой ставке, средневзвешенной ставке по ипотеке, размеру субсидии по льготной ставке, среднемесячной зарплате в регионе, году постройки дома, этажности, расстоянию до метро в метрах, наличию балкона и типу продажи (альтернативная или свободная продажа).

Ключевая ставка, которая устанавливается Центральным банком России и служит ориентиром для процентных ставок в экономике, была названа значимым фактором, влияющим на рынок недвижимости. Согласно исследованию Козлова и Кузнецовой (2018), изменение ключевой ставки оказывает прямое влияние на ставки по ипотеке и общие условия кредитования, которые, в свою очередь, влияют на доступность недвижимости и спрос на жилье.

Средневзвешенная ставка по ипотеке, отражающая стоимость заемных средств для покупателей жилья, также широко изучалась как фактор, определяющий стоимость недвижимости в России. Колебания ипотечных ставок могут существенно повлиять на доступность жилья и спрос на него, особенно среди тех, кто впервые покупает жилье, и домохозяйств с низким уровнем дохода [Бедин, 2022].

Помимо ипотечных ставок, важным фактором, влияющим на рынок недвижимости в России, назван размер субсидии по льготной ставке. Государственное субсидирование жилищных кредитов может стимулировать спрос на недвижимость, особенно в регионах с более низкой среднемесячной заработной платой и ограниченным доступом к доступному финансированию.

Среднемесячная заработная плата в регионе — еще один важный фактор, влияющий на стоимость недвижимости в России. Исследования показали, что различия в уровне доходов могут влиять на доступность жилья и покупательную способность, особенно в городах с высокой концентрацией экономической активности [Смирнова, Щесняк, 2011].

Год постройки дома — существенный фактор, влияющий на стоимость недвижимости в России. Возраст и состояние объектов недвижимости могут влиять на их привлекательность и рыночную стоимость, особенно в отношении эксплуатационных расходов, энергоэффективности и строительных стандартов.

Этаж, на котором расположен объект недвижимости, изучался как фактор, влияющий на стоимость недвижимости в России. Недвижимость на высоких этажах часто воспринимается как более привлекательная из-за лучшего вида, приватности и шумоизоляции, что приводит к потенциальным различиям в ценах и спросе.

Расстояние до метро в метрах является важным фактором, влияющим на стоимость недвижимости в России. Близость к инфраструктуре общественного транспорта может существенно повлиять на стоимость недвижимости и доходность от аренды, особенно в городах с высоким спросом на транзит [Кулак, Зяблицкая, 2021].

Также изучалось наличие балкона. Объекты недвижимости с балконами часто воспринимаются как более привлекательные из-за дополнительного открытого пространства и естественного освещения, что приводит к потенциальным различиям в ценах и спросе.

Наконец, тип продажи (альтернативная или свободная продажа) был определен как фактор, влияющий на стоимость недвижимости в России. Альтернативные каналы продаж, такие как аукционы или объявления о продаже проблемной недвижимости, могут влиять на динамику цен и ликвидность рынка, особенно в периоды экономического спада или финансового кризиса.

В заключение следует отметить, что оценка факторов, влияющих на стоимость недвижимости в Российской Федерации, является важной областью исследований, требующей всестороннего анализа экономических, демографических и географических переменных. Глубокое изучение этих факторов позволит исследователям и практикам получить ценные сведения о сложностях российского рынка недвижимости и принять обоснованные решения в отношении инвестиций, развития и разработки политики.

Методология

В данном исследовании авторы сосредоточились на анализе факторов, влияющих на среднюю стоимость квадратного метра в отдельно взятом

городе. Выдвигается гипотеза о возможности построения модели прогнозирования средней цены квадратного метра жилой недвижимости на основе линейной регрессии 4 факторов: уровня инфляции, ключевой ставки ЦБ РФ, среднего уровня заработной платы в регионе и средневзвешенной ставки по ипотечным кредитам, выданным гражданам. Ежемесячные значения показателей оцениваются с января 2020 г. по сентябрь 2023 г. Согласно закону Чебышева, выборка из 16–32 случайных величин с большей вероятностью будет характеризоваться нормальным распределением, более 32 величин будут нормально распределены [Fominyh, 2021]. Оцениваемые факторы форматируются не только в зависимости от объекта исследования, что говорит о случайности их возникновения в контексте рынка недвижимости. Количество значений одного фактора в выборке равно 45 периодам, что позволяет принять данные факторы для использования при построении регрессионной модели. Во-вторых, коэффициент детерминации модели (r^2) должен быть больше или равен 0,5. Этот коэффициент представляет собой производную величину корреляции между прогнозируемым результатом регрессии и реальными значениями.

Для проверки гипотезы мы рассмотрели цены на недвижимость в двух крупнейших российских мегаполисах – Москве и Санкт-Петербурге, динамика средней цены квадратного метра на первичном и вторичном рынке представлена на рисунке 1.

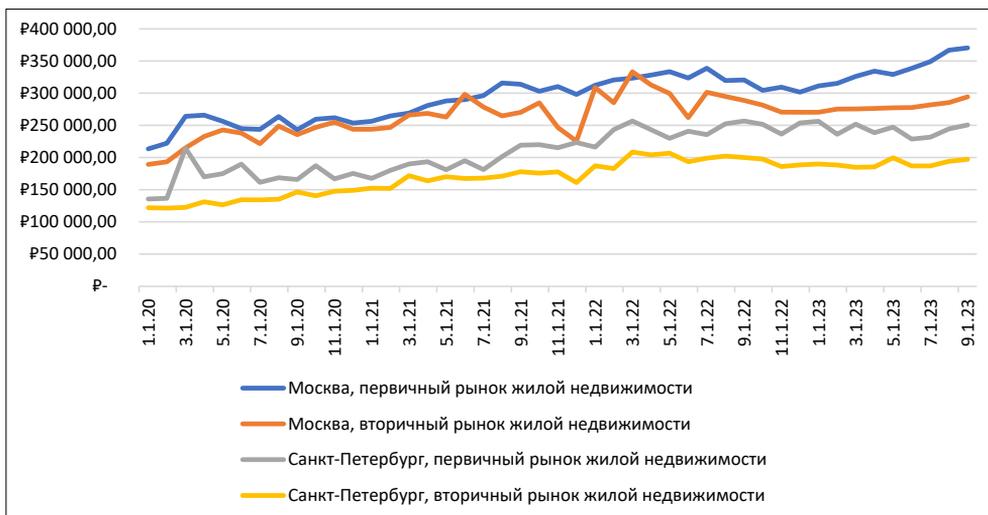


Рис. 1. Динамика средней цены квадратного метра

Источник: рассчитано авторами на основе статистических данных ¹

¹ Средняя стоимость квартир в Москве // <https://gogov.ru/average-property-prices/msk>, дата обращения 16.12.2023.

Анализируя среднюю стоимость квадратного метра на рынках российских мегаполисов, можно выявить схожие тенденции между представителями первичного и вторичного рынков в разных городах. Таким образом, актуально проводить анализ с разделением выборки не только по городам, но и по рынкам.

Первый фактор, который имеет достаточно высокий уровень значимости в контексте сравнения цен разных временных периодов, — это инфляция. Существует два подхода к оценке стоимости. В первом случае цены на недвижимость должны быть дисконтированы на ежемесячный уровень инфляции и использованы при построении модели. Однако этот подход имеет тот недостаток, что найденные авторами темпы инфляции по месяцам отражают общий процесс роста уровня цен в стране, причем для всех товаров, но не для недвижимости. Таким образом, в случае дисконтирования результат будет неточным. Второй подход заключается в оценке коэффициента общей месячной инфляции и проверке его влияния на изменение цен на недвижимость. В этом случае значения цен остаются в реальном выражении, а уровень инфляции должен рассчитываться нарастающим итогом. Для этого авторы используют коэффициенты инфляции относительно 1 января 2020 г. — начала выборки. В этот период коэффициент инфляции равен 1. Коэффициент последующих периодов рассчитывается по следующей формуле:

$$CI_i = CI_{i-1} * (1 + MI),$$

где CI — кумулятивный уровень инфляции;

i — период выборки;

MI — ежемесячный уровень инфляции.

Таким образом, умножение цен января 2020 г. на этот коэффициент приведет их к сопоставимым значениям соответствующего периода. При этом к уровню регрессии будет добавлен коэффициент эластичности средней цены к уровню инфляции в стране. Рассмотрим динамику коэффициента кумулятивной инфляции.

Таким образом, за 45 месяцев средний уровень цен в стране вырос на 34 %, но при разных выборах средней цены на недвижимость изменение имеет разный характер, что подтверждает правильность выбора подхода с учетом эластичности средней цены к инфляции.

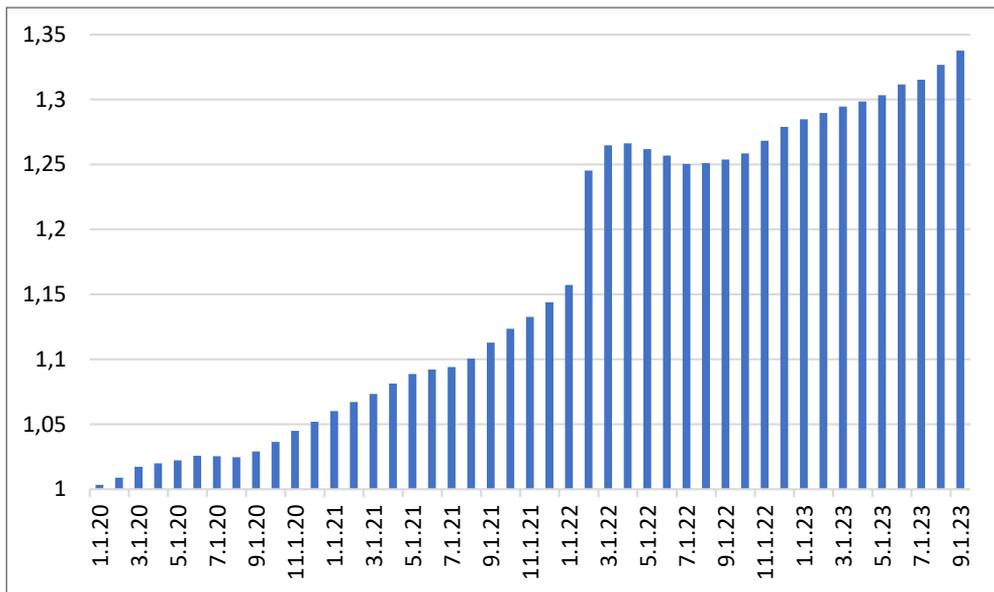


Рис. 2. Динамика темпов кумулятивной инфляции.

Источник: рассчитано авторами на основе статистических данных ²

Таким образом, за 45 месяцев средний уровень цен в стране вырос на 34 %, но при разных выборах средней цены на недвижимость изменение имеет разный характер, что подтверждает правильность выбора подхода с учетом эластичности средней цены к инфляции.

Следующим коэффициентом модели является ключевая процентная ставка Банка России. Для адекватной оценки ее влияния на рынок недвижимости необходимо оценить ее средневзвешенное значение за каждый месяц. Расчет производился по следующей формуле:

$$AKIR_i = \sum_{j=1}^k KIR_j \times \frac{days_j}{days_i},$$

где $AKIR$ – средняя ключевая процентная ставка;

KIR – ключевая процентная ставка;

i – номер месяца в выборке;

j – период влияния ключевой процентной ставки в месяц;

k – количество изменений ключевой процентной ставки.

Используя данную методику, авторы оценили динамику ключевой ставки в период с января 2020 г. по сентябрь 2023 г., она представлена на рисунке 3.

² Инфляция в России // <https://gogov.ru/articles/inflation-ru>, дата обращения 16.12.2023.

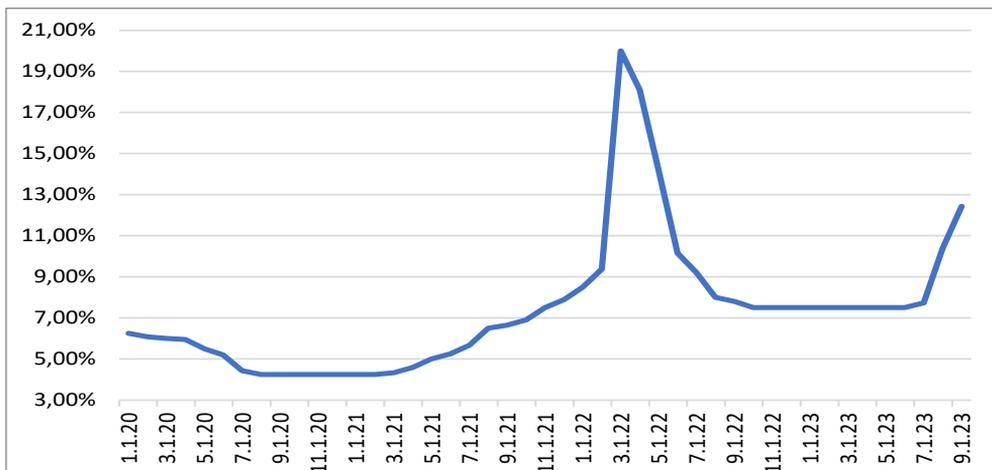


Рис. 3. Динамика основных процентных ставок

Источник: рассчитано авторами на основе статистических данных³

Третий фактор в модели, средний уровень заработной платы, оказывает косвенное влияние на спрос на недвижимость, так как напрямую влияет на сбережения граждан и возможность использования ипотечного кредитования. В рамках анализа двух городов были рассчитаны среднемесячные показатели для каждого из населенных пунктов. Динамика представлена на рисунке 4.

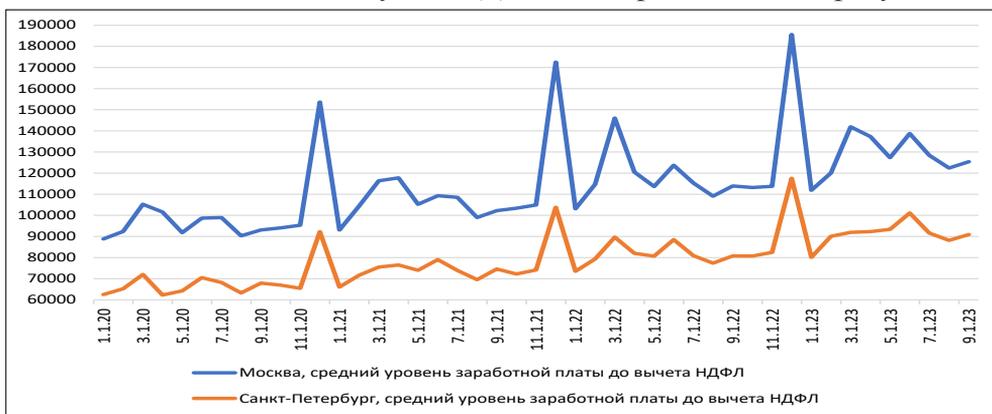


Рис. 4. Динамика средней заработной платы

Источник: рассчитано авторами на основе статистических данных^{4, 5}

³ Ключевая ставка Банка России // https://www.cbr.ru/hd_base/keyrate/, дата обращения 16.12.2023.

⁴ Средняя зарплата в Москве // <https://gogov.ru/average-salary/msk>, дата обращения 16.12.2023.

⁵ Средняя зарплата в Санкт-Петербурге // <https://gogov.ru/average-salary/spb>, дата обращения 16.12.2023.

Последний фактор – средневзвешенная процентная ставка по выданным ипотечным кредитам. Авторы использовали в модели отдельные показатели для первичного и вторичного рынков, поскольку влияние льготных программ поддержки приобретения нового жилья существенно влияет на повышение доступности покупки квартир в новостройках. Динамика процентных ставок представлена на рисунке 5.



Рис. 5. Средневзвешенная ставка по ипотечным кредитам

Источник: рассчитано авторами на основе статистических данных⁶

Таким образом, вышеперечисленные 4 фактора были использованы при построении регрессионной модели для определения средней цены квадратного метра в Москве и Санкт-Петербурге.

Результаты

В результате построения четырех регрессионных моделей для первичного и вторичного рынков Москвы и Санкт-Петербурга были достигнуты относительно высокие показатели объясняющей способности, r -квадрат каждой из них превышает 75 %. Характеристики моделей с коэффициентами каждого фактора представлены в таблице 1.

⁶ Средние ставки по ипотеке в России // <https://frankrg.com/data-hub/category/mortgage/chart/29497>, дата обращения 16.12.2023.

Характеристики регрессии

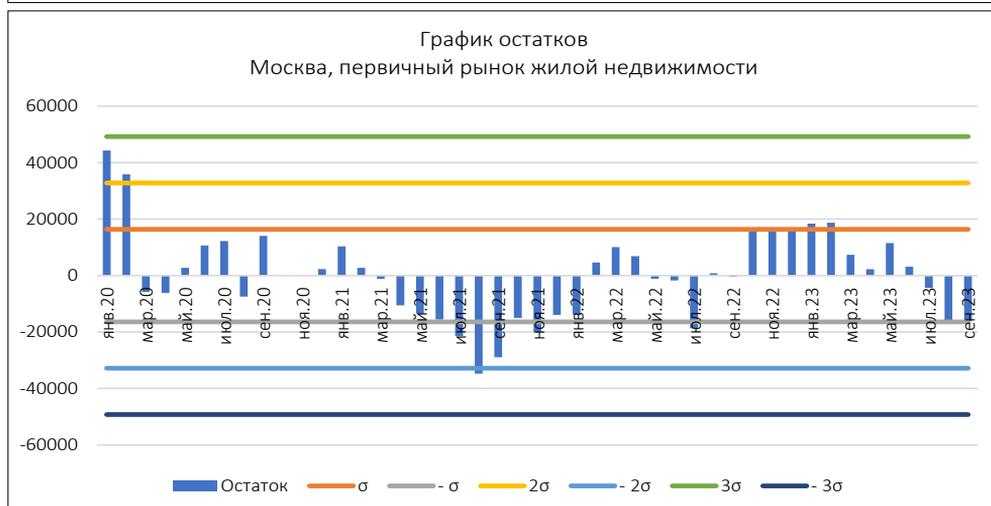
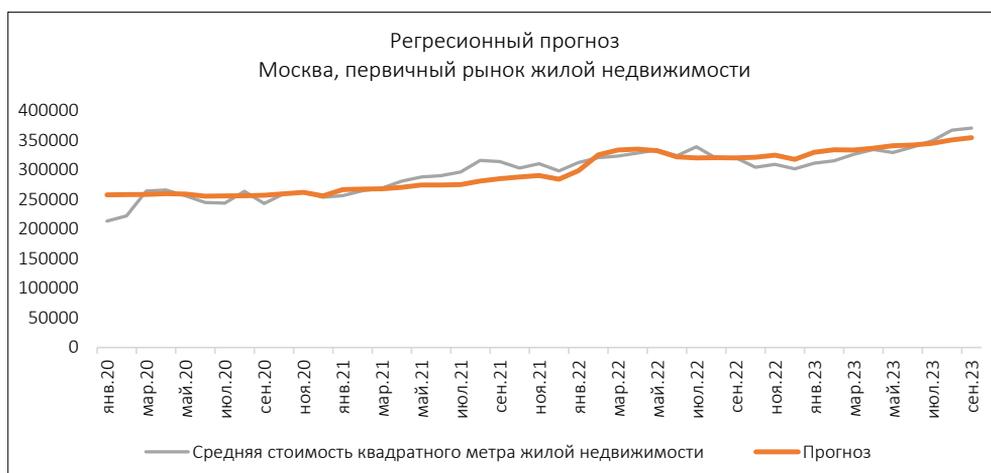
	Москва, первичный рынок	Москва, вторичный рынок	Санкт- Петербург, первичный рынок	Санкт- Петербург, вторичный рынок
r -квадрат	82 %	78 %	84 %	92 %
ст. отклонение	16 405,85	14 935,39	14 620,68	7898,40
Y -пересечение	-71 738,93	233 202,68	-49 587,14	30 563,66
β 1 коэффи- циент куму- лятивной ин- фляции	313 126,82	262 447,65	279 328,58	262 688,77
β 2, ключевая ставка	60 974,14	505 908,87	168 955,77	245 954,42
β 3, усреднен- ная зарпла- та	-0,14	-0,28	0,17	-0,24
β 4, средне- взвешенная ставка по ипотечным кредитам	289 315,45	-3 116 763,23	-995 618,82	-1 839 419,90

На основе построенных моделей можно выявить общие тенденции для первичного и вторичного рынков обоих городов. Во-первых, статистически значимые факторы совокупной инфляции и ключевой ставки Банка России имеют прямую зависимость от средней стоимости квадратного метра, что логично с теоретической точки зрения.

В то же время есть и ряд особенностей, для понимания которых необходимо вникнуть в специфику ипотечного кредитования на современном рынке. В трех моделях рост среднего заработка граждан влияет на снижение цены квадратного метра, за исключением рынка первичной недвижимости в Санкт-Петербурге. Общая тенденция к росту заработной платы увеличивает сбережения граждан, повышает размер первоначального взноса, тем самым снижая наценку застройщика на первичном рынке и уменьшая долю покупки по ипотеке на вторичном рынке, что также влияет на снижение цены. В то же время на первичном рынке в Санкт-Петербурге наблюдается обратная тенденция, зависимость прямая. Вероятно, это связано с тем, что в Петербурге у застройщиков менее распространена практика снижения стоимости за счет увеличения первоначального взноса и рынок новой недвижимости менее насыщен. Соответственно, рост зарплат увеличивает спрос при сохранении уровня предложения, что приводит к росту цен на квадратный метр.

В свою очередь, на первичном рынке в Москве наблюдается другая особенность. В трех моделях рост средневзвешенной ставки по ипотеке приводит к снижению цен на недвижимость. Это связано с уменьшением спроса на покупку жилья. Однако в случае с первичной недвижимостью в Москве существуют значительные льготы по снижению ставки для отдельных категорий граждан. Рост ипотечных ставок создает эффект ожидания окончания программы, увеличивая спрос. В то же время льготные программы обеспечивают застройщикам высокий уровень спроса, что позволяет им повышать цены на недвижимость в условиях увеличения средневзвешенной ставки по ипотеке.

Результаты построения линейной регрессии и сравнения прогнозных и реальных значений представлены на рисунке 6 и рисунке 7.



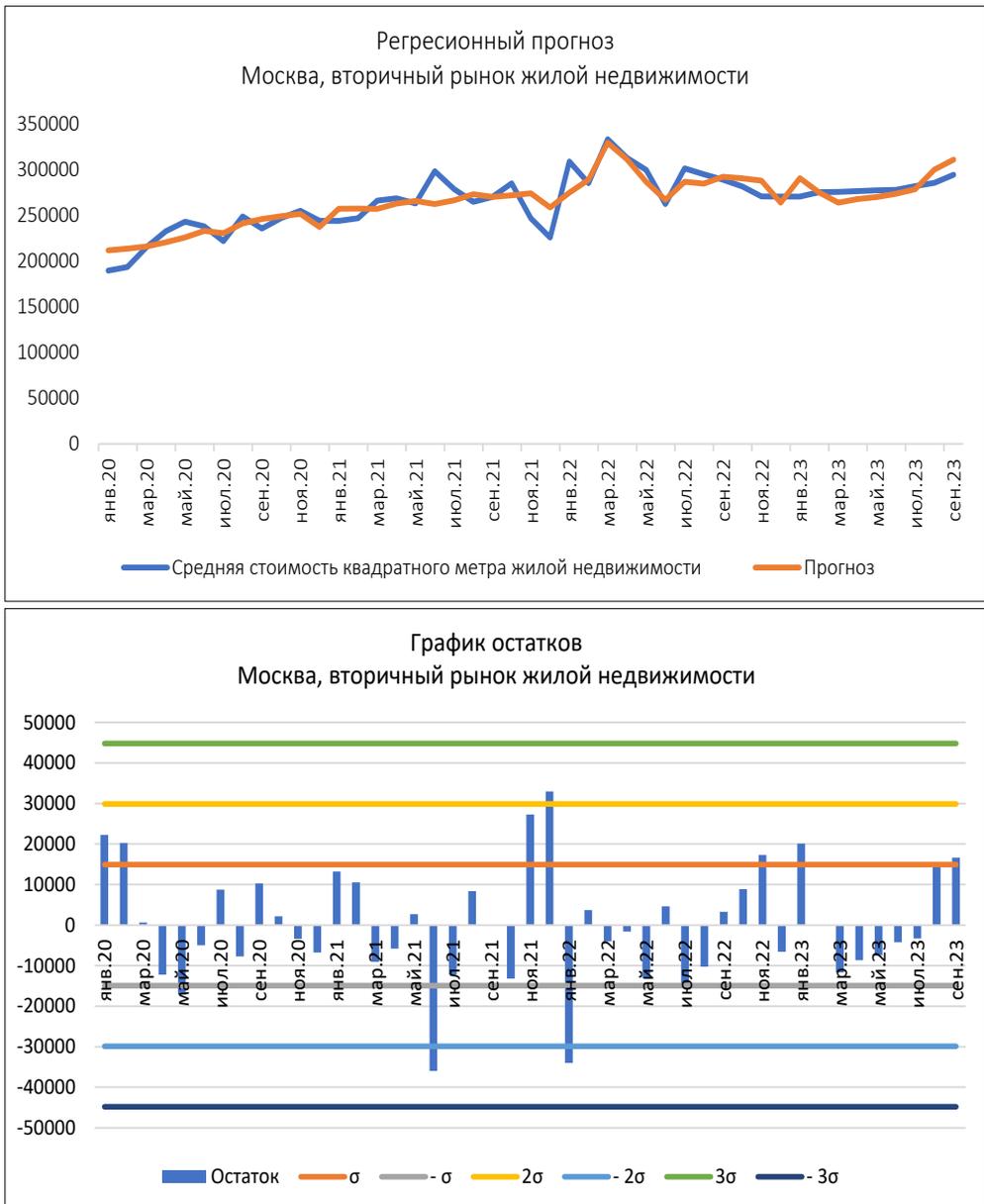
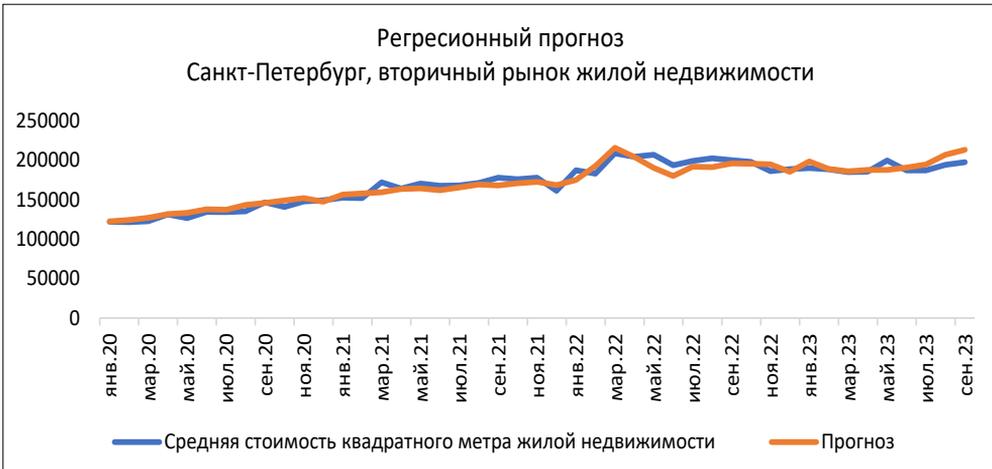
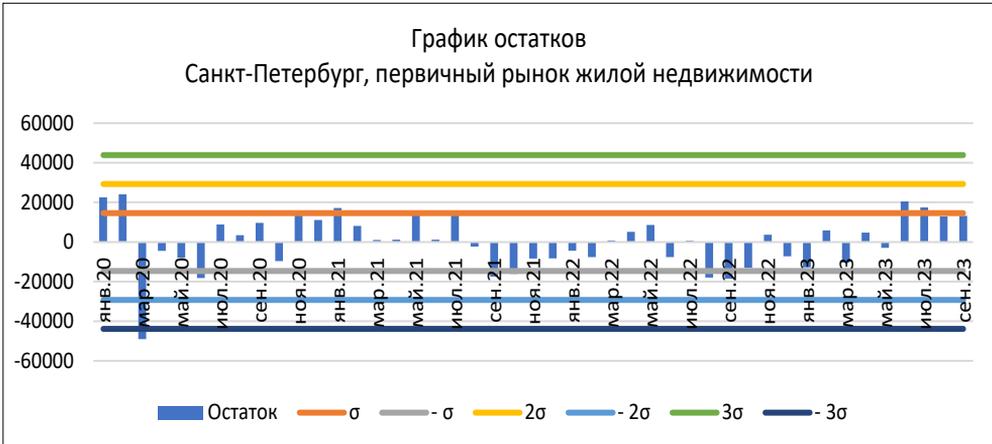
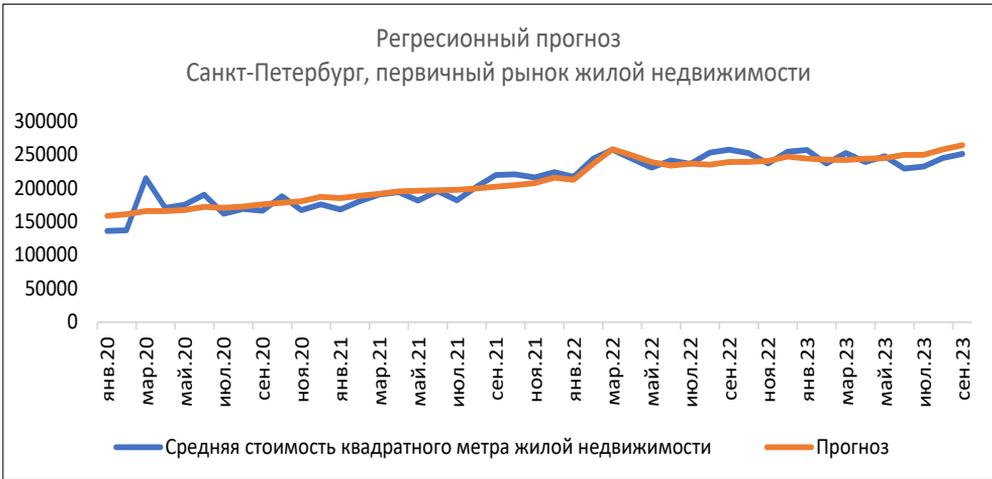


Рис. 6. Регрессионные модели, рынок недвижимости Москвы

Источник: рассчитано авторами



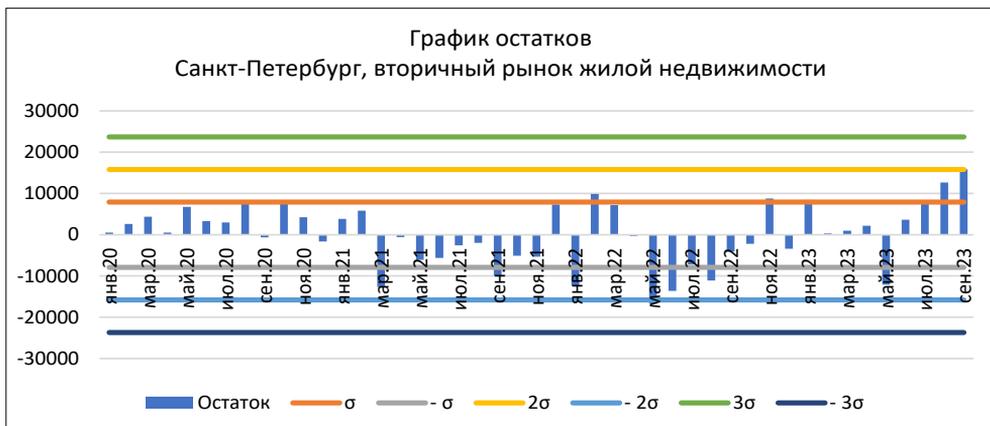


Рис. 7. Регрессионные модели, рынок недвижимости Санкт-Петербурга

Источник: рассчитано авторами

Обсуждение результатов

Построение регрессионной модели позволило создать инструмент для прогнозирования средней стоимости квадратного метра в регионе с относительно высоким уровнем объясняющей способности. Однако практическое применение модели может быть достигнуто при создании системы оценки стоимости отдельной квартиры. Оцениваемый параметр линейной регрессии — средняя стоимость квадратного метра — может стать ее первой компонентой. Важно понимать, насколько может меняться стоимость квартиры в зависимости от внешних условий, регрессионная модель помогает это сделать.

Чтобы перевести среднюю стоимость квадратного метра в стоимость квартиры, необходимо добавить параметры, характеризующие конкретный объект недвижимости: общую площадь, ремонт, близость транспортной и торговой инфраструктуры, год постройки дома, класс дома, престижность района и другие.

В рамках развития исследования авторы планируют расширить применение модели для зависимости стоимости отдельных квартир от различных факторов.

Выводы

Таким образом, в результате исследования был проведен обзор литературы по работам, посвященным оценке стоимости недвижимости и факторам, влияющим на цену квадратного метра. Разработана методика адаптации факторов для использования при построении регрессионной модели для определения средней стоимости квадратного метра жилой недвижимости на первичном и вторичном рынках. В результате исследования методика по-

строения модели была протестирована на данных первичного и вторичного рынков Москвы и Санкт-Петербурга, был достигнут высокий уровень объясняющей способности модели. В перспективе исследования – создание комбинированной модели оценки стоимости отдельных квартир с использованием созданной регрессионной модели для оценки внешних эффектов и добавлением новой – индивидуальных факторов объекта недвижимости.

Список литературы

Бедин Б. М., 2022. Влияние ставки по ипотечным кредитам на стоимость жилой недвижимости // *Baikal Research Journal*. № 2 (13). DOI: 10.17150/2411-6262.2022.13(2).31.

Дядева В. В., Шипилов Н. Ю., 2021. Рынок недвижимости. Подходы, исследование // *Скиф. Вопросы студенческой науки*. № 10 (62). С. 142–148.

Кулак Д. И., Зяблицкая Н. В., 2021. Факторы, влияющие на управление затратами на предприятии // *Региональные проблемы преобразования экономики*. № 11 (33). С. 104–113. DOI: 10.26726/1812-7096-2021-11-104-113.

Смирнова И. В., Щесняк К. Е., 2011. Влияние социально-экономических факторов на развитие рынка жилой недвижимости // *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки*. № 4 (127). С. 133–140.

Шурунова В. В., 2018. Анализ рынка вторичной жилой недвижимости мегаполиса // *Экономика и социум*. № 8 (51). С. 231–234.

Fominuh A. V., 2021. Method for finding a solution to a linear nonstationary interval ODE system // *Vestnik of saint Petersburg University. Applied Mathematics. Computer Science. Control Processes*. Vol. 17. No. 2. P. 148–165. DOI 10.21638/11701/spbu10.2021.205.

Средняя стоимость квартир в Москве // <https://gogov.ru/average-property-prices/msk>, дата обращения 16.12.2023.

Инфляция в России // <https://gogov.ru/articles/inflation-ru>, дата обращения 16.12.2023.

Ключевая ставка Банка России // https://www.cbr.ru/hd_base/keyrate/, дата обращения 16.12.2023.

Средняя зарплата в Москве // <https://gogov.ru/average-salary/msk>, дата обращения 16.12.2023.

Средняя зарплата в Санкт-Петербурге // <https://gogov.ru/average-salary/spb>, дата обращения 16.12.2023.

Средние ставки по ипотеке в России // <https://frankrg.com/data-hub/category/mortgage/chart/29497>, дата обращения 16.12.2023.

MUDROVA Svetlana V., PhD in Economics, Associate Professor of the Department of Political Economy and History of Economic Science, Plekhanov Russian University of Economics

Address: Russian Federation, Moscow, 117997, 36, Stremyannyi per.

E-mail: Mudrova.sv@rea.ru

SPIN-code: 7714-3400

ORCHID: 0000-0002-3907-5371

BOLONKIN Vladislav I., master's degree student, Plekhanov Russian University of Economics

Address: Russian Federation, Moscow, 117997, 36, Stremyannyi per.

E-mail: bolonkin-vladislav@rambler.ru

ORCHID: 0000-0003-3483-6116

DAVYDOV Alexey E., master's degree student, Plekhanov Russian University of Economics

Address: Russian Federation, Moscow, 117997, 36, Stremyannyi per.

E-mail: davydov.alexey.e@gmail.com

ORCHID: 0000-0001-7625-6086

IMPACT OF SOME FACTORS ON PRICING IN THE REAL ESTATE MARKET OF RUSSIAN MEGACITIES

DOI: 10.48137/26870703_2024_26_2_138

Received: 05.02.2024.

For citation: *Mudrova S. V., Bolonkin V. I., Davydov A. E., 2024. Impact of Some Factors on Pricing in the Real Estate Market of Russian Megacities. – Geoeconomics of Energetics. № 2 (26). P. 138–156. DOI: 10.48137/26870703_2024_26_2_138*

Keywords: real estate, factor analysis, pricing, primary real estate market, secondary real estate market, cost per square meter, mortgage, alternative investment.

Abstract

The authors analyze pricing in the residential real estate market in Moscow and St. Petersburg – the largest cities of the Russian Federation in the article. The issue of the cost of residential real estate is one of the most important for the residents of Russian megapolises. Megapolicies are the largest centers of migration, both from other regions and from other countries. The population of such cities is expanding at a significant rate, and the construction industry is increasing the rate of creation of new real estate objects. Under such conditions, it is crucial to realize the dependence of real estate value and key externalities.

Within the framework of the study, the authors rely on the works in the field of real estate valuation and statistical methodology. The group of authors puts forward statistical hypotheses about the impact of some factors, in particular the level of

cumulative inflation, the key rate set by the Central Bank of the Russian Federation, the average level of wages in the region and the weighted average rate on mortgage loans to citizens on the formation of the weighted average cost per square meter of housing in Russian cities.

The statistical method of factor analysis is used to assess the significance of each of the factor variables on the resulting parameter. Regression modeling allows estimating the degree of impact of significant factors on the cost per square meter of residential real estate. The models allow to assess the trends of changes in the cost of real estate on the primary and secondary residential real estate markets in Russian megacities, as well as provide an opportunity to consider the differentiation in the impact of each factor between different types of markets in different cities.

The results of the study may be useful in building industry forecasts and developing government measures to support residential construction.

References

Bedin B. M., 2022. The impact of mortgage rates on the value of residential real estate // *Baikal Research Journal*. No. 2 (13). DOI: 10.17150/2411-6262.2022.13(2).31. (In Russ.)

Dyadeva V. V., Shipilov N. Yu., 2021. Real estate market. Approaches, research // *Skif. Questions of student science*. No. 10 (62). Pp. 142–148. (In Russ.)

Kulak D. I., Zyablitskaya N. V., 2021. Factors affecting cost management in the enterprise // *Regional problems of economic transformation*. No. 11 (33). Pp. 104–113. DOI: 10.26726/1812-7096-2021-11-104-113. (In Russ.)

Smirnova I. V., Shchesnyak K. E., 2011. The influence of socio-economic factors on the development of the residential real estate market // *Scientific and Technical Bulletin of St. Petersburg State Polytechnic University. Economic sciences*. No. 4 (127). Pp. 133–140. (In Russ.)

Shurunova V. V., 2018. Analysis of the megalopolis secondary residential real estate market // *Economics and society*. No. 8 (51). Pp. 231–234. (In Russ.)

Fominyh A. V., 2021. Method for finding a solution to a linear nonstationary interval ODE system // *Vestnik of saint Petersburg University. Applied Mathematics. Computer Science. Control Processes*. Vol. 17. No. 2. Pp. 148–165. DOI 10.21638/11701/spbu10.2021.205. (In Eng.)

The average cost of apartments in Moscow // <https://gogov.ru/average-property-prices/msk>, accessed 16.12.2023. (In Russ.)

Inflation in Russia // <https://gogov.ru/articles/inflation-rf>, accessed 16.12.2023. (In Russ.)

The key rate of the Bank of Russia // https://www.cbr.ru/hd_base/keyrate/, accessed 16.12.2023. (In Russ.)

Average salary in Moscow // <https://gogov.ru/average-salary/msk>, accessed 16.12.2023. (In Russ.)

Average salary in St. Petersburg // <https://gogov.ru/average-salary/spb>, accessed 16.12.2023. (In Russ.)

Average mortgage rates in Russia // <https://frankrg.com/data-hub/category/mortgage/chart/29497>, accessed 16.12.2023. (In Russ.)

Лилит ЛАЛАЯН

ЭКСПОРТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КИРГИЗИИ В АГРОПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ

Дата поступления в редакцию: 26.05.2024

Для цитирования: Лалаян Л. А., 2024. Экспортный потенциал Киргизии в агропромышленном комплексе. – Геоэкономика энергетики. № 2 (26). С. 157–167. DOI: 10.48137/26870703_2024_26_2_157

* Научный руководитель – **Мигранян А. А.**, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой ВШКУ РАНХиГС, ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований, Институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН.

В статье рассматривается экспортный потенциал Киргизии в агропромышленном комплексе. Уникальное географическое положение страны и экологичное земледелие способствуют выращиванию фруктов, обладающих большим полезными микроэлементами. В таких условиях киргизские продукты получают сертификаты соответствия международным стандартам. Финансовые и нефинансовые меры поддержки экспорта со стороны правительства страны и ЕАЭС помогают фермерам в продвижении своей продукции на международных рынках.

В свою очередь, в ОАЭ можно наблюдать рост популярности органических продуктов, в том числе сухофруктов. Между странами заключены таможенные соглашения, способствующие стабильному сотрудничеству. Для оценки перспектив торговых отношений между странами авторами был проведен *PESTLE* и *SWOT* анализ. В статье представлены рекомендации по продвижению киргизских сухофруктов на рынке ОАЭ.

В последние годы во всем мире растет спрос на здоровые и натуральные продукты. Среди них значительную популярность завоевали сухофрукты благодаря их питательным свойствам и удобству использования. В данной статье рассматривается потенциал экспорта высококачественных органи-

ЛАЛАЯН Лилит Арменовна, бакалавр, Высшая школа корпоративного управления РАНХиГС. Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 119571, пр-т. Вернадского, д. 82, корп. 4. E-mail: lalayanlilit00@mail.ru.

Ключевые слова: экспортный потенциал, Киргизия, органические сухофрукты, Объединенные Арабские Эмираты, агропромышленный комплекс, сотрудничество, таможенные соглашения.

ческих горных сухофруктов из Киргизии в Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ). Учитывая растущий интерес ОАЭ к здоровому образу жизни и натуральным продуктам, а также уникальные вкусовые характеристики и органические методы производства киргизских сухофруктов, это предприятие представляет собой многообещающую возможность.

Цель статьи: исследование потенциала экспорта высококачественных органических горных сухофруктов из Киргизии в Объединенные Арабские Эмираты.

Научная и практическая значимость работы: в исследовании проведен анализ актуальных трендов в сфере здорового питания и спроса на натуральные продукты в ОАЭ. Осуществлена оценка потенциала киргизского рынка органических горных сухофруктов для экспорта. Выявлены перспективных направлений сотрудничества между Киргизией и ОАЭ в сфере агропромышленного комплекса.

Методология: исследование проведено при помощи общенаучных методов, методов статистического анализа, анализа законодательной базы.

Результаты/выводы: в результате исследования установлено, что ОАЭ является перспективным рынком для киргизских органических горных сухофруктов. Определены ключевые факторы успеха для экспорта: высокое качество продукции, органическое производство, доступная цена, эффективная логистика. Представлены рекомендации по продвижению киргизских сухофруктов на рынке ОАЭ.

Ценность проведенного исследования: Повышение осведомленности о потенциале киргизского агропромышленного комплекса. Создание основы для развития экспортных возможностей Киргизии.

Практическое значение итогов работы: Исследование может быть использовано для формулирования рекомендаций по оптимизации производства и экспорта органических сухофруктов из Киргизии. Результаты работы могут имплементироваться в процесс внедрения эффективных маркетинговых стратегий для продвижения киргизской продукции в ОАЭ.

Киргизская Республика (КР) расположена в сердце Центральной Азии, славится своей первозданной природой и традиционными методами ведения сельского хозяйства. Горные районы Киргизии, в частности Тянь-Шань и Памир, представляют собой идеальные условия для выращивания разнообразных фруктов. Эти фрукты, будучи высушенными, сохраняют свой уникальный вкус и питательные свойства, что делает их очень востребованными на международных рынках. Органическая природа этих фруктов является дополнительным преимуществом, поскольку мировые потребители все больше склоняются к органическим и экологически чистым продуктам питания.

Сельское хозяйство было краеугольным камнем промыслов киргизского общества на протяжении веков. Плодородные долины и высокогорные луга Киргизии традиционно способствовали выращиванию широкого спектра

сельскохозяйственных культур. Исторически сложилось, что киргизские фермеры полагаются на естественные методы земледелия, исключая использование синтетических удобрений и пестицидов [Агропромышленный комплекс Киргизстана, 2022]. Эта давняя традиция органического земледелия хорошо согласуется с современной глобальной тенденцией к устойчивому сельскому хозяйству.

Распад Советского Союза в 1991 г. внес значительные изменения в сельскохозяйственный ландшафт Киргизии [Мигранян, 2020]. В советское время сельское хозяйство в Киргизии было в значительной степени коллективизировано, и в нем доминировали крупные государственные хозяйства. В постсоветский период произошел сдвиг в сторону приватизации и появления мелких фермерских хозяйств [Prospects for Development of Kyrgyzstan's Food Market, 2016]. Этот переход позволил киргизским фермерам вернуться к более традиционным и устойчивым методам ведения сельского хозяйства.

На современном этапе Киргизия достигает успехов в продвижении органического сельского хозяйства. Правительство, а также неправительственные организации участвуют в поддержке фермеров в получении органической сертификации [Прогноз социально-экономического развития КР на 2023–2027 гг., 2022]. Этот процесс сертификации гарантирует, что сельскохозяйственная продукция из Киргизстана соответствует международным стандартам для органических продуктов, что делает ее более привлекательной для взыскательных потребителей на таких рынках, как ОАЭ. Параллельно в Киргизии реализуются финансовые и нефинансовые меры по поддержке экспорта. Поскольку Киргизия является членом Евразийского экономического союза (ЕАЭС), формулирование подходов происходило на площадке Союза [Доклад о предложениях..., 2021; Промышленные субсидии ЕАЭС, 2024].

К финансовым мерам относятся:

- Финансирование экспортных операций;
- Финансирование международных;
- маркетинговых исследований;
- Льготные кредиты;
- Субсидии на транспортные расходы;
- Налоговые льготы.

Нефинансовые меры включают:

- Проведение обучающих программ и консультаций;
- Упрощение процедур экспорта;
- Проведение маркетинговых кампаний;
- Развитие инфраструктуры;
- Проведение выставок и ярмарок.

Одной из отличительных особенностей киргизских сухофруктов является их уникальный вкусовой профиль. Высокогорная среда, в которой выращиваются эти фрукты, играет решающую роль в формировании их

характерного вкуса. Сочетание обильного солнечного света, прохладной температуры и богатой минералами почвы приводит к тому, что фрукты обладают интенсивным вкусом и богаты питательными веществами.

Абрикосы, яблоки и сливы — одни из самых распространенных сушеных фруктов в Киргизии. Каждый из этих фруктов обладает уникальным вкусом, который усиливается в процессе сушки. Например, киргизские абрикосы известны своим сладким и слегка терпким вкусом, а сушеные киргизские яблоки обладают хрустящим и освежающим вкусом. Эти уникальные вкусовые характеристики делают киргизские сухофрукты продуктом премиум-класса на международных рынках [Анализ динамики агропромышленного сектора Киргизии, 2022].

ОАЭ занимают 22-е место по импорту сухофруктов, что свидетельствует о значительном потенциале рынка. Согласно отчету *Emirates Food Market*, объем потребления сухофруктов в ОАЭ в 2022 г. составит 30 тыс. т, что на 15 % больше, чем в предыдущем году [*Emirates Food Market Report*, 2022]. Этот рост свидетельствует о растущем интересе потребителей ОАЭ к здоровому образу жизни. Примечательно, что 20 % населения ОАЭ включают сухофрукты в свой ежедневный рацион, что свидетельствует о наличии значительной рыночной базы для этой продукции [*Kyrgyzstan Agricultural Sector Review*, 2021].

Процесс органической сертификации в Киргизии включает в себя несколько этапов, в том числе тестирование почвы, проверку методов ведения сельского хозяйства, соблюдение рекомендаций по использованию натуральных удобрений и методов борьбы с вредителями. Фермеры, успешно прошедшие этот процесс, получают сертификат органического производства, который они могут использовать для продажи своей продукции. Такая сертификация не только повышает ценность продукции, но и способствует укреплению доверия потребителей, которых все больше волнуют вопросы безопасности продуктов питания и экологической устойчивости.

Разнообразие эмигрантского населения ОАЭ также способствует спросу на широкий ассортимент продуктов питания. Жители со всего мира постоянно привносят новые кулинарные тенденции и предпочтения. Это разнообразие открывает возможность для внедрения уникальных продуктов, таких как киргизские сухофрукты, которые могут удовлетворить эклектичные вкусы рынка ОАЭ [Викторова, 2022].

Киргизия и ОАЭ заключили таможенные соглашения, которые способствуют развитию торговли между двумя странами. Эти соглашения имеют решающее значение для бесперебойного осуществления экспортных операций и установления конкурентоспособных цен. Потенциальные изменения в таможенных правилах и пошлинах должны тщательно отслеживаться, чтобы смягчить любые негативные последствия для торговли. Кроме того, политическая стабильность как в Киргизии, так и в ОАЭ способствует благоприятным условиям торговли. Однако необходимо учитывать возможные измене-

ния в политической обстановке, которые могут повлиять на торговлю. Обе страны должны стремиться к поддержанию стабильных политических отношений для обеспечения постоянного и выгодного торгового партнерства.

Для оценки перспектив торговых отношений между странами авторами был проведен *PESTLE* и *SWOT* анализ, результатах которых представлены ниже:

Таблица 1

PESTLE-анализ перспектив торговых отношений между Киргизией и ОАЭ

Политические факторы	Экономические факторы	Социокультурные факторы	Технологические факторы	Юридические факторы	Экологические факторы
Существующие таможенные соглашения между КР и ОАЭ	Уровень ВВП: рост ВВП в ОАЭ и его влияние на покупательскую способность	Потребительские предпочтения: спрос на натуральные и органические продукты в ОАЭ	Инновации в сельском хозяйстве: использование современных методов возделывания сельскохозяйственных культур в КР	Таможенные правила и нормативы: соблюдение требований и стандартов таможенного оформления	Экологическая устойчивость производства: соблюдение экологических стандартов в производстве сухофруктов
Потенциальные изменения в таможенных правилах и пошлинах	Инфляция и курс валют: уровень инфляции в ОАЭ и возможные изменения курса валют	Культурные особенности, влияющие на предпочтения потребителей	Технологический уровень обработки и упаковки сухофруктов	Местные законы и лицензии: необходимость соответствия продукции местным законам и правилам	Внимание к вопросам устойчивости в цепочке поставок
Политическая стабильность: текущая политическая ситуация в КР и ОАЭ	Влияние на цены и импортируемые товары	Демография: структура населения, возрастные группы	Цифровые технологии в логистике: применение цифровых решений для улучшения логистики и отслеживания поставок	Получение необходимых лицензий для экспорта	
Возможные изменения в политической обстановке и их влияние на торговлю	Стабильность финансового сектора: состояние финансового сектора в ОАЭ, доступность финансирования для бизнеса	Требования к продукции в зависимости от возраста			

Источник: составлено авторами

SWOT-анализ перспектив торговых отношений между Киргизией и ОАЭ

<i>Strengths</i>	Возможность диверсификации рынка Уникальность Натуральность
<i>Weakness</i>	Логистика Нехватка известности Конкуренция
<i>Opportunities</i>	Повышение спроса на органические продукты Создание бренда Партнерство с местными дистрибьюторами
<i>Threats</i>	Изменение законодательства Конкуренция Экономическая нестабильность

Источник: составлено авторами

Средняя цена на сухофрукты на рынке ОАЭ в 2022 г. составляла 20 дирхамов за 1 кг. Конкурентоспособная цена в сочетании с превосходным качеством и органической природой киргизских сухофруктов делает их привлекательным вариантом для потребителей ОАЭ, ищущих более здоровые альтернативы. Эта ценовая стратегия может быть усилена за счет акцентирования внимания на уникальных преимуществах продукта, таких как его происхождение из нетронутых горных регионов Киргизстана, известных своим чистым воздухом и почвой.

Эффективная логистика и управление цепочкой поставок имеют решающее значение для успеха экспорта сухофруктов из Киргизии в ОАЭ. Географическое расстояние между двумя странами требует наличия хорошо организованной транспортной сети. Киргизия, как страна, не имеющая выхода к морю, в значительной степени полагается на свои автомобильные и железнодорожные сети для внутренних перевозок. Оттуда товары обычно отправляются на международные рынки воздушными или морскими путями.

Чтобы обеспечить качество сухофруктов во время транспортировки, необходимо поддерживать надлежащие условия хранения. Чтобы сухофрукты не испортились и сохранили свою питательную ценность, они должны храниться в сухом и прохладном помещении. Внедрение передовых логистических решений, таких как хранение с контролем температуры и системы отслеживания в режиме реального времени, может помочь сохранить качество продукции во время транспортировки [*Trade Statistics of the UAE, 2022*].

Для продвижения киргизских сухофруктов на рынке ОАЭ необходимы эффективные маркетинговые стратегии. Целевая аудитория – это стратегические покупатели, покупатели, которые ведут здоровый образ жизни, представители бизнес-сектора. К каналам продаж относятся оптовые продажи,

онлайн-продажи, партнерство с дистрибьюторами. Способы продвижения включают инструменты *digital*-маркетинга, участие в выставках и ярмарках, партнерства и спонсорства, таргетированную рекламу. Поиск зарубежных контактов может осуществляться офлайн и онлайн. К онлайн-методам относятся профессиональные (*LinkedIn, Xing u Viadeo*) и соцсети (*Facebook, Twitter* *), тематические платформы, электронные бизнес-ресурсы, трейдерские платформы. Основные методы поиска дополняют выставки, нетворкинг, бизнес миссии, содействие разных гос. организаций, международных клубов и ассоциаций, работа через консалтинговые компании.

Рынок ОАЭ обладает спецификой – особенностями импорта продуктов питания [*Trade Statistics of the UAE, 2022*]. Требования ОАЭ включают:

1. *Health Certificate*;
2. Запись температурного режима транспортировки, если заморозка или охлажденные;
3. *Packing list*/Упаковочный лист;
4. Сертификат страны происхождения;
5. Коммерческая торговая лицензия иностранного партнёра в ОАЭ, с указанной активностью *Foodstuff Trading/General Trading*;
6. Накладная/таможенная декларация, заказ на поставку или коносамент;
7. Прочие сертификаты подтверждающие знаки на упаковке – *GMO Free, Gluten Free, Nutrition Facts* и т.д.

Подчеркивание уникальных вкусовых качеств, органической сертификации и полезных свойств этих фруктов может привлечь потребителей, заботящихся о здоровье. Использование цифровых маркетинговых платформ, социальных сетей и сотрудничества с влиятельными лицами может помочь в привлечении широкой аудитории.

Кроме того, участие в продовольственных выставках и торговых ярмарках в ОАЭ может дать возможность продемонстрировать киргизские сухофрукты потенциальным покупателям и дистрибьюторам. Эти мероприятия также могут послужить платформой для налаживания контактов и построения деловых отношений с ключевыми участниками пищевой промышленности.

Несмотря на многообещающий потенциал экспорта киргизских сухофруктов в ОАЭ, существует ряд проблем, которые необходимо решить. К ним относятся обеспечение стабильного качества, управление логистикой и соблюдение нормативных требований. Разработка надежных механизмов контроля качества и инвестиции в современную логистическую инфраструктуру могут помочь в преодолении этих проблем. Кроме того, для обеспечения бесперебойной работы торговых предприятий необходимо

* принадлежат компании *Meta Platforms Inc.*, которая признана экстремистской и ее деятельность запрещена на территории России.

постоянно следить за изменениями в нормативно-правовой базе и поддерживать соответствие международным стандартам.

Устойчивость является ключевым фактором в современном сельском хозяйстве и производстве продуктов питания. Методы органического земледелия, применяемые в Киргизии, не только позволяют получать высококачественные фрукты, но и оказывают меньшее воздействие на окружающую среду по сравнению с традиционными методами земледелия. Органическое земледелие помогает сохранить здоровье почвы, сократить потребление воды и минимизировать загрязнение окружающей среды [*Political Stability and Economic Relations in CA*, 2021].

Продвижение аспекта экологичности киргизских сухофруктов может привлечь экологически сознательных потребителей в ОАЭ. Подчеркивание экологически чистых методов, используемых в процессе производства, может выделить эти продукты на фоне конкурентов и создать лояльную клиентскую базу.

Изучение примеров успешного экспорта органической продукции из других стран может дать Киргизии ценные знания. Например, такие страны, как Перу и Турция, успешно позиционировали свои органические продукты на международных рынках, используя уникальные методы ведения сельского хозяйства и сильные маркетинговые стратегии. Эти тематические исследования могут дать уроки по стратегиям выхода на рынок, брендингу и важности поддержания высоких стандартов качества.

Чтобы максимально использовать потенциал экспорта сухофруктов в ОАЭ, рекомендуется провести тщательное исследование рынка, чтобы понять потребительские предпочтения и тенденции. Поддержание высоких стандартов качества и органическая сертификация помогут выделить киргизские сухофрукты на фоне конкурентов. Разработка целевых маркетинговых стратегий для продвижения уникальных преимуществ и вкусовых качеств киргизских сухофруктов может увеличить проникновение на рынок. Кроме того, постоянное информирование об изменениях в таможенных правилах и политической ситуации позволит быстро адаптироваться к любым изменениям. Партнерство с розничными сетями ОАЭ и магазинами здорового питания может еще больше расширить охват рынка.

Экспорт высококачественных органических горных сухофруктов из Киргизстана в ОАЭ представляет собой выгодную возможность, обусловленную растущим спросом на здоровые и натуральные продукты. Уникальные вкусовые характеристики, органические методы производства и растущий интерес к здоровому образу жизни в ОАЭ создают благоприятные условия для такой торговли. Используя существующие таможенные соглашения и поддерживая политическую стабильность, обе страны могут получить экономическую выгоду. Это предприятие не только поддерживает тенденции здорового образа жизни в ОАЭ, но и укрепляет экономические

связи между Киргизией и ОАЭ. В заключение следует отметить, что экспорт органических горных сухофруктов из Киргизией в ОАЭ представляет собой выгодную возможность, обусловленную растущим спросом.

Список литературы

Мигранян А. А., 2020. Российско-киргизское экономическое взаимодействие: итоги десятилетия. Часть 2. Торгово-экономическое сотрудничество России и Киргизии // *Обозреватель*, № 12 (371), С. 87-95.

Убайдуллаев М. Б., Кежеева М. А., Асанов Б. М., Абдрасулова Ж. Ж., 2022. Агропромышленный комплекс Киргизстана – проблемы и современные реалии. // *Вестник ОшГУ*, № 2, С. 140-147. DOI: 10.52754/16947452_2022_2_140

Чортонбаевы А. Т., Чортонбаев У. Т., Султаналиева Т. С., 2022. Анализ динамики агропромышленного сектора Киргизии. // *Фундаментальный исследования*, № 8, С. 142-146. DOI: 10.17513/fr.43317

Uzenbaev R., Mardaliev L., Abdiev M., Umarov S., Ergeshov K., 2019. Prospects for Development of Kyrgyzstan's Food Market in the Conditions of Integration in the EAEU. // *Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT*, Pp.859-869. DOI: 10.1007/978-3-030-13397-9_88.

Викторова Н., 2022. ОАЭ и Киргизстан обсудили расширение сотрудничества // <https://www.businessemirates.ae/news/uae-property-news/oae-i-kyrgyzstan-obsudili-rasshireniye-sotrudnichestva/>, дата обращения 20.05.2024.

Доклад о предложениях по формированию благоприятной конкурентной среды для развития предпринимательства, раскрытию потенциала малого и среднего бизнеса, 2021 // <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/eb4/Doklad.pdf?ysclid=lwhofcjsxsf925111790>, дата обращения 19.05.2024.

Прогноз социально-экономического развития Киргизской Республики на 2023–2027 годы. 2022. Министерство экономики и коммерции Киргизской Республики // https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/c72/Prognoz-KR-2023_2027-post-484.pdf?ysclid=lwho0rpl9b394652102, дата обращения 20.05.2024.

Промышленные субсидии ЕАЭС. Евразийская экономическая комиссия. // https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_prom/promyshlennye-subsidii/?ysclid=lwhodpzj90221652248, дата обращения 20.05.2024.

Emirates Food Market Report. Consumption Volume of Dried Fruits in the UAE, 2022 // <https://www.emiratesfoodmarket.com/report/2022>, дата обращения 21.05.2024.

Political Stability and Economic Relations in Central Asia. Central Asia Data Center, 2021 // <https://www.centralasiadatacenter.com/publications/stability-and-economics>, дата обращения 21.05.2024.

Trade Statistics of the United Arab Emirates. UAE Ministry of Economy. 2022. // <https://www.moec.gov.ae/documents/20121/0>, дата обращения 21.05.2024.

LALAYAN Lilit A., Bachelor's degree, Higher School of Corporate Governance, RANEPA

Address: 82, b. 4, Moscow, 119571, Russian Federation.

E-mail: lalayanlilit00@mail.ru

* *Scientific supervisor* – **Mihranyan A. A.**, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Higher School of Economics RANEPA, Leading Researcher at the Center for Post-Soviet Studies, the Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences.

EXPORT POTENTIAL OF KYRGYZSTAN IN THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX

DOI: 10.48137/26870703_2024_26_2_157

Received: 26.05.2024

For citation: *Lalayan L. A.*, 2024. Export Potential of Kyrgyzstan In the Agro-Industrial Complex. – *Geoeconomics of Energetics*. № 2 (26). P. 157–167.
DOI: 10.48137/26870703_2024_26_2_157

Keywords: export potential, Kyrgyzstan, organic dried fruits, United Arab Emirates, agro-industrial complex, cooperation, customs agreements

Abstract

The article examines the export potential of Kyrgyzstan in the agro-industrial complex. The unique geographical location of the country and eco-friendly agriculture contribute to the cultivation of fruits with a large amount of useful micronutrients. In such conditions, Kyrgyz products receive certificates of compliance with international standards. Financial and non-financial export support measures by the Government of the country and the EAEU help farmers to promote their products on international markets.

In turn, in the UAE one can observe an increase in the popularity of organic products, including dried fruits. Customs agreements have been concluded between the countries, contributing to stable cooperation. To assess the prospects of trade relations between the countries, the authors conducted a PEST and SWOT analysis. The article presents recommendations for the promotion of Kyrgyz dried fruits in the UAE market.

References

Mihranyan A. A., 2020. Russian-Kyrgyz economic cooperation: the results of the decade. Part 2. Trade and economic cooperation between Russia and Kyrgyzstan // *Observer*, No. 12 (371), pp. 87-95. (In Russ.)

Ubaidullaev M. B., Kezheeva M. A., Asanov B. M., Abdrasulova Zh. Zh., 2022. Agro–industrial complex of Kyrgyzstan - problems and modern realities. // Bulletin of OSH State University, No. 2, Pp. 140-147. DOI: 10.52754/16947452_2022_2_140. (In Russ.)

Chortonbaev A. T., Chortombaev U. T., Sultanalieva T. S., 2022. Analysis of the dynamics of the agro-industrial sector of Kyrgyzstan. // Fundamental Research, No. 8, pp. 142-146. DOI: 10.17513/fr.43317. (In Russ.)

Uzenbaev R., Mardaliev L., Abdiev M., Umarov S., Ergeshov K., 2019. Prospects for Development of Kyrgyzstan's Food Market in the Conditions of Integration in the EAEU. // Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT, Pp.859-869. DOI: 10.1007/978-3-030-13397-9_88. (In Eng.)

Viktorova N., 2022. The UAE and Kyrgyzstan discussed the expansion of cooperation // <https://www.businessemirates.ae/news/uae-property-news/oae-i-kyrgyzstan-obsudili-rasshireniye-sotrudnichestva/>, accessed 20.05.2024. (In Russ.)

Report on proposals for creating a favorable competitive environment for the development of entrepreneurship, unlocking the potential of small and medium-sized businesses, 2021 // <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/eb4/Doklad.pdf?ysclid=lwhofcjsxsf925111790>, accessed 19.05.2024. (In Russ.)

Forecast of socio-economic development of the Kyrgyz Republic for 2023-2027. 2022. Ministry of Economy and Commerce of the Kyrgyz Republic // https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/c72/Prognoz-KR-2023_2027-post-484.pdf?ysclid=lwho0rp19b394652102, accessed 20.05.2024. (In Russ.)

Industrial subsidies of the EAEU. The Eurasian Economic Commission. // https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_prom/promyshlennye-subsidii/?ysclid=lwhodpzj90221652248, accessed 20.05.2024. (In Russ.)

Emirates Food Market Report. Consumption Volume of Dried Fruits in the UAE, 2022 // <https://www.emiratesfoodmarket.com/report/2022>, accessed 21.05.2024. (In Eng.)

Political Stability and Economic Relations in Central Asia. Central Asia Data Center, 2021 // <https://www.centralasiadatacenter.com/publications/stability-and-economics>, accessed 21.05.2024. (In Eng.)

Trade Statistics of the United Arab Emirates. UAE Ministry of Economy, 2022. // <https://www.moec.gov.ae/documents/20121/0>, accessed 21.05.2024. (In Eng.)

CONTENTS

EDITORIAL	4
GLOBAL AND REGIONAL SYSTEMS	
GROZIN A. <i>India and The Central Asian Factor of Restructuring the Energy and Transport Map of Eurasia</i>	6
GLOBAL TRANSPORT CORRIDORS	
MARKAROV A., DAVTYAN V. <i>“3+3” Cooperation Platform and Prospects for Unblocking Transport Communications in The South Caucasus</i>	22
ENERGY MARKET INFRASTRUCTURE	
OSTANIN-GOLOVNYA V., AFANASYEV V. <i>The Energy Factor in The Development of Saudi Arabia’s Foreign Policy at The Present Stage</i>	38
SUGONYAEV P. <i>Doctrinal basis of energy policy of modern Germany</i> ..	52
GLOBAL AND REGIONAL ENERGY MARKETS	
VYSHEGORODTSEV D. <i>Prospects of Central Asian Markets for Russian Oil Companies</i>	67
ECOLOGY AND NEW TECHNOLOGIES	
PROKOF’EV V. <i>Problems of growth of alternative energy sources in China</i>	90
CURRENT TRENDS IN THE ENERGY SECTOR	
SIMONOV A. <i>Energy (In)Dependence and National Specialization as a Factor of Global Competitiveness</i>	106
SPECIAL OPINION	
MUDROVA S., BOLONKIN V., DAVYDOV A. <i>Impact of Some Factors on Pricing in the Real Estate Market of Russian Megacities</i>	138
YOUNG RESEARCHER	
LALAYAN L. <i>Export Potential of Kyrgyzstan In the Agro-Industrial Complex</i>	157

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В ТЕКСТЕ

ВБ – Всемирный банк

ВИЭ – возобновляемые источники энергии

ВТО – Всемирная торговая организация

ГЦСС – глобальные цепочки создания стоимости

ГЭС – гидроэлектростанция

ЕАЭС – Евразийский экономический союз

ЕЭК – Евразийская экономическая комиссия

ИКТ – информационно-коммуникационные технологии

ИРИ – Исламская республика Иран

КСА – Королевство Саудовская Аравия

МТК – Международный транспортный коридор

МЭА – Международное энергетическое агентство

ОПЕК/ ОПЕС – Организация стран-экспортеров нефти/
The Organization of the Petroleum Exporting Countries

ТЭК – топливно-энергетический комплекс

ТЭС – теплоэлектростанция

ЦА – Центральная Азия

ЦСС – цепочки создания стоимости

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имён, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится заимствований, нарушающих чьи-либо авторские права, и данных, не подлежащих открытой публикации. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Редакция не ведёт переписку с авторами. Рукописи не возвращаются.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Геоэкономика энергетики» обязательна.

Научно-аналитический журнал «Геоэкономика энергетики»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-75848
выдано 13 июня 2019 года

Возрастная категория: 16+

Подписной индекс 33321 на полугодие
в интернет-каталоге «Газеты и журналы» агентства «Роспечать»

ISSN 2687-0703

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ГЕОЭКОНОМИКА ЭНЕРГЕТИКИ»
№ 2 (26) 2024

Издательство Института стран СНГ
Адрес издательства и редакции: г. Москва, ул. Б. Полянка, дом 7/10, стр. 3
Телефоны: (499) 799-81-49, (499) 799-81-62
E-mail: info@geoenergy-journal.ru
Сайт: <http://geoenergy-journal.ru>



Подписано в печать 29.06.2024
Формат 70×100 1/16. Печать офсетная.
Тираж по заказу.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «ПРИНТИКА».
109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 91, корп. 1, пом. 11, к. 2, оф. 14-5.